

Международная конференция

**РАЦИОНАЛЬНОСТЬ
И ЕЕ ГРАНИЦЫ**

Conférence internationale

**LA RATIONALITÉ
ET SES LIMITES**

15 - 18. IX. 2011

International Institute of Philosophy
Institute of Philosophy
Russian Academy of Sciences

RATIONALITY AND ITS LIMITS

**Proceedings of the International Scientific Conference
“Rationality and Its Limits” during the
International Institute of Philosophy Meeting in Moscow
(15-18 September 2011)**

Moscow
2012

Международный институт философии
Российская Академия Наук
Институт философии

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ЕЁ ГРАНИЦЫ

**Материалы международной научной конференции
«Рациональность и ее границы» в рамках заседания
Международного института философии в Москве
(15–18 сентября 2011 г.)**

Москва
2012

УДК 100.73
ББК 15.13
Р 27

Ответственные редакторы

академик РАН *А.А. Гусейнов*
академик РАН *В.А. Лекторский*

Р 27

Рациональность и её границы: Материалы международной научной конференции «Рациональность и её границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15–18 сентября 2011 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2012. – 233 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0221-8.

Данная книга представляет собой сборник докладов международной научной конференции «Рациональность и её границы», которая состоялась во время заседания Международного института философии в сентябре 2011 г. в Москве. Основные темы, обсуждавшиеся на конференции: различные типы и аспекты рациональности, связь рациональности и морали, возможность венаучной рациональности, рациональность как культурная ценность, а также границы понятия рациональности. Данные тексты ориентированы на читателей, интересующихся современными тенденциями эпистемологии и философии науки и особенно судьбами европейской научной рациональности.

ISBN 978-5-9540-0221-8

© Коллектив авторов, 2012
© Институт философии РАН, 2012

Содержание

Предисловие	6
<i>В.С. Стёпин</i> . Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция	7
<i>Я. Хинтикка</i> (Финляндия). Рациональность, логика и их пределы	21
<i>Э. Агацци</i> (Италия). Вненаучная рациональность	34
<i>Г. Абель</i> . (Германия). Переосмысление рациональности: использование знаков и рациональность интерпретаций	59
<i>В. Рабинович</i> (Швеция). Иррациональность, делает ли она человека незащищенным от эксплуатации?	74
<i>А.А. Гусейнов</i> . Мораль как предел рациональности	101
<i>Х. Ленк</i> (Германия). Типы и метатипы рациональности	127
<i>Х. Мостерин</i> (Испания). Формальные и материальные аспекты рациональности	139
<i>Д. Вандервекен</i> (Канада) О несовершенной, но минимальной рациональности человеческих агентов.....	159
<i>Б. Сен-Сернан</i> (Франция). Рациональность между моделями и историей.....	188
<i>Л.М. Скарантино</i> (Италия). Прагматические границы разума	202
<i>В.А. Лекторский</i> . Рациональность как ценность культуры	216
Авторы	232

Предисловие

Проблема рациональности – одна из наиболее обсуждаемых сегодня не только в философии, но и в науках, особенно в науках о человеке, обществе, культуре, когнитивных науках. Исторически сложившиеся представления о рациональности подвергаются ныне сомнению. Оспариваются представления о формальных и содержательных компонентах рациональности: создаются различные системы дедуктивной и индуктивной логики, конкурирующие между собой концепции научной рациональности. Формулируются идеи о существовании разных типов и форм рациональности в науке. Исследуются вопросы рациональности человеческих действий, возможностей и границ их рационализации: теория рационального выбора, концепции минимальной и ограниченной рациональности, используемые в психологии, социологии, экономической науке. Вместе с тем сегодня в некоторых кругах популярны мнения о том, что разговоры о рациональности – это анахронизм, так как мол человек не может более рассматриваться как существо рациональное, ибо движим разного рода иррациональными побуждениями, которые он путем «рационализации» маскирует для себя и других.

В действительности рациональность всегда была и остается одной из высших человеческих ценностей. Без нее невозможны творчество, свобода, мораль, т. е. сам человек. Рациональность – фундаментальная проблема современной культуры. С ее осмыслением связано понимание человека и его возможного будущего.

На прошедшей в Москве в сентябре 2011 г. конференции Международного Института философии обсуждалась тема «Рациональность и ее границы». Докладчики – известные философы, члены Международного института философии из Германии, Испании, Италии, Канады, Китая, России, Финляндии, Франции, Швеции.

Мы думаем, что состоявшееся обсуждение – серьезный вклад в осмысление одной из жгучих проблем современности.

*А.А.Гусейнов,
В.А.Лекторский*

Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция

В историческом развитии науки можно зафиксировать эпохи, которые характеризуются изменениями типа научной рациональности. Можно выделить три таких типа: классическую, неклассическую и постнеклассическую рациональность.

Критериями их различения выступают: 1) особенности системной организации объектов, осваиваемых наукой (простые системы, сложные саморегулирующиеся системы, сложные саморазвивающиеся системы); 2) присущая каждому типу рациональности система идеалов и норм исследования (объяснения, описания, обоснования, структуры и построения знаний); 3) специфика философско-методологической рефлексии над познавательной деятельностью, обеспечивающая включение научных знаний в культуру соответствующей исторической эпохи.

Классическая рациональность

На этапе классической науки основными объектами исследования являются простые системы. Для познавательного и практического освоения простых систем достаточно полагать, что суммарные свойства их частей исчерпывающе определяют свойства целого. Считается, что часть (элемент) внутри целого и вне его обладает одними и теми же свойствами. Особым образом интерпретируется соотношение вещи и процесса: вещь (тело) рас-

смачивается как нечто первичное по отношению к процессу, а процесс трактуется как воздействие одной вещи на другую. Причинность в этом подходе редуцируется к лапласовской детерминации. Пространство и время рассматриваются как нечто внешнее по отношению к системе (объекту). Полагается, что состоящие движения объектов никак не сказывается на характеристиках пространства и времени.

Категориальная сетка описания малых систем лежала в основании механической картины мира, которая господствовала в науке в XVII–XVIII вв. и отчасти первой половины XIX в. Эта картина вводила следующий образ Мироздания. В качестве фундаментальных объектов полагались неделимые корпускулы (атомы). И.Ньютон в «Оптике» писал, что Бог создал мир из неделимых корпускул (атомов) и все тела (твердые, жидкие и газообразные) составлены из них, возникают благодаря взаимодействию корпускул. Взаимодействие корпускул и тел осуществляется как мгновенная передача сил по прямой (дальнодействие) и подчиняется строгой детерминации, получившей позднее определение как лапласовской причинности. Процессы движения и взаимодействия протекают в абсолютном пространстве с течением абсолютного времени.

Неделимая корпускула, силы, действующие мгновенно по прямой, абсолютное пространство и время – все это теоретические идеализации, которые наделялись онтологическим статусом. Относительно их формулировались принципы – неделимости атома и сохранения материи, принцип дальнодействия, лапласовской детерминации, принцип неизменности пространственных и временных интервалов и их независимости от характера движения тел. Система этих принципов составляла фундамент физического знания соответствующей эпохи.

Механическая картина мира выступала как первая научная онтология физики. Но одновременно она функционировала и как общенаучная картина мира, ориентируя исследователей на рассмотрение не только физических, но и биологических, а также социальных объектов в качестве простых механических систем.

Приведу два примера, относящихся к функционированию механической картины мира в качестве парадигмального образа природы и общества. Оба относятся к этапу становления биологии и социологии как особых научных дисциплин.

В становлении биологии в качестве особой научной дисциплины важную роль сыграли идеи об эволюции организмов как источника видообразования. В XVIII в. эти идеи обрели вид теоретической концепции Ламарка. Сегодня она воспринимается как своего рода антитеза механистическим представлениям. Но историко-научный анализ показывает, что все обстоит иначе. Оказывается, представления механической картины мира служили в концепции Ламарка фундаментальным объяснительным принципом.

В XVIII столетии механическая картина мира была модифицирована. В качестве фундаментальных объектов в нее были включены, наряду с атомами вещества (неделимыми корпускулами), невесомые субстанции – носители тепловых, электрических и магнитных сил – теплород, электрический и магнитный флюиды. Ламарк сознательно ориентировался на эту картину при исследовании изменений организмов в результате их приспособления к среде. Он полагал, что упражнение органов, вызванное приспособительной активностью, приводит к накоплению в них электрических и магнитных флюидов, что, в конечном итоге порождает изменение органов. Отсюда он вывел принцип: упражнение создает орган. И с этих позиций выявлял эволюционные ряды организмов, демонстрирующие образование новых видов¹.

В дальнейшем развитии биологии идея флюидов была устранена, но представление об эволюции видов организмов осталось. Эти представления легли в основание картины биологического мира, несводимой к физической, что конституировало биологию в качестве особой научной дисциплины.

Аналогичные процессы прослеживались в становлении социальных наук. Известно, что Сен-Симон и Фурье предлагали положить в основу исследования социальной жизни механику. Фурье считал, что возможно открыть закон, наподобие закона всемирного тяготения, который описывает все взаимодействия людей, только это будет тяготение не по массам, как в физике, а по страстям. Ученик Сен-Симона О.Конт, выдвинув идею социологии как науки об обществе, сначала называл ее социальной физикой. Он полагал, что ее можно построить по образу и подобию механики. Но потом выяснилась неадекватность механистических представлений в новой области исследований, и Конт первый сделал шаги по их пре-

¹ См. подробнее: *Стёпин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994. С. 147-148, 170-172.

одолению. Он предложил рассматривать общество как целостный, развивающийся организм. Но первые шаги по созданию социологии были основаны на механической картине мира, предлагавшей видение общества как механической системы.

Освоение любого типа системных объектов предполагает не только построение соответствующей научной онтологии, но и осмысление структуры операций и средств познавательной деятельности. Особенности этих операций и средств выражает интерпретация идеалов и норм науки.

На этапе классической науки доминировал идеал, согласно которому объяснение и описание должно включать только характеристики объекта. Ссылки на ценностно-целевые структуры познания, на особенности средств и операций деятельности, согласно классическим нормам, не должны фигурировать в процедурах описания и объяснения. Отклонение от этих норм воспринималось как отказ от идеала объективности знания.

Особое истолкование получили идеалы и нормы обоснования знаний. В качестве главных требований обоснования теории выдвигалось два принципа: подтверждение теории опытом и очевидность (наглядность) ее фундаментальных постулатов. Идеалом было построение абсолютной истинной картины мира и теорий, точно и однозначно соответствующих объекту. Полагалось, что из двух альтернативных теоретических описаний одной и той же области опыта истинным может быть только одно.

Эпистемологическими основаниями классической науки выступали представления о познании как наблюдении и экспериментировании с объектами, которые раскрывают тайны своего бытия познающему разуму. Причем сам разум наделялся статусом суверенности. В идеале он трактовался как дистанцированный от вещей, как бы со стороны наблюдающий и исследующий их, не детерминированный никакими предпосылками, кроме свойств и характеристик изучаемых объектов.

Неклассическая рациональность

Основными объектами исследования в неклассической науке становятся сложные саморегулирующиеся системы. Такие системы дифференцируются на относительно автономные подсистемы,

в которых происходит массовое, стохастическое взаимодействие элементов. Целостность системы предполагает наличие в ней особого блока управления, прямые и обратные связи между ним и подсистемами. Большие системы гомеостатичны. В них обязательно имеется программа функционирования, которая определяет управляющие команды и корректирует поведение системы на основе обратных связей. Автоматические станки, заводы-автоматы, системы управления спутниками и космическими кораблями, автоматические системы регуляции грузовых потоков с применением компьютерных программ и т. п. – все это примеры больших систем в технике. В живой природе и обществе – это организмы, популяции, биогеоценозы, социальные объекты, рассмотренные как устойчиво воспроизводящиеся организованности.

Категории части и целого применительно к сложным саморегулирующимся системам обретают новые характеристики. Целое уже не исчерпывается свойствами частей, необходимо учитывать системное качество целого. Часть внутри целого и вне его обладает разными свойствами. Так, органы и отдельные клетки в многоклеточных организмах специализируются и в этом качестве существуют только в рамках целого. Будучи выделенными из организма, они разрушаются (погибают), что отличает сложные системы от простых механических систем, допустим, тех же механических часов, которые можно разобрать на части и из частей вновь собрать прежний работающий механизм. В сложных саморегулирующихся системах целое не только зависит от свойств составляющих частей (элементов), но и определяет их свойства. По-новому рассматривается соотношение вещи и процесса. Сложные системные объекты (вещи) предстают как процессуальные системы, самовоспроизводящиеся в результате взаимодействия со средой и благодаря саморегуляции.

Причинность в больших, саморегулирующихся системах уже не может быть сведена к лапласовскому детерминизму (в этом качестве он имеет лишь ограниченную сферу применимости) и дополняется идеями «вероятностной» и «целевой причинности». Первая характеризует поведение системы с учетом стохастического характера взаимодействий в подсистемах, вторая – действие программы саморегуляции как цели, обеспечивающей воспроизводство системы. Возникают новые смыслы в пространственно-временных опи-

саниях больших, саморегулирующихся систем. В ряде ситуаций требуется наряду с представлениями о «внешнем» времени вводить понятие «внутреннего времени» (биологические часы и биологическое время, социальное время).

Коррелятивно новому типу исследуемых объектов формировалась новая интерпретация идеалов и норм науки. Они характеризовались отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий и картины мира, выработанной на том или ином этапе развития науки. В противовес идеалу единственно истинной теории, «фотографирующей» исследуемые объекты, укореняется норма, допускающая альтернативные теоретические описания одной и той же реальности, в каждом из которых может содержаться момент объективно-истинного знания. Осмысливаются корреляции между онтологическими постулатами науки и характеристиками метода, посредством которого осваивается объект. В связи с этим принимаются такие типы объяснения и описания, которые в явном виде содержат ссылки на средства и операции познавательной деятельности. Наиболее ярким образцом такого подхода выступали идеалы и нормы объяснения, описания и доказательности знаний, утвердившиеся в квантово-релятивистской физике. В ней в качестве необходимого условия объективности объяснения и описания выдвигалось требование четкой фиксации особенностей средств наблюдения, которые взаимодействуют с объектом (классический способ объяснения и описания может быть представлен как идеализация, рациональные моменты которой обобщаются в рамках нового подхода).

В отличие от классических образцов, обоснование теорий в квантово-релятивистской физике предполагало экспликацию операциональной основы вводимой системы понятий (принцип наблюдаемости), а также выяснение связей между новой и предшествующими ей теориями (принцип соответствия).

Эпистемологической основой идеалов и норм неклассической науки было представление о деятельностной природе познания. Познающий разум рассматривался уже не как дистанцированный от изучаемого мира, а как находящийся внутри него, детерминированный им. Возникает понимание того обстоятельства, что ответы природы на наши вопросы определяются не только устройством самой природы, но и способом нашей постановки

вопросов (В.Гейзенберг). Сам этот способ зависит от исторического развития средств и методов познавательной и практической деятельности.

Постнеклассическая рациональность

Стратегию развития современной (постнеклассической) науки определяет освоение сложных, саморазвивающихся систем.

Саморазвивающиеся системы представляют собой еще более сложный тип системной целостности, чем саморегулирующиеся системы. Этот тип системных объектов характеризуется развитием, в ходе которого происходит переход от одного вида саморегуляции к другому. Здесь саморегуляция выступает аспектом, устойчивым состоянием развивающейся системы. Смена вида саморегуляции системы представляет собой фазовый переход, который может быть охарактеризован в терминах динамического хаоса. В современной науке он описывается в рамках динамики неравновесных систем и синергетики.

Саморазвивающимся системам присуща иерархия уровней организации элементов и способность порождать в процессе развития новые уровни организации. Причем каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность. С появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы. Вместе с тем перестраивается блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей.

Изменения структуры саморазвивающихся систем по мере появления в них новых уровней организации и перестройки их прежних оснований можно изобразить посредством следующей схемы.

Сложные саморазвивающиеся системы характеризуются открытостью, обменом веществом, энергией и информацией с внешней средой. В таких системах формируются особые информационные структуры, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой («опыт» предшествующих взаимодействий).

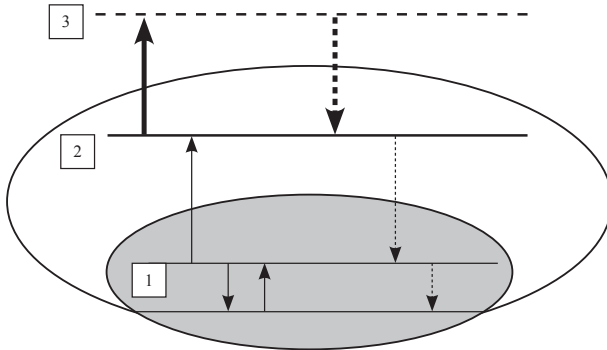

Рис. 1.

1. Исходная саморегуляция.
2. Новый тип саморегуляции, основанный на трансформации предшествующих уровней иерархии системы.
3. Потенциально возможный уровень организации при продолжении развития системы как возможность нового типа саморегуляции.

К таким системам относятся биологические объекты, рассматриваемые не только в аспекте их функционирования, но и в аспекте развития, объекты современных нано- и биотехнологий и, прежде всего, генетической инженерии, системы современного проектирования, когда берется не только та или иная технико-технологическая система, но еще более сложный развивающийся комплекс: человек – технико-технологическая система, плюс экологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию и весь этот комплекс рассматривается в развитии. К саморазвивающимся системам относятся современные сложные компьютерные сети, предполагающие диалог «человек-компьютер», «глобальная паутина» – Интернет. Наконец, все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем.

Сложные саморазвивающиеся системы требуют для своего освоения особой категориальной матрицы. Категории части и целого включают в свое содержание новые смыслы. При формировании новых уровней организации происходит перестрой-

ка прежней целостности, появление новых параметров порядка. Иначе говоря, необходимо, но недостаточно зафиксировать наличие системного качества целого, следует дополнить это понимание идеей изменения видов системной целостности по мере развития системы.

В сложных саморегулирующихся системах появляется новое понимание объектов как процессов взаимодействия. Усложнение системы в ходе развития, связанное с появлением новых уровней организации, выступает как смена одного инварианта другим, как процесс перехода от одного типа саморегуляции к другому. Возникает два смысла процессуальности объекта (системы): она проявляется и как саморегуляция, и как саморазвитие, как процесс перехода от прежнего типа саморегуляции к новому.

Освоение саморазвивающихся систем предполагает также расширение смыслов категории «причинность». Она связывается с представлениями о превращении возможности в действительность. Целевая причинность, понятая как характеристика саморегуляции и воспроизводства системы, дополняется идеей направленности развития. При этом направленность не следует толковать как фатальную предопределенность. Случайные флуктуации в фазе перестройки системы (в точках бифуркации) формируют аттракторы, которые в качестве своего рода программ-целей ведут систему к некоторому новому состоянию и изменяют возможности (вероятности) возникновения других ее состояний.

Применительно к саморазвивающимся системам выявляются и новые аспекты категорий пространства и времени. Нарастивание системой новых уровней организации сопровождается изменением ее внутреннего пространства-времени. В процессе дифференциации системы и формирования в ней новых уровней возникают своеобразные «пространственно-временные окна», фиксирующие границы устойчивости каждого из уровней и горизонты прогнозирования их изменений.

Освоение саморазвивающихся систем предполагает особые стратегии деятельности. Взаимодействие человека с саморазвивающимися системами протекает таким образом, что само человеческое действие не является внешним фактором по отношению к системе, а включается в нее, необратимо изменяя каждый раз поле ее возможных состояний.

На этапе фазовых переходов, в точках бифуркации возникает спектр возможных сценариев развития системы. Какой из них реализуется, зависит от условий взаимодействия системы со средой. И если мы своими действиями создаем определенные условия, при которых обменные процессы со средой порождают странные аттракторы, которые втягивают систему в определенное русло развития, то можно считать, что мы сконструировали эти процессы своей деятельностью. Но можно рассматривать эти же процессы как естественные, как выражающие сущностные особенности развивающегося объекта. Ведь система так устроена, что реализация одного из возможных сценариев развития выступает как условие и характеристика бытия системы, как выражение ее природы. И если мы своей деятельностью направили развитие системы по определенному руслу, то это одновременно и искусственное, и естественное. Жесткие грани между ними стираются. Искусственное предстает как вариант естественного.

В исследованиях сложных саморазвивающихся систем фундаментальные и прикладные исследования часто выступают как компоненты единого комплекса с прямыми и обратными связями. В нанонауке, генетической инженерии, когнитивных науках фундаментальные открытия часто в явном виде дают спектр технологических следствий, имеющих прямой выход к новым технологиям.

Большинство исследований саморазвивающихся систем требует междисциплинарного подхода. В постнеклассической науке удельный вес междисциплинарных исследований резко возрос.

Все эти особенности исследования сложных саморазвивающихся систем существенно перестраивают идеалы и нормы науки. Историчность системного комплексного объекта и вариабельность его поведения предполагают широкое применение особых способов описания и предсказания его состояний – определение возможных сценариев развития системы в точках бифуркации. С идеалом строения теории как аксиоматически-дедуктивной системы все больше конкурируют теоретические описания, основанные на применении метода аппроксимации, теоретические схемы, использующие компьютерные программы, и т. д. В естествознание начинает все шире внедряться идеал исторической реконструкции, которая выступает особым ти-

пом теоретического знания. Этот идеал ранее применялся преимущественно в гуманитарных науках (истории, археологии, историческом языкознании и т. д.).

Образцы исторических реконструкций можно обнаружить не только в дисциплинах, традиционно изучающих эволюционные объекты (биология, геология), но и в современной космологии и астрофизике. Современные модели, описывающие развитие Метагалактики, могут быть расценены как исторические реконструкции, посредством которых воспроизводятся основные этапы эволюции этого уникального исторически развивающегося объекта.

Среди исторически развивающихся систем современной науки особое место занимают природные и социальные комплексы, в которые включен в качестве компонента сам человек. Примерами таких «человекообразных» комплексов могут служить медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом (глобальная экология), объекты нанонауки, биотехнологии (в первую очередь генетической инженерии), системы «человек–машина» (включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта) и т. д.

При изучении «человекообразных» объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. С системами такого типа нельзя свободно экспериментировать. В процессе их исследования и практического освоения особую роль начинают играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия для человека.

В связи с этим трансформируется идеал ценностно-нейтрального исследования. Объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекообразным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с внеучными ценностями общесоциального характера. В современных программно-ориентированных исследованиях эта экспликация осуществляется при социальной экспертизе исследовательских программ и проектов. Исследователю приходится решать ряд проблем этического характера,

определяя границы возможных изменений системы. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, постоянно соотносится в этих условиях с общегуманистическими принципами и ценностями. Этическая экспертиза включается в качестве компонента в идеал обоснования научных знаний.

Эпистемологическим основанием всех этих трансформаций идеалов и норм науки выступает понимание научного познания как особого компонента культуры и социальной жизни, детерминированного ее базисными ценностями.

Возникновение каждого нового типа рациональности не приводит к исчезновению предшествующих типов, а лишь ограничивает сферу их действия. При решении ряда задач неклассический и постнеклассический подходы могут быть избыточными и можно ограничиться классическими нормативами исследования. Научная рациональность на современной стадии развития науки представляет собой гетерогенный комплекс со сложными взаимодействиями между разными историческими типами рациональности.

С появлением постнеклассической рациональности возникает новый тип взаимодействия социально-гуманитарных, технических и естественных наук. Социально-гуманитарные науки раньше естествознания столкнулись с объектами, представляющими собой исторически развивающиеся человекоразмерные системы. И многие методологические идеи наук о духе (в частности идеи В.Дильтея) предваряли развиваемую в современную эпоху методологию постнеклассической рациональности. Мне уже приходилось не раз отстаивать точку зрения, что жесткая граница между естествознанием и социально-гуманитарными науками сегодня стирается. В эпоху В.Дильтея естествознание находилось еще в стадии классической науки, а социально-гуманитарные науки уже не удовлетворялись классическим подходом, но четко еще не осознавали особенностей своего предмета и его категориальной матрицы.

Эта матрица по частям, по аспектам прорисовывалась в философии. Вместе с ней нащупывались и новые методологические предпосылки исследования социально-гуманитарных объектов.

В современных условиях, когда сложные, часто уникальные саморазвивающиеся системы становятся объектами переднего края науки, многие проблемные ситуации исследования могут

значительно легче преодолеваются при осознании особенностей постнеклассической рациональности. Разработка методологии постнеклассической науки, на мой взгляд, облегчит обмен методами и концептуальными средствами между естествознанием, техническими и социально-гуманитарными науками, причем не односторонне, механически, а с учетом их прямых и обратных связей.

В изменениях научной рациональности открываются также новые возможности диалога культур. Многое из того, что новоевропейская наука ранее отбрасывала как ненаучные заблуждения традиционалистских культур, неожиданно начинает резонировать с новыми идеями переднего края науки.

Я обычно выделяю здесь три основных момента. Во-первых, восточные культуры (как и большинство традиционалистских культур) всегда исходили из того, что природный мир, в котором живет человек, это – живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепахивать и переделывать. Долгое время новоевропейская наука относилась к этим идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как глобальной экосистеме выяснилось, что непосредственно окружающая нас среда действительно представляет собой целостный организм, в который включен человек. Эти представления уже начинают в определенном смысле резонировать с организмическими образами природы, свойственным и древним культурам.

Во-вторых, объекты, которые представляют собой развивающиеся человекообразные системы, требуют особых стратегий деятельности. Эти системы наделены синергетическими характеристиками, в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. В точках бифуркации незначительное воздействие может радикально изменить состояние системы, порождая новые возможные траектории ее развития².

Установка на активное силовое преобразование объектов при действии с такими системами не всегда является эффективной. При простом увеличении внешнего силового давления система может воспроизводить один и тот же набор структур и не порождает

² Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1990. С. 6–7.

новых структур и уровней организации. Но в состоянии неустойчивости, в точках бифуркации часто небольшое воздействие – укол в определенном пространственно-временном локусе – способно породить (в силу кооперативных эффектов) новые структуры и уровни организации. Этот способ воздействия напоминает стратегии ненасилия, которые были развиты в индийской культурной традиции, а также действия в соответствии с древнекитайским принципом «у-вэй», который полагал идеалом минимальное воздействие, осуществляемое в соответствии с пониманием и чувством ритмов мира.

В-третьих, в стратегиях деятельности со сложными, человеко-размерными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целе-рационального и ценностно-рационального действия. В западной культурной традиции рациональное обоснование полагалось основой этики. Когда Сократа спрашивали, как жить добродетельно, он отвечал, что сначала надо понять, что такое добродетель. Иначе говоря, истинное знание о добродетели задает ориентиры нравственного поведения.

Принципиально иной подход характерен для восточной культурной традиции. Там истина не отделялась от нравственности, и нравственное совершенствование полагалось условием и основанием для постижения истины. Один и тот же иероглиф «дао» обозначал в древнекитайской культуре закон, истину и нравственный жизненный путь. Когда ученики Конфуция спрашивали у него, как понимать «дао», то он каждому давал разные ответы, поскольку каждый из его учеников прошел разный путь нравственного совершенствования.

Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и который имманентно включает рефлексию над ценностями, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственной традиционным восточным культурам. Наука становится одним из важных факторов диалога культур Востока и Запада.

Рациональность, логика и их пределы

Что понимается под рациональностью? Что бы ни имели в виду, очевидно, что рациональность невысоко ценится в современной мысли. Само по себе это не новость, иррационализм обладает давними традициями. По крайней мере относительно ново то, что философская критика рационализма по большей части является самокритикой. Я имею в виду то, что явные представители рациональной мысли сами являются критиками рациональности, по крайней мере, в том смысле, что они указывают на некоторые пределы рациональности. Я буду называть это парадоксом современного рационализма и покажу, что его основные теоретические предпосылки ошибочны. Рациональность по определению проявляется в логическом мышлении и прочих видах мышления дискурсивного типа. Соответственно, парадокс современного рационализма по сути проявляется в исследованиях, определяющих границы логики и научных методов. Эти границы были очерчены логиками и философами науки. Величайшими открытиями в логике в XX в. считаются результаты, говорящие о невозможности чего-либо, Курта Гёделя, Альфреда Тарского и Пауля Когена. Гёдель доказал в явном виде, что даже наиболее простые разделы математики, такие как элементарная арифметика, являются дедуктивно неполными таким образом, что в них неизбежно существуют при любой аксиоматизации истинные, но недоказуемые предложения. Тарский доказал, что важнейшее с философской точки зрения понятие истины не определимо в том типе языков, которые, как мы

считаем, выражают наш «язык мысли». (Официально признанный основателем современной логики Готтлоб Фреге называл свою формальную запись '*Begriffsschrift*', т. е. запись для всех наших понятий.) Пауль Коген показал, что определенные, фундаментальные гипотезы, такие как гипотеза непрерывности, не являются ни доказуемыми, ни недоказуемыми в наиболее общеиспользуемой системе аксиом для теории множеств, так называемой теории множеств Цермело-Френкеля (ZF). Эта теория часто считается *lingua franca* всей математики. Эти результаты, по общему признанию, корректны с технической точки зрения и демонстрируют впечатляющую изобретательность. Как представляется, они показывают, что существуют серьезные ограничения для логики, математики, аксиоматического метода и, возможно, самого человеческого разума.

Другой тип мнимого ограничения в логике и математике, предполагается, проявляется в парадоксах теории множеств. Эта теория часто считается лежащей в основании всей математики. В то же время из-за наличия парадоксов становится неясно, каковы пределы теоретико-множественного подхода. Они заставили математиков ослабить свои притязания. Один историк математики популяризировал девиз «потери достоверности», а именно, потери достоверности математического рассуждения.

Я покажу, что это представление о кажущихся ограничениях логики и математики в корне ошибочно и подлинная философская и теоретическая значимость этих результатов, считающихся указывающими на существование границ, полностью ошибочно. Это заблуждение вытекает из неспособности понять истинную природу самой логики.

До того, как я перейду к основному вопросу, необходимо рассмотреть то, что пошло не так, с психологической точки зрения. Рассмотрим для примера великого логика Гёделя: как именно рационалист может служить в качестве персонификации парадокса современной рациональности. С идеологической точки зрения Гёдель был крайним рационалистом. Он верил в мощь человеческого разума и обожал великого рационалиста Лейбница. В то же время его поступки кажутся противоречащими любым представлениям о рациональности. Он придумал фантастическую теорию о Конституции США, что почти лишило его возможности натурализации. Он верил в то, что у него есть логическое доказательство бытия

Бога. С одной стороны, он практически до суеверия доверял властям, а с другой – был подвержен сильнейшим приступам паранойи. Например, он верил в то, что существует заговор с целью сокрытия рационалистических идей Лейбница. Он закончил свою жизнь буквально уморив себя голодом, т. к. он думал, что его пытаются отравить.

Эти особенности его личности обычно не принимаются в расчет как иррелевантные по отношению к логическим и философским идеям Гёделя, как просто эксцентричные идиосинкразии. Но возможно, есть нечто более важное в этих свидетельствах о его поступках. Коллега по IAS в Принстоне и личный друг Гёделя, старый мудрый Альберт Эйнштейн имел возможность наблюдать за всеми странностями Гёделя. Однажды утром он сказал своему ассистенту: «А вот теперь Гёдель окончательно сдвинулся с катушек». Что же на этот раз выкинул Гёдель? «Он голосовал за генерала Эйзенхауэра». На первый взгляд, голосовать за умеренного политика, показавшего свои способности в управлении, кажется наименее сумасшедшим поступком в данных обстоятельствах. Но Эйнштейн не был посторонним наблюдателем. Он видел глубинную причину в поступке Гёделя. Гёдель боялся, постоянно чувствовал себя в опасности. Эта боязнь была причиной того, почему Гёдель проголосовал за известную, приносящую чувство уверенности фигуру отца, Эйзенхауэра, а не за любимца интеллектуалов, не говоря уже о рационалистах – Эдди Стивенсона.

Чувство опасности было источником его фатальной паранойи. В логике и философии Гёдель также нуждался в безопасном, знакомом месте, из которого он мог бы делать вылазки во внешний мир. Внутри него он изучил все, включая явную или скрытую неполноту или другие недостатки. Конституция США была таким безопасным местом, так же, как и теория множеств Цермело-Френкеля. Но он просто отказывался выходить за ее пределы. Такие комментаторы, как Салмон Фелерман, указывали, что Гёдель ввел в оборот три наиболее важные идеи, направлявшие развитие логики в оставшейся части XX в., но он даже не пытался разработать систематическую теорию ни для одной из них. В философии Гёдель был поклонником Лейбница, однако он никогда не использовал одну из типичнейших идей Лейбница, идею о возможном мире или, более точно, идею обо всех различных возможных мирах. Этому не

противоречит использованию понятия возможных вселенных в его размышлениях о физике. Да, он мог рассматривать другие физические возможности, то есть, другие модели отдельных физических теорий. Однако это очень далеко от использования идеи о мирах, в которых работают другие концептуально возможные законы, как это делал Лейбниц.

Я полагаю, что в этом отношении Гёдель является типичнейшим примером современных воззрений касательно пределов логики и рациональности. Эти взгляды пропитаны чувством опасности.

Если это утверждение кажется вам слишком далеко идущим, я прошу вас взглянуть на нашу практику в области логики со стратегической точки зрения. Исходя из этой перспективы, мы должны различать стратегические правила игры или прочей деятельности, ориентированной на результат, от определяющих правил, которые только очерчивают то, чем является игра. Рассмотрим «игру» в логике. Центральной частью любого вводного текста по логике является определение того, что называют правилами вывода. Их часто считают альфой и омегой логики. Однако в каком смысле они являются правилами? К какому типу правил они принадлежат? Учитывая набор исходных посылок, говорят ли мне эти правила о том, какой вывод я должен из них сделать, т. е. какую посылку использовать? Нет, они не дают мне никакого совета в том, что именно я должен делать. Они являются определяющими, а не стратегическими правилами «игры» логики. Они только говорят мне о том, какие выводы я могу сделать без того, чтобы совершить ошибку. Они не являются ни дескриптивными, ни прескриптивными правилами. Они являются только разрешительными правилами, т. е. правилами, руководствуясь которыми я могу не допустить ошибки.

С этой точки зрения, мы должны заново взглянуть на историю современной логики, оснований математики и аналитической философии в целом. Согласно общепринятому мнению, эти предметные области в наибольшей степени обязаны своим существованием Готтлобу Фреге. С исторической точки зрения и до некоторых пределов это верно. Однако при более близком рассмотрении это оказывается только полуправдой. Фреге тоже не зашел достаточно далеко в своей работе, возможно из-за узости своих взглядов, если не сказать догматизма. Этим он отличается от Гёделя, охваченного чувством тревоги и опасности.

Обычно считается, что наиболее важным достижением Фреге было создание центрального ядра логики, называемого теорией квантификации. Сформулированное им является по своей сути тем, что сегодня называется традиционной (или общепринятой) логикой первого порядка. (В системе Фреге номинально присутствовали и более высокие порядки, но он в действительности принял в своей Базовой Посылке V, что объекты более высокого порядка должны рассматриваться в логике тем же способом, как и объекты первого порядка, т. е. как индивиды. Как следствие его высоковопорядковая логика является на самом деле просто многоместной логикой первого порядка.) Логика квантификации действительно является центральной идеей всех логических рассуждений. Но конечно, математики должны были рассуждать о кванторах и в их терминах задолго до Фреге, даже если они не формализовывали логику, которую использовали. Однако у них была явная терминология и способы работы с кванторами. Эта техника представлена в так называемом ϵ - δ методе для определения в строгих логических терминах многих из понятий высшей математики, таких как непрерывность, предел, сходимости и дифференцирование. Иногда открытие квантификации Фреге представляют как прямую формализацию имплицитной логики математиков. И по определению, логика Фреге должна была описать эту логику для того, чтобы претендовать на статус всеобщего *Begriffsschrift*, как она и была задумана.

Она не выполнила эту задачу. Теория квантификации Фреге обладает серьезными недостатками. Она значительно более бедна, чем неявная логика, которую математики – современники Фреге, такие как Вейерштрасс, уже и с удовольствием использовали. Так как следующие за Фреге логики и философы практически единодушно следовали по стопам последнего, то можно сказать, что они использовали и по большей части все еще используют неадекватную логику. Не приходится и говорить, что в буквальном смысле в общепринятой логике первого порядка, идущей от Фреге, нет ничего неправильного. Однако математики, логики и философы могут допускать серьезные ошибки в том случае, если они не обращают внимания на ограничения такой логики или рассматривают ее в качестве базовой для всей логики. В этом смысле та логика, которая до сих пор рассматривается в качестве естественной базовой логики, в существенной степени некорректна.

Вне всякого сомнения, математики должны были оперировать с кванторами и до Фреге. Но была ли эта неформализованная, неформальная логика действительно логикой? Почему именно логика Фреге должна считаться бедней, чем логика Вейерштрасса? Фактически, математики выработали правила и терминологию для логических рассуждений и на первый взгляд, различия с логикой Фреге не кажутся слишком радикальными. Благодаря этим правилам они придали логике семантическую окраску, весьма отличную от фрегевской. Последний интерпретировал кванторы как предикаты более высокого уровня по отношению к предикатам низкого уровня. Квантор существования выражает непустоту предиката низкого уровня, а квантор всеобщности – то, что у него нет исключений. Как следствие, Фреге видел всю семантику кванторов как исчерпывающуюся их «пробеганием» по классу значений.

Однако это еще не все о кванторах. Они обладают и другой семантической функцией. Одной из наиболее важных черт любого языка, на котором мы можем рассуждать, это способность представлять отношения взаимозависимости и независимости между переменными. Это выражают все математические законы науки. Единственным способом, которым такие отношения взаимозависимости могут быть выражены средствами логики первого порядка, является формальная зависимость кванторов друг от друга и от того, к чему они привязаны.

В протологике математиков, как она использовалась до Фреге, эта взаимозависимость и независимость выражалась при помощи обращения к взаимозависимости и независимости выборов, ассоциированных с кванторами. Намного позже данный способ рассуждения был систематизирован в явном виде в мощном логическом методе, названном теоретико-игровой семантикой.

Фреге не удалось ухватить функцию кванторов, указывающую на взаимозависимость. Как следствие, он создал свою логику как не позволяющую выражать все возможные модели зависимости и независимости между переменными. Она не могла вместить в себя всю мощь той логики, которой уже пользовались такие математики, как Вейерштрасс. Логика первого порядка Фреге, будучи вполне корректной на своем месте, является совершенно недостаточной. То же самое касается той основной логики, которой до сих пор пользуются философы – общепринятой логики первого порядка. Философы более ста лет опирались на крайне неполную логику.

Недостатки логики Фреге были выявлены и частично исправлены в 90-х гг. XX в. в той логике, которая не очень удачно названа условно-независимой (IF) логикой.

Что было (и что продолжает являться) следствиями использования все это время философами недостаточной логики? Как уже было указано, первопорядковая логика Фреге вполне корректна для своей области применения. Ошибки возникают только тогда, когда ее ограничения не принимаются во внимание или когда она принимается не просто как истинная, но как истинная в любом случае. К сожалению, ошибкам таких типов были подвержены в значительной степени философы, логики и даже математики.

Одной из основных ошибок было невнимание к примеру Сократа. Логики не осознавали ограничений используемой ими логики. Неспособность логиков и математиков это понять вела к парадоксам теории множеств, а через них – ко всему *Grundlagenkrisis* в основаниях математики, в особенности теории множеств. Но ответ специалистов по теории множеств был неверным. Они построили теорию как аксиоматическую систему с помощью стандартной логики первого порядка, естественным образом воспроизведя ошибку Фреге. Вместо того, чтобы выявить причины проблем, они просто ослабили свою систему с целью обхождения прямых противоречий. В результате используемую обычно аксиоматическую систему первого порядка теории множеств, такую как стандартная теория множеств Цермело-Френкеля, можно назвать ошибочным примером использования аксиоматического метода.

Следовательно, не стоит удивляться, в что системах, наподобие теории множеств Цермело-Френкеля, заложены значительные ограничения. Курт Гёдель и Пол Коген показали, что некоторые из наиболее серьезных вопросов теории множеств не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты в теории множеств Цермело-Френкеля. Эти, на первый взгляд неразрешимые, трудности включают в себя континуум-гипотезу, которая стоит на первом месте в знаменитом списке важнейших проблем математики, составленном Давидом Гильбертом в 1900 г. Эти результаты требовали величайшей изобретательности и поэтому считаются самым значительным достижением в логике и основаниях математики двадцатого века.

В действительности они являются просто следствиями ограничений, которые присущи аксиоматические системы первого порядка теории множеств. Результаты Гёделя и Поля Когена не говорят ничего как об истинности или ложности континуум-гипотезы или аксиомы выбора, так и об их логической природе. Полагать, что эти ограничивающие результаты являются решением континуум-гипотезы – наиболее яркий пример точки зрения, когда за деревьями не видят леса. Нет никаких оснований полагать, что континуум-гипотеза не имеет решения и, следовательно, правильной реакцией на неразрешимость в отдельно взятой системе, некорректность которой можно показать, будет попыткой не обойти проблему, а найти лучший подход.

Проблемы в теории множеств можно приписать неспособности выработать логику, которую Фреге не смог построить. Другие ошибки, более общего характера и более важные с философской точки зрения, вызваны еще одним заблуждением, когда полагают, что логика Фреге–Рассела – это вся логика первого порядка. Одной из наиболее важных логических и философских идей является идея истины. Она также является центральной для обсуждения отношения между логикой и тем, чем важна логика для понятия рациональности. Одним из наиболее характерных принципов современной герменевтической философии является то, что истина неопределима в терминах нашего обычного дискурсивного мышления.

Следовательно, доказательство Тарского, что истина неопределима (как утверждают стандартные изложения), рассматривается как выдающееся философское достижение. Если это можно рассматривать буквально, то этот результат поддерживает крайнюю антирационалистическую точку зрения. Он самым естественным образом будет центральным пунктом парадокса современного рационализма.

К несчастью или, наоборот, к счастью, это не то, что доказал Тарский. С нашей точки зрения, Тарский доказал только то, что истина неопределима в языках первого порядка Фреге–Рассела, которые сами по себе неполны. Вся эта неопределимость исчезает, когда исправляются пропуски, допущенные Фреге, как это сделано в IF-логике. Все антирационалистические интерпретации проблемы определмости истины оказываются не у дел. Как обычно, настоящее положение дел в современной ситуации гораздо более запутанно. С одной стороны, философское сообщество не вполне

еще осознает важность указанной теории. Существует обширная философская индустрия, полная книг, журнальных статей и конференций, посвященных тому, что называют теориями истины. В большей части обсуждений факт, говорящий о том, что наиболее важной чертой действительной ситуации касательно определимости или неопределимости истины, просто упускается или игнорируется, как будто работа Тарского закрывает проблему раз и навсегда. В действительности, сегодня уже очевидно, что результат Тарского показывает интересную черту логической теории истины, но сам по себе практически ничего не говорит нам о природе истины. Новое определение не опровергает классические «теории истины», но освещает их с новой стороны.

Противоположность между старыми воззрениями и подлинной ситуацией оказывается очевидной благодаря осознанию ошибок Фреге. Удивительно, как такой великий логик, как Тарский, упустил это из виду. Ответ на такой вопрос предложен в статье Хинтикки и Санду 1992 г. (см. в библиографии ниже).

Настолько же яркий контраст можно наблюдать между пониманием большинством философов результатов Гёделя и фактическим положением дел. Как предполагается, Гёдель показал, что элементарная арифметика не аксиоматизируема. Но что имел в виду Гёдель под классом всех логически валидных следствий из класса аксиом? Что он должен был иметь в виду самым естественным образом – это то, что может быть следствием аксиом по всем валидным правилам вывода. В этом смысле арифметика достаточно аксиоматизируется без особых проблем при использовании ресурсов логики, которая применялась математиками независимо от Фреге, что было перетолковано как ИФ-логика. Более того, это наиболее значимый аспект аксиоматизации с точки зрения не только приложений, но и с философской точки зрения. Данное понятие является более формальным, т. к. все отношения логического следования могут рассматриваться как чисто формальные: их валидность зависит только от их логической формы. Тем не менее Гёдель в своем понимании аксиоматизации ограничивает класс всех валидных правил вывода.

Таким образом, противоречие между общепринятым пониманием первой теоремы о неполноте Гёделя и ее действительным значением не просто очевидно, но заставляет задумываться о том, в каком смысле сам результат Гёделя может быть валидным.

Одним из ответов на данное затруднение лежит в смысле понятия «логическая система», который имел в виду Гёдель. Он соответствует понятию «логическая система», распространенному в наше время, но, как это ни удивительно, не традиционному понятию аксиоматической системы, описанному выше. Гёдель следовал общепринятому среди логиков и философов пониманию в том, что он сузил область отношений логического следования, которые можно использовать в логических системах. Он позволял только конечное число правил вывода в том, что он называл аксиоматической системой арифметики или любой другой «логической системой». На первый взгляд вовсе не очевидно, что это налагает значительные ограничения на понятие аксиоматизации. Однако результаты самого Гёделя, как оказалось, показывают, что это ограничение имеет важнейшее значение.

Без указанного ограничения первая теорема о неполноте Гёделя не является валидной. Так почему же он настаивал (и сообщество философов и логиков принимало) на том, чтобы это понятие называлось аксиоматизацией? Ответ заключается в том, что мы можем делать, если сведение к конечному перечню формальных правил вывода возможно во всех ситуациях. Это может означать, что мы всегда можем решить при помощи конечной формальной процедуры, является ли конкретный вывод валидным. Нам никогда не понадобится искать новые способы вывода. Мы можем ограничить наше внимание одной, замкнутой частью логики. Нам никогда не потребуется выйти за пределы одной, полностью освоенной части логики, в рамках которой все разрешимо.

Нетрудно видеть в данном решении Гёделя его стремление к безопасности. Но почему столько философов последовало его примеру, не является настолько очевидным.

Мы могли бы прийти к более полному ответу, если бы мы рассмотрели результат Гёделя с несколько иной перспективы. Формальные правила вывода могут быть запрограммированы для компьютера. Если существует только конечное число таких правил, то вся система может быть заложена в компьютер. Первая теорема Гёделя о неполноте, таким образом, показывает, что арифметика не может быть передана в подчинение информатике. Она показывает ограниченность не логики или аксиоматического метода, но компьютеров. Это важнейший результат, но он ничего не говорит об ограничениях

логики или человеческого разума. Он не мотивирует и никак не помогает антирационалистам. Результат Гёделя также не освещает с новой стороны природу истины в арифметике. Это по своей сути комбинаторный результат, говорящий о том, что класс истинных предложений арифметики не является рекурсивно перечислимым. Сам по себе он немного говорит нам о том, что выражено в предложениях арифметики. Логика пытались найти примеры, интересные с математической точки зрения, истинных, но недоказуемых «гёделевских предложений». Лично я крайне сомневаюсь в успехе такого предприятия. Из результата о неполноте Гёделя не следует никаких следствий наподобие отдельных истин арифметики.

Как уже было указано, теорема Гёделя говорит обо всей совокупности арифметических истин. Некоторые ее следствия могут даже иметь значение для философии, например для оценки предположений в области символической логики. В любом случае, истинное ядро первой теоремы Гёделя о неполноте не зависит от ошибки Фреге, несмотря на то, что это ядро более относится к комбинаторике и теории вычислений, чем к логике.

В этом отношении первый результат о неполноте Гёделя формально отличается от его второй теоремы о неполноте. Эта метатеорема гласит, что непротиворечивость арифметики не может быть доказана внутри самой арифметики. Данный результат принят практически всеми как доказательство провала программы Гильберта по доказательству непротиворечивости математических теорий при помощи формальных мета-математических средств. Одним из немногих несогласных с таким мнением был сам Гёдель. Оказалось, что вторая теорема о неполноте полностью зависит от традиционной логики Фреге–Рассела. Когда мы исправляем ошибку Фреге, с пути доказательств непротиворечивости в духе Гильберта исчезает не только это препятствие. Мы получаем на самом деле систематический аксиоматизируемый метод для реляционных доказательств непротиворечивости, такое понимание непротиворечивости не только в формальном, но и в модельно-теоретическом смысле, наверняка удовлетворило бы самого Гильберта.

Эти металогические результаты и их следствия не зависят от мотиваций Гёделя или его психологических идиосинкразий. Тем не менее было бы полезно заняться неким подобием вымышленной истории и пофантазировать, что было бы, если бы он был сме-

лей, хотел бы выйти за пределы традиционной фрегеанской логики и ограниченной метафизики, связанной с нею. Он бы мог пойти дальше Фреге просто доверяя логике математиков, с которой был хорошо знаком. Более конкретно, если бы он применил к теории множеств тот способ мышления, которому следовал в своих доказательствах, он был бы вынужден занять намного более скептическую позицию по отношению к превопорядковым аксиоматизациям теории множеств.

Подытоживая отмечу, что развитие логики и оснований математики за последние восемьдесят с небольшим лет не говорит ничего по поводу каких бы то ни было ограничений для логики, математики, аксиоматизации или человеческого разума. Это развитие показало важные ограничения того, что могут компьютеры в логике и раскрыло неприятную истину о том, что большинство философов и многие логики опирались на неадекватную логику в течение более чем ста лет. В любом случае правильное понимание данных процессов должно только способствовать нашей вере в разум и рациональность, а не наоборот.

* * *

Эта статья была написана в то время, когда автор занимал должность Distinguished Visiting Fellow of the Collegium for Advanced Studies университета Хельсинки. Автор выражает благодарность за поддержку со стороны Коллегии и Анни Киланнаа.

Литература

Отдельные тезисы данной статьи доказываются и даны в развернутом виде в моих недавних статьях, равно как и в статьях, находящихся в публикации. Наиболее релевантны следующие из них:

“IF logic, definitions, and the Vicious Circle Principle”, forthcoming in *Journal of Philosophical Logic*”

“Truth defined and undefined”, forthcoming in a *Festschrift* for Jan Wolenski.

“History of mathematics vs. history of logic: The hundred year gap”

“What is the significance of incompleteness theorems”
(with John Symons) “Game-theoretical semantics as a basis of a general logic”

“Axiomatic method and set theory”

“Logic as a theory of computability”, forthcoming in the *Newsletter* of the APA Committee on Philosophy and Computers.

Информацию о жизни и личности Курта Гёделя можно найти в следующей работе: John W. Dawson, Jr., *Logical Dilemmas: The Life and Work of Kurt Gödel* (A.K. Peters, 1997)

См. Также мою книгу: *On Gödel* Wadsworth, 2000.

Статья о Тарском, упомянутая в тексте: Jaakko Hintikka and Gabriel Sandu, “The skeleton in Tarski’s cupboard: compositionality”, *Journal of Philosophy* vol. 89 (1992), pp. 290-315

Перевод с англ. к.ф.н. А.А. Веретенникова

Вненаучная рациональность

Исторические причины отождествления науки и рациональности

Нередко утверждается, что сциентизм настолько глубоко проник в ментальность современного общества, что мы рассматриваем использование информации, методов и аргументов, предлагаемых различными науками, в качестве единственного пути решения проблем, встречающихся в нашей жизни. Эта точка зрения не является случайной; тем не менее необходимо осознать, что подобное преувеличение роли и масштаба науки является не следствием поведения зазнавшихся ученых, но скорее результатом комплексного исторического развития западной цивилизации, развиваясь в которой, наука, с одной стороны, рассматривалась как рациональная инициатива, а с другой – ее сфера изначально понималась как обладающая наибольшей степенью общности. Впоследствии наука была ограничена до определенной совокупности значений и в конце концов расширена до открытой и неограниченной области значений, которая может с легкостью создать впечатление о возвращении к изначальной всеобщности. Ключевой вопрос тем не менее состоит в понимании того, насколько эта неограниченная открытость в действительности соответствует всеобщности.

В определенном смысле рациональность и наука неразделимы, поскольку уже с момента зарождения западной цивилизации, традиционно локализуемой в древнегреческой культуре, внешняя экспансия разума рассматривалась в качестве отличительного признака науки. Действительно, древнегреческие философы пытались охарактеризовать знание в его полном и истинном смысле. Реше-

ние, предложенное уже Платоном, состояло в том, что знание отличается от *мнения* (даже верного мнения) и превосходит его, поскольку оно достигает истины с помощью аргументов, способных продемонстрировать ее *основания*. Поскольку греческим термином для обозначения знания является *episteme*, и в *последующие столетия западной культуры* он был переведен как *scientia* и *science*, мы можем сделать вывод о том, что рациональность (как факт защиты истины посредством аргументов) стала определяющей характеристикой науки. И эта характеристика была независима от конкретной сферы, где происходил поиск *знания*. Действительно, в западной культуре система научного знания традиционно включала математику, физику, метафизику, этику и т. д. вплоть до Ренессанса: она обладала уже упомянутым признаком *всеобщности*, который характеризовал то, что мы подразумеваем под «классическим» понятием науки.

Современная культура тем не менее *ограничила* денотацию понятия науки *естественнонаучным знанием*, не столько осуществив осознанный выбор, но скорее вследствие изумительного успеха, которого стремительно достигли предложенные сознанию онтологические и методологические разграничения, применяемые Галилео и его последователями в изучении физических феноменов. Этот успех можно выразить в терминах исключительно когнитивных требований, т. е. как достижение стабильных результатов и консенсуса специалистов в четко обозначенной области исследования. Существует два прагматических критерия, которые Кант в Предисловии ко второму изданию «*Критики чистого разума*» предлагает для оценки того, действительно ли определенное интеллектуальное суждение «следует безопасной тропой науки» или нет. Адаптация этого прагматического критерия всегда неопровержимо смещает внимание от исключительно абстрактных дискуссий к поиску конкретных *примеров*, и фактически Кант в том же Предисловии идет дальше, рассматривая (кроме своеобразного случая логики) две дисциплины, которые очевидно обрели статус науки: математику и физику. Он предложил провести исследование в отношении того, каким образом они были способны достичь такого статуса, надеясь найти фундаментальное условие, которое может быть генерализировано (в частности, могли бы также объяснить, почему некоторые признанные дисциплины, такие как тра-

диционная метафизика, не смогли утвердиться как науки в связи с упомянутыми выше критериями). Этим условием, как известно, была возможность выразить содержание знания с помощью априорных синтетических суждений, т. е. суждений, в которых трансцендентальные априорные структуры понимания (категории) применяются к интуициям, исходящим от чувственных впечатлений. Если кто-либо признает смысл этой общей предпосылки, он должен признать, что Кант несет ответственность за ограничение когнитивной рациональности моделью естественнонаучного знания. Бесспорно, он не пошел на такой шаг и, в частности, посвятил вторую из своих «Критик» изучению «практического разума» и даже квалифицировал трансцендентальную философию как строгую и точную науку (вплоть до повторного допущения в «*Пролегоменах*» возможности «метафизики как науки» в условиях наделения метафизики новым смыслом общей трансцендентальной философии). Этот общий смысл «науки» нашел свое продолжение в сфере философии, особенно в традиции германского «трансцендентального идеализма», представители которого зачастую используют термин «*Wissenschaft*» (т. е. общепринятый перевод «science») для обозначения философии. На более общем культурном уровне, однако, понятие «науки» в скором времени было использовано для обозначения естественных наук, и его значение считалось отличным от философии.

Это разделение имело значительные последствия на пути постижения рациональности. Кант, безусловно, редуцировал «когнитивную рациональность» к модели физико-математических наук, но в то же время осознавал, что мир науки (т. е. феноменальный мир, которым ограничено научное знание) не является достаточным для предоставления людям такого интеллектуального пространства, в котором они могли бы найти указания в отношении ориентации и глобального смысла их жизни. Таким образом, он открыл другие *миры*, в которых моральные и метафизические вопросы можно было бы рационально проанализировать и получить обоснованный ответ. Многие другие мыслители, однако, по-прежнему убеждены, что подлинным смыслом рациональности является «когнитивная рациональность» и что ее, в свою очередь, олицетворяют естественные науки. Таким образом, традиционная идентификация науки и рациональности была подтверждена, но

наука уже более не понималась в традиционном «общем» смысле: кратко выражаясь, рациональность сводилась к когнитивной рациональности, она в свою очередь – к научной рациональности, а эта последняя – к рациональности физико-математических наук.

Позитивизм ясно выразил идею об отождествлении науки и рациональности и считал, что вненаучное мышление является интеллектуальным усовершенствованием чувств. По словам О. Конта (основателя позитивизма), дисциплину следует квалифицировать как научную (или, в его терминологии, достигшую «позитивной» стадии), только если она выполняет определенные *методологические* требования (практически опирается на строгое установление фактов, воздерживается от интерпретаций и находит «закономерности» среди наблюдаемых фактов). Тем не менее, когда он пытался сформировать новую науку – социологию, он не мог отказаться от амбициозного замысла представить ее в соответствии с моделью ньютоновской механики (в частности, путем деления ее на «социальную статику», «социальную динамику» и т. д.) и в этом отношении он просто последовал за амбициями многих авторов, которые хотели быть «ньютонами» своих дисциплин. Этот шаг был особенно знаменательным, поскольку он осуществил размежевание проложенных границ между наукой и философией, начало которому, как мы помним, было положено разделением Кантом двух сфер и которое может быть выражено в грубой форме следующим образом: сферой компетенции науки является «мир природы», а сферой компетенции философии – «мир человека». Позитивизм представил в западной культуре интеллектуальную программу крушения цитадели философии с помощью распространения научных методов на изучение мира человека. Это была действительно сознательная программа, ясное выражение которой мы можем, например, обнаружить, в декларации Ипполита Тэна. «Наука, в конце концов, приходит и приближается к человеку... вооружается точными и проникающими внутрь инструментами, релевантность которых демонстрировались на протяжении трех столетий существования эксперимента»¹. Это, очевидно, были методологические инструменты естественных наук, которые иногда заимствовались у отдельных наук и применялись в изучении человека (как в случае с антропологией, которая была

¹ Taine H. Histoire de la littérature anglaise. 4 vols. Vol. IV. P., 19662. P. 421.

создана в качестве прямого приложения зоологии к изучению человека) и иногда демонстрировали намного более развитые формы (как в случае строгого описания социологии, данного Эмилем Дюргеймом). Более или менее правдоподобная имитация методов естественных наук быстро проникла во многие дисциплины, от психологии – до истории, филологии, лингвистики, экономики; определение «научный» обрело признак серьезности, надежности и доверия, которыми гордились в сферах, отличных от физических наук (рассмотрим, например, чувство превосходства, с которым марксизм называл себя «научным социализмом», в отличие от «утопического социализма»).

Очень важным вызовом монополистическому доминированию модели естественных наук стала продолжительная дискуссия о различии между науками о природе (*Naturwissenschaften*) и науками о духе, или науками о культуре (*Geisteswissenschaften, Kulturwissenschaften*), которая развернулась в Германии в конце XIX – начале XX в. Целью этой дискуссии было доказательство полного права считаться наукой, преимущественно для социально-исторических дисциплин в силу специфики их предметной области, целей и методов, полностью отличающихся от естественнонаучных. Таким образом, такие общие признаки, как объективность и точность, имплицитно рассматривались в качестве основных характеристик науки, т. е. без учета методологических требований, выдвинутых позитивизмом в результате выдвижения естественных наук в качестве парадигмы для науки как таковой. Это в действительности сформировало картину научности, которая находилась в противоречии с позитивизмом, а также с неопозитивизмом (он был очень влиятельным на пути развития науки также и в XX в.).

Все это весьма существенно, и можно было бы также указать на новаторство, признав отношение к ценностям основным методологическим инструментом для определения объектов исследования в социально-исторических науках. Этот факт, однако, укрепил убеждение, что «наука» является единственным подлинным инструментом для приобретения объективного знания рациональными средствами, и просто началось *расширение* научной сферы, допущение в эту область «гуманитарных наук» (как их называют сегодня) наряду с традиционными естественными науками.

Кроме того, отделение и дистанцирование от философии до сих пор сохранялось: достаточно рассмотреть, например, как Макс Вебер, который недвусмысленно утвердил «отношение к ценности» (*Wertbezogenheit*) в качестве основного методологического инструмента для социальных наук, запретив в то же самое время признавать «оценочные суждения» (*Werturteile*) в этих науках. Это основной смысл хорошо известного утверждения, что наука как таковая должна быть свободна от ценностей. Оценочные суждения принадлежат, в частности, этике, и они не должны быть допущены в науке, поскольку они неизбежно субъективны и не могут быть сформированы на основе бесспорных рациональных аргументов.

В этических и политических предметах каждый имеет свои собственные ценности, определяющие индивидуальный выбор, за который личность имеет право вступать в борьбу, но «политеизм ценностей» должен быть допущен в каждом обществе.

Подводя итоги этому историческому наброску, следует сказать, что сегодня мы рассматриваем науку как богатую коллекцию дисциплин, в которой до сих пор привилегированные позиции занимают математика и физика, однако они окружены огромным числом когнитивных инициатив. Теперь кто-то вполне может задать вопрос, лишне ли рациональности огромное число гуманитарных дискурсов, которые остаются вне периметра науки, но тем не менее стремятся к поиску истины. К этому вопросу мы хотим обратиться в следующих разделах этой работы.

Понятие рациональности «по аналогии»

Общепринятый путь критики сциентизма состоит в подчеркивании «ограничений» отдельных наук и научного подхода как такового. В частности, он проявляется в постулировании многих проблем, имеющих огромную «экзистенциальную» значимость для рефлексирующего человеческого существа (проблем, касающихся смысла жизни, моральных обязанностей, существования сверхчувственных измерений реальности и т. д.), проблем, к которым нельзя подступиться с познавательными инструментами науки.

Кратко выражаясь, это положение могло бы быть сформулировано в виде знаменитого утверждения Виттгенштейна: «Мы чувствуем, что даже если бы и существовал ответ на все возмож-

ные научные вопросы, проблемы жизни не были бы при этом даже затронуты» (Логико-философский трактат, 6.52). Этот шаг несомненно закономерен и корректен, однако его результат может интерпретироваться как признание того факта, что к таким «проблемам жизни» нельзя подойти *рационально*, и это действительно отражает точку зрения самого Виттгенштейна, который расширяет процитированное выше утверждение, добавляя: «Решение проблемы жизни состоит в устранении этой проблемы. (Не это ли причина того, что люди, которым после долгих сомнений стал ясен смысл жизни, все же не могут сказать, в чем этот смысл состоит?)» (Логико-философский трактат, 6.52.1). Поэтому мы будем следовать другой стратегии, состоящей в демонстрации того, что само понятие научной рациональности не является однозначным (в точном техническом смысле имеет одно простое значение и, таким образом, приложимо или не приложимо с тем же значением к различным реальностям). Следуя традиционному техническому различию, мы покажем, что это понятие является «аналогичным», в том смысле, что оно приложимо к различным реальностям с единой точки зрения, частично с тем же самым, а частично с отличным значением. Некоторые философские понятия, как известно, имеют аналогичное значение. Таким образом, поддерживая выдвинутое в начале этого исследования утверждение о том, что наука в западных культурах неизменно характеризовалась как интеллектуальная инициатива, истина в которой доказывается с помощью рациональных процедур, мы попытаемся увидеть, что эти рациональные процедуры понимались не однозначно, но «по аналогии».

Классическая модель научной рациональности

Давайте начнем с греческого понятия *эпистемы*. Мы уже отмечали, что однозначное значение этого понятия было закреплено достаточно быстро. Первый шаг был сделан Платоном, который определил эпистему (т. е. «науку» понятию как «знание» в полном и изначальном смысле) как обладание истиной, оснащенное аргументами, способными демонстрировать свои основания. С Аристотеля необходимость уточнения понятия основополагающего аргумента такого рода была утверждена окончательно, обретая форму логи-

чески правильного вывода, отправной точкой которого являются универсальные принципы, наделенные абсолютной истиной и достоверностью. Что касается вопроса о том, в чем должен состоять логически правильный вывод, Аристотель предоставил адекватный ответ в «Первой аналитике», где он излагает первый трактат по формальной логике, выработанной человечеством (его силлогистика), а во «Второй аналитике» он признает, что первые принципы любой познавательной дедукции не могут быть достигнуты посредством дедукции (т. к. они должны быть «первыми»), и видит в *epagoge* (обычно переводится как «индукция», но имеет значение, отличающееся от современного смысла этого термина) путь, которым мы должны следовать для достижения этих принципов.

Каждая наука, в соответствии с учением Аристотеля, изучает свой особый род (*genus*) вещей и, в конечном счете, ее первые принципы должны состоять в определениях (*definitions*), выражающих суть (*essence*), т. е. существенные свойства, которые характеризуют этот род (*genus*) (это означает, что они были задуманы как «реальные определения», а не просто как «номинальные определения», если использовать терминологию, введенную философами-схоластами, а затем подхваченную западной традицией). Благодаря этому, все частные истины, которые можно констатировать в отношении вещей, принадлежащих к этому роду (и которые соответствуют определенным «свойствам», которыми эти вещи могут обладать при определенных обстоятельствах), должны быть оправданы в качестве логических следствий, выводимых из сущностных определений, заданных в качестве первопринципов. Аристотель объясняет (в других частях своей работы), что первопринципы имеют различные степени общности: некоторые из них имеют наибольшую степень общности (и, следовательно, применимы к любой науке) и называются «аксиомами», в то время как другие относятся только к отдельным наукам, относясь к определенному роду (и, следовательно, обладают меньшей степенью общности) и называются «постулатами».

В данном наброске легко распознать черты *аксиоматического метода*, его использование в математике особенно очевидно в «*Элементах*» Евклида. Мы хотим обратить внимание на то, что модель Аристотеля, которую мы можем назвать *классической парадигмой*, весьма успешно применяется в математике, но менее

благополучно в других науках, в частности, в естественных науках, в их современном понимании. Так, действительно, одно из главных произведений Аристотеля носит название «Физика», но его содержание не имеет ничего общего с тем, что мы находим в современных трактатах по физике: мы скорее найдем в нем богатое изложение наиболее типичных аристотелевских общих онтологических доктрин, таких, как теория изменения как переход от потенциальности к актуальности, или учение о «четырёх причинах».

С другой стороны, трудом, объем которого составляет около пятой части всего корпуса произведений Аристотеля и который современные исследователи часто признают свидетельством подлинного «научного» мастерства Аристотеля, является его трактат «История животных» (*Historia animalium*). В нем представлены тщательные наблюдения, богатый анализ, анатомические и физиологические описания, систематические классификации. Тем не менее Аристотель (и античные редакторы его труда) не считали его демонстрацией «науки», как свидетельствует использование термина «*historia*» в его названии. Под «историей» ученые в античности понимали дескриптивный отчет о результатах эмпирических исследований, который все же нельзя признать «наукой», поскольку ему по-прежнему не хватает теоретической организации, состоящей в дедуктивных структурах аксиоматического метода.

В настоящее время можно предложить наиболее правдоподобный ответ на вопрос, почему древнегреческая цивилизация смогла произвести таких превосходных математиков, которые оставались непревзойденными в течение двух тысячелетий, и в то же время не смогла создать заметного естествознания. Наиболее убедительная причина усматривается в том, что в случае природных объектов было чрезвычайно трудно установить сущность (*essence*) различного рода вещей, с целью найти универсальное определение, являющееся основанием логического вывода. В случае математических наук, напротив, интеллектуальная интуиция может довольно легко постичь определяющие свойства этих абстрактных сущностей, которые греческие математики признали в качестве конституирующих реальный предмет их исследований, так что принятие аксиоматического метода в этой области оказалось в то же время правдоподобным и плодотворным. Кстати, мы можем понять, почему греки создали великую астрономию, т. е. науку, основанную на

эмпирических наблюдениях за движением небесных тел и применили в астрономических расчетах огромное количество математических знаний и навыков. В конечном счете, это было масштабным применением чистой геометрии. Эта точка зрения подтверждается тем историческим фактом, что современная наука могла начаться лишь тогда, когда Галилео отказался от установки на “постижение сущности” из предпосылок обретения знания о явлениях природы.

«Научная революция» современности

Современное естествознание не было внезапным взрывом в европейской истории: если рассматривать отдельно основные черты, которые его характеризовали (например, критику аристотелевской физики, значение, которое придается смыслу и опыту эмпирического наблюдения, концепцию математического порядка во Вселенной, натуралистическое упоение универсальной картиной мира), можно найти истоки их длительного созревания в философии XIV–XVI вв. Тем не менее возникает закономерный вопрос: почему естественные науки не сформировались до Галилея.

Один из возможных ответов состоит в том, что только с Галилея все эти отдельные компоненты были «сведены воедино», но это будет не совсем удачным ответом, т. к. он не объясняет, что сделало возможным слияние этих компонентов в новый синтез, способный генерировать новые эпистемологические парадигмы. По поводу этой новой точки зрения выразился сам Галилей в очень ясном пассаже своего третьего письма Маркусу Вельзеру по поводу солнечных пятен². Он отмечает, что если мы хотим обрести знания в области «природных субстанций» (т. е. физических свойств), у нас есть два варианта: (I) либо мы хотим проникнуть «с помощью размышления» во «внутреннюю сущность» таких вещей, или (II) мы по-прежнему довольствуемся восприятием некоторых их случайных свойств. Он считает первый выбор «отчаянным предприятием», в то время как второй может способствовать приобретению некоторых глубоких знаний. Этот шаг знаменовал отклонение от краеугольного камня классической парадигмы науки, но не во всей, а в ограниченной области физических свойств.

² Galileo Galilei. Opere. 20 vols. Vol. V. Firenze–Barbera, 1929–1939. P. 187–188.

Однако пожалуй, этот отказ от интеллектуального требования постижения сущности был знаком распада универсальной и объективной науки до уровня мнения, основанного на субъективном ощущении. Галилео избежал этого риска, утверждая, что не все акциденции физических тел являются объектом научного исследования, но только те, которым присущи количественные свойства. В известном отрывке из его работы «Пробирных дел мастер» он проводит различие между свойствами физического тела, которым соответствуют чувственные восприятия (и, следовательно, являются субъективными, поскольку они существуют только в воспринимающем субъекте), и теми свойствами, без которых невозможно представить физическое тело (например, фигура, положение, число).

Эти математические свойства являются объективными, и он называет их «реальными акциденциями», так что познание природы, ограниченной этими свойствами, – не знание чистой видимости, но знание подлинной природы. Это утверждение подкрепляется и в других знаменитых формулировках «*Пробирных дел мастера*», где он заявляет, что «книга» Вселенной написана на языке математики и может быть прочитана, только если кто-то знает и использует математику, в которой, кроме того, человек способен получить абсолютную достоверность, сопоставимую («интенсивно») с достоверностью божественного знания.

Второй столп классической парадигмы, т. е. дедуктивная структура научного знания, не был устранен, но уменьшился в объеме. Дедукция более не рассматривается в качестве логического вывода из абсолютных «первопринципов», но только как *гипотетическая процедура*, при которой определенные гипотезы («предположения») о природе физического явления подвергаются проверке при выведении из них определенного результата в искусственно созданной *ad hoc* ситуации (экспериментальная установка). Если предвиденный результат происходит на самом деле, то гипотеза подтверждается и принимается в качестве правильного описания действительности, в противном случае она остается на уровне простой математической модели, не реализующейся в реальной природе.

Таким образом, роль дедукции сохраняется, но включена в качестве момента *экспериментального метода*, который является другой фундаментальной новацией, предложенной Галилеем, и

структура которого четко выходит за рамки ограниченной оптики индукции Бэкона. Родилась новая парадигма науки, т. е. физико-математическая наука, рациональность которой была воплощена в *экспериментальном методе*, с присущей ему координацией «чувственного опыта и необходимых демонстраций» (как рассуждает Галилей в своем знаменитом письме к великой княгине Кристине Лоррен в 1615 г.). Этот вид рациональности не должен был применяться предельно широко (в частности, даже не везде в математике), но мог найти свое место рядом с рациональностью математики, метафизики, этики и так далее. Таким образом возникает «аналогичный» характер научной рациональности.

В любом случае вряд ли стоит недооценивать глубокое новаторство как следствие легитимации такой рациональности. Для того чтобы упомянуть еще об одном аспекте, рассмотрим в контексте двух парадигм «первенство» абстрактных «принципов» и эмпирических данных. В классической парадигме принципы были наделены универсальностью, необходимостью и определенностью, так что, если элемент эмпирических данных оказался несовместимым с определенным принципом, он не рассматривался в качестве «контрпримера», призывающего к отказу или изменению принципа, но просто как «неудобство», которое должно было быть удалено такой его искусной интерпретацией, чтобы он мог быть совместим с принципом (методологическая максима схоластической философии была «*adducere inconveniens non est solvere argumentum*»). В современном естествознании, напротив, эмпирические данные, как только они были подвергнуты тщательной проверке, рассматриваются в качестве самой значимой части акта познания, и общие гипотезы, с помощью которых они могут быть разъяснены, дедуктивно принимаются, если они совместимы с ними. В случае несовместимости они могут быть модифицированы или они могут быть отброшены (или, в случае если они являются всего лишь «обобщениями», неподатливые элементы эмпирических данных вносятся в список «исключений» из этого правила). Это изменение точки зрения, очевидно, имело огромное значение также и на уровне общей эпистемологии, так как оно означает снижение когнитивного смысла интеллектуальной интуиции по отношению к эмпирической установке, то, что, как мы видели, оказало решающее влияние на философию Канта.

Становление «гуманитарных наук»

Современная парадигма изначально выросла в механике, быстро распространилась на всю область физики и, постепенно, на остальные естественные науки, сохраняя в качестве основания экспериментальный метод и пытаясь опереться на количественные процедуры и математику настолько, насколько возможно. Мы уже видели, как предпринятые попытки применить эту парадигму к изучению человека: в экспериментальной психологии, физической антропологии, определенного типа социологии, являются примерами успешного применения этой программы. Мы также видели, как совершенно новые методологические инструменты и правила были предложены и успешно применялись в конце XIX в. в области социально-исторических наук, а впоследствии и в огромном количестве «гуманитарных наук». Диалектика объяснения и понимания, отношение к ценности, социальная и историческая контекстуализация науки, ее категории, методы и критерии верификации являются новыми особенностями модели научной рациональности, принятыми сегодня, моделью, в которой экспериментальный метод имеет весьма ограниченный характер, где математизация также используется лишь в некоторых областях и полностью отсутствует в других, в то время как герменевтический метод или обсуждение сложности уже преобладают в ряде научных отраслей и даже проникают в традиционные естественные науки, не говоря уже о новых категориях, принятых для интерпретации физических и антропологических явлений, таких как информация и связанные с нею теории.

В общем, коллекция современных наук стала настолько большой, что вряд ли возможно определить действительно доминирующую парадигму. В связи с этим мы имеем право задать уже поставленный вопрос: лишено ли рациональности огромное число гуманитарных дискурсов, которые остаются вне периметра науки, но тем не менее стремятся к поиску истины?

Нецелесообразность симптома слишком узкого замыкания круга рациональности подтверждается представленным нами историческим контекстом. Строгая аподиктическая модель дедуктивного построения, начиная с умозрительных первопринципов, обрела продуктивное применение в математике Древней Греции,

однако на два тысячелетия законсервировала усилия по созданию естествознания. Естествознание начинается тогда, когда Галилео обосновывает в экспериментальном методе дополнительную форму рациональности, в которой дедуктивный момент интегрирован с вкладом эмпирических данных.

Эта «новая наука» характеризовалась определенными общими критериями умпостигаемости мира, которые должны были быть ослаблены или интегрированы, когда другие признаки физической реальности становились объектом исследования, и эта экспансия стала гораздо более значимой в области наук о человеке. Оправданием этого расширения, как мы видели, был тот факт, что для каждой специальной области исследования, для каждого *рода*, как сказал бы Аристотель, для каждой «региональной онтологии» (использованное понятие заимствовано из Гуссерля) *эмпирическое* доказательство выдвигалось в качестве точного критерия для установления *фактов*, в то время как типичные модели аргументов были разработаны для принятия правильных выводов.

Такое расширение спектра наук, как мы уже отмечали в начале этого исследования, являлось открытым исключительно потому, что нет априори ограниченной возможности формирования новых региональных онтологий, которые обращают внимание на еще неизведанные атрибуты реальности, или на новые «точки зрения», с помощью которых могут быть исследованы уже изученные реалии, или на «уровни реальности», которые становятся доступными благодаря новым инструментальным или теоретическим инструментам. Кратко выражаясь, это огромная область науки идеально охватывает целостность эмпирически обоснованных фактических суждений, и «эквивокации» можно избежать (в том смысле, что не «весь» фактический дискурс заслуживает того, чтобы считаться наукой) благодаря тому, что соответствующие методологические критерии могут быть разработаны для предоставления достаточной степени объективности и строгости в различных областях.

Есть ли место для ненаучной рациональности?

Люди, однако, также выражают фактические суждения с неэмпирическими ссылками (такие, как «Бог существует», «есть жизнь после смерти»), а также несколько видов *оценочных суж-*

дений. Эти суждения не могут рассматриваться какой-либо наукой, но когда они превращаются в вопросы, они порождают интенсивный экзистенциальный интерес, т. к. может вызвать совершенно иную ориентацию чьей-либо жизни. Таким образом, отнесение подобных вопросов к категории иррациональных станет причиной отчуждения разума (являющегося одним из самых мощных человеческих инструментов для достижения знаний) от того, что является более значимым для человеческого существования. Более того, в настоящее время наука и технология все чаще имеют отношение к ценностным суждениям вследствие их воздействия на человеческую жизнь, и можно ожидать положительного результата этой конфронтации исключительно в том случае, если соответствующие «формы рациональности» воспринимаются как взаимодополняющие, а не несоизмеримые.

Проблемой, однако, является понимание причин, по которым значительное число людей исключают из рациональной сферы попытки изучения региональных онтологий ценностей и неэмпирического. Эти причины не могут быть выявлены в очевидном отличии *предметного содержания*, поскольку такое отличие является типичным для классических наук.

Таким образом, общие черты, которые присущи этим наукам, должны быть найдены в другом месте, т. е. адаптированы к *когнитивному стилю*; довольно легко выделить одну из таких фундаментальных особенностей: ею является условие наличия разработанных эмпирических критериев для установления фактов и проверки теоретических построений.

Мы могли бы сразу возразить, что математика не удовлетворяет этому условию, и в действительности некоторые философы утверждают, что математика это не наука, а «сила», т. е. операциональный инструмент, используемый в различных науках. Это точка зрения, однако, выглядит довольно странной и противоречит мышлению всей западной (и не только западной) традиции, согласно которому математика является наукой и наукой легендарной.

Когда некто задает вопрос: «Что мы знаем в математике»? и кто-то отвечает, к примеру, что мы знаем свойства натуральных чисел, реальных чисел, аналитические функции, булевы алгебры, группы, геометрические фигуры, и т. д., можно ли действительно

но верить, что во всех этих исследованиях мы «ничего не знаем»? Они, конечно, не выражаются так резко, но утверждают, что нашим делом является построение абстрактных языков, которые могут быть использованы для изучения «реально существующих» вещей. Мы не должны упускать из виду, что приведенный здесь строго формальный взгляд на математику был опровергнут результатами, полученными в математической логике.

Мы хотим, скорее, указать на то, что отказ математике в статусе науки по той причине, что ее объекты «не существуют» явным образом, раскрывает онтологическое основание, т. е. неспособность признать, что существует несколько видов бытия или аспектов существующего, т. е. несколько региональных онтологий, поскольку реальность не сводится к лишь к чувственно постигаемой реальности. Если вы в таком случае захотите уточнить характер региональной онтологии математических объектов, то вы должны прежде всего начать с утверждения, что эти объекты известны благодаря интеллектуальной интуиции. Эта характеристика является «минимальной», поскольку существует ряд других объектов, которые могут быть постижимы только с помощью интеллектуальной интуиции, и поэтому, даже допуская, что математические объекты существуют, все еще остается пространство для обсуждения того, какого рода существование они имеют (например, должно ли оно рассматриваться в «платонистском», а не в «конструктивистском» смысле).

Предрассудки радикального эмпиризма

Нашего краткого обсуждения примера математики будет достаточно, чтобы показать, что фундаментальной причиной, по которой многие люди исключают из области интеллектуальной рациональности некоторые когнитивные инициативы, является молчаливое согласие с радикальным эмпиризмом, т. е. с позицией, которая не ограничивает себя утверждением (правильным), что опыт играет основную роль в бесчисленных когнитивных проявлениях, но претендует, чтобы это условие было всеобщим и необходимым в любом познавательном акте. Математика, являясь, возможно, высшим осуществлением рациональности, явля-

ется в то же время наукой, в которой чувственный опыт практически не играет никакой роли, в то время как интеллектуальная интуиция является необходимой. Какая интеллектуальная интуиция работает, например, в области оценочных суждений (и какой смысл может быть связан с понятиями «нравственный опыт» или «эстетический опыт») или на какой вид интеллектуальной интуиции может рассчитывать дискурс о сверхчувственных объектах – все это проблемы, которые мы, безусловно, не будем здесь затрагивать. Не только в силу того, что для целей рассуждения в принципе достаточно указать (опираясь на случай математики) «легитимность» таких региональных онтологий, но вследствие того, что мы имеем дело с другой проблемой, которая чрезвычайно важна для концепта рациональности, – проблемой правильного использования разума.

Синтетическое использование разума

Радикальный эмпиризм – не единственная предпосылка общего климата, который проник в обширные секторы нашей интеллектуальной культуры. Другой предпосылкой является отрицание *синтетического использования* разума. Обе являются типичными особенностями философии неопозитивизма, односторонне абсолютизовавшими намного более умеренную позицию Канта, которую мы уже учили. Мы объясним значение нашего выражения, в определенной степени опираясь на характеристику «аналитических» и «синтетических» суждений, также данных Кантом. Он отмечает, что дискурс является синтетическим, если он обеспечивает новое содержание знания, тогда как аналитический дискурс – тот, в котором не предполагается никакого нового знания, но лишь преобразование уже доступного. Кант не рассуждает о дискурсе в целом, но ограничивает свою доктрину характеристикой отдельных суждений. Это принуждает его смешивать две другие проблемы: он утверждает, что синтетические суждения выражают новое знание, потому что они характеризуются тем, что в них предикат не содержится в значении субъекта (например, «всякое тело имеет тяжесть»), и они могут быть подтверждены благодаря эмпирической проверке. Аналитические суждения – те, в которых предикат содержится в понятии

субъекта (например, «всякое тело протяженно»), и поэтому они могут быть подтверждены без обращения к опыту (они верны «а priori»). По этой причине аналитические суждения являются абсолютно достоверными (их нельзя отрицать без противоречия), но пустыми с точки зрения реального знания. С другой стороны, синтетические суждения могут выразить реальное знание, однако они испытывают недостаток универсальности и необходимости, т. к. их истина сопряжена со свидетельством опыта. Чтобы сформировать науку, утверждает Кант, мы должны быть в состоянии объяснить возможность суждений, которые являются одновременно и аналитическими, и синтетическими, или *априорными синтетическими* (подобные тем, которые присущи математической физике), и это возможно, поскольку они содержат синтетический компонент, исходящий от ощущений, и аналитический, или априорный компонент, сформированный объединяющей силой категорий познания. В конце концов, *исключительно синтетическое использование разума* не способно производить знания, т. к. его референтами являются понятия без эмпирического (т. е. чувственного) наполнения, и именно поэтому традиционная метафизика и не может добиться статуса науки.

Всматриваясь глубже в эти хорошо известные тезисы Канта, нельзя со всей откровенностью заявить, что они являются следствием недостатков радикального эмпиризма, скорее – гораздо более общей установки: Кант был убежден, что никакое знание не может реально возникнуть, пока нечто, о чем утверждают: «дано», присутствует независимо от нашей мыслительной деятельности, т. е. оно *интуитивно*.

Не имея такой интуиции, мы, конечно, можем *предполагать*, но не *знать*, полная свобода мыслей (единственным ограничением которой является отсутствие противоречия) не дает никаких знаний. В период «докритического» мышления Кант признал (наряду со светской традицией) наличие двух видов интуиции: чувственной и интеллектуальной, а краеугольным камнем перехода к «критической философии» является отказ от интеллектуальной интуиции: начиная с «Критики чистого разума» только чувство способно на интуицию, будучи пассивным и восприимчивым, в то время как интеллект является активным и конструктивным, но не несет в себе интуитивного начала.

Таким образом, требование полагаться на интуицию для обретения знания автоматически подразумевает опору на эмпирическую чувственную интуицию.

Приведенные выше замечания полезны для понимания того, как Кант мог бы спасти научный характер математики, которая, разумеется, не является эмпирической наукой. Он мог осуществить это, приписывая пространству и времени достаточно странную двойную природу: с одной стороны, они являются *априорными формами* чувственности, в которой все чувственные восприятия с необходимостью формируются, с другой стороны, они являются *чистыми интуициями* и в качестве таковых могут играть роль интуитивного содержания геометрии и, соответственно, арифметики. Таким образом, нет необходимости в интеллектуальной интуиции для построения математики как науки.

Надо признать несколько веских оснований в позиции Канта, но в то же время она вызывает некоторые сомнения. Мы можем привести такое сомнение, цитируя самого Канта, который открывает «Критику чистого разума» («Введение») следующими словами: «Без сомнения, что все наше познание начинается с опыта. <...> Следовательно, никакое познание не предшествует во времени опыту, оно всегда начинается с опыта. Но хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта»³.

Мы с легкостью можем допустить, следуя глубокой традиции, заложенной Аристотелем, что опыт, понятый как содержание чувственной интуиции, является отправным пунктом нашего знания. Мы можем назвать его *непосредственным знанием*. Но эта же традиция признает, что наш разум может абстрагировать от этой чувственной интуиции универсальное содержание, которое является объектом непосредственной интеллектуальной интуиции. Содержание этой интуиции может быть еще скомбинировано, разработано, представлено на рассмотрение операциям разума и может производить дополнительное промежуточное знание. Текст Канта, очевидно, предполагает иной смысл, в нем подчеркивается, что для того, чтобы получить знания, необходимо «нечто большее», чем исходное чувственное основание, но этот дополнительный фактор – это просто функциональное вмешательство разума, а не дополнительный источник знания.

³ Kant I. Critique of Pure Reason / English trans. by N.K.Smith. L., 1929. P. 41.

Таким образом, в заключении своей доктрины Кант приходит к отрицанию того, что знание может быть достигнуто посредством опыта, и т. к. это опосредование происходит с помощью синтетического использования разума (т. е. использования разума, который производит реальное знание, а не просто манипулирует и рекомбинирует уже имеющееся знание), мы видим, что проблема легитимности рациональности вне науки концентрируется на вопросе об опосредовании опыта.

Опосредование опыта

Опосредование опыта глубоко характеризует человеческое знание как таковое. Оно может быть выражено следующим суждением: для того, чтобы объяснить, что мы видим, мы всегда должны предполагать нечто, что мы не видим. Это ядро понятия «причинного объяснения», которое расположено на уровне здравого смысла (когда люди спрашивают, почему определенный факт имел место), или расследования детектива, который пытается извлечь из эмпирических данных указания на то, кто может быть (пока невидимым, но, безусловно, существующим) убийцей. Тот самый естественный импульс человеческого разума укоренен в космологии и общем мировоззрении, которое существует в каждой культуре, и в наиболее примитивной форме находит выражение в мифах. Философия, понимаемая в техническом смысле, берет начало в Древней Греции, когда определенные мыслители принялись отвечать на вопрос «почему», касающийся эмпирически наблюдаемой реальности, устанавливая определенные универсальные и «незримые» принципы и защищая свои доктрины с помощью аргументов, а не мифических повествований. Но вместе с тем это был переход, который привел к науке в тот же исторический период и благодаря работе тех же мыслителей: разрозненный набор отдельных элементов геометрических и арифметических знаний, который египтяне и вавилоняне сформировали «эмпирически», был преобразован в науку, когда именно эти отдельные истины могут быть объяснены как частные примеры универсальных предложений, полученных путем логических доказательств, исходя из более примитивных универсальных принципов. Универсальные положения,

из которых состоит математика, опираются на интеллектуальную интуицию (с позволения Канта, который замаскировал их природу, квалифицируя ее как «чистую интуицию» чувственности, не объясняя, как универсальность может быть свойством чувственности). Более того: в математике предложение, даже если оно поддерживается определенной степенью интуиции, не может быть принято, если оно не будет доказано в теории, которой оно принадлежит, т. е. если оно не станет *теоремой* (в противном случае он остается на положении *гипотезы*). Этот очень простой факт свидетельствует о том, что в математике мы имеем дело с подлинным синтетическим применением разума. Было бы странно утверждать, что сотни теорем, которые были доказаны на протяжении исторического развития математической дисциплины, не содержат «никакого нового знания», поскольку они уже были имплицитно заложены в аксиомах этой дисциплины и были получены путем чисто «аналитической» работы логического вывода, и нам ничуть бы не помогло, если бы мы сказали, что они открывают новое знание, поскольку они имеют отношение к «чистой интуиции» пространства и времени, поскольку, как мы только что видели, они не воспринимаются как математическое знание, пока они не будут доказаны, и это означает, что логическое доказательство является основным требованием для их принятия (не говоря уже о тех случаях, когда определенные контрпримеры могут привести к аннулированию интуитивно поддерживаемых предложений).

Но и в современном естествознании опосредование опытом и синтетическое применение разума является оперативным, о чем свидетельствует *теоретическое измерение*, которое они неизменно содержат. Хорошо известно, что логические эмпиристы, вследствие их *радикального* эмпиризма, пытались «устранить» теоретические *понятия* из эмпирических наук, редуцируя их смысл к «наблюдаемым» понятиям с помощью логических манипуляций, но не менее хорошо известно, что их усилия не увенчались успехом, и не только по техническим причинам, но поскольку логические эмпиристы никогда не понимали, что теоретические понятия и предложения вносятся в область естественных наук для того, чтобы ответить на вопросы причинного объяснения, давать пояснения, а это, как мы видели, неизбежно предполагает введение ненаблюдаемых объектов, с характерными для них свойствами, и

это является *опосредованием опыта*. Такое опосредование проявляется все отчетливее, когда мы перейдем к построению теорий, которые представляют собой своего рода описание области таких ненаблюдаемых объектов и которые возможны благодаря использованию синтетического разума. Определяя это применение разума как синтетическое (повторим еще раз), мы хотим подчеркнуть, что оно производит новое знание о реальности и на самом деле те представители философии науки, которые остаются в пределах радикального эмпиризма, неизбежно вынуждены занимать антиреалистическую позицию в отношении науки, т. е. утверждать, что наука *не дает нам* знания о реальности и что, следовательно, мы можем принять квантовую физику, например, не веря в существование протонов, электронов, элементарных частиц. Этот результат радикального эмпиризма и исключения опосредования опыта действительно парадоксален: философская школа, которая оказала науке честь быть самым (возможно, единственным) надежным инструментом познания, приходит к выводу, что наука не в состоянии познать реальность.

Ненаучные формы рациональности

В дискурс, обозначенный выше, следует внести несколько уточнений: речь идет о том, чтобы сделать его полностью строгим, и мы сделали это в другом месте⁴. Несколько вещей, которые мы уже обсудили здесь, достаточно для подведения некоторых итогов. Интеллектуальная интуиция, посредничество опыта и синтетическое применение разума оказались общими условиями человеческого знания, которые отнюдь не исключены из научной рациональности, понимаемой в современном смысле этого слова. Специфику этой рациональности следует искать в других характеристиках, которые мы предлагаем обозначить как «*ссылку на целостный опыт*». Под этим выражением мы понимаем значительный онтологический регион, который составляют те реалии, атрибуты которых референтно связаны с какими-либо материальными

⁴ Среди работ, в которых обсуждалась эта проблема, я хотел бы упомянуть следующую: Agazzi E. Science and Metaphysics: Two Kinds of Knowledge. Epistemologia, XI (1988), Special Issue (« Science et métaphysique »). P. 11–28.

операциями с предметами. Это означает, например, что электроны не наблюдаются, но характеризуются при помощи определенных атрибутов, таких как положение, скорость, заряд и т. д., которые идентичны атрибутам, используемым нами для описания наблюдаемых тел и по этой причине они относятся к региональной онтологии физики (они являются физическими объектами). По этой причине необходимо, чтобы в научной теории мы позволяли делать полностью теоретические предложения, но при условии, что исходя из этих положений, логически корректный путь может привести нас к совершенно эмпирическому предложению, которое может быть проверено. Это позволяет нам думать, что мы все еще говорим о наших предполагаемых эмпирических объектах. То же самое верно, например, в отношении истории: эмпирические предложения являются не только протоколами физических измерений или наблюдений, но также содержанием различного рода «документов», которые ограничивают региональные онтологии исторических фактов. Труд, в котором историк пытается объяснить или истолковать эти факты, содержит некоторые центральные положения, которые должны быть проверяемы логической совместимостью с документально подтвержденными фактами и, возможно, могут быть опровергнуты в связи с открытием новых документов. Реконструкции, которые не имеют такой возможности, квалифицируются не как исторические, а как вымышленные.

Если мы теперь рассмотрим комплексное разнообразие человеческого индивидуального и социального существования, мы найдем огромную совокупность атрибутов, которыми мы обозначаем предметы, события, ситуации, действия, институты (такие атрибуты, как хороший, правильный, ошибочный, красивый, полезный, эффективный, справедливый, несправедливый, выгодный, запрещенный, разрешенный и т. д.). Эти атрибуты соответствуют в широком смысле идеальным свойствам, которые схватывает наша интеллектуальная интуиция в соответствии с тем, какими определенные вещи должны быть или как они должны быть сделаны, и которые мы могли бы назвать ценностями в широком смысле этого слова.

Они входят в большое разнообразие оценочных суждений, которых мы неизбежно придерживаемся (эксплицитно или имплицитно, сознательно или бессознательно) в привычках и на-

шем поведении. Кроме того, в отношении этих суждений мы задаем или можем задать вопросы причинного объяснения, и люди действительно разработали по крайней мере некоторые теоретические системы рассуждения для ответа на такие вопросы (этические доктрины, правовые системы, экономические теории и т. п.), и это совершенно законно, и даже весьма желательно, чтобы в онтологической сфере, характеризующейся такими не эмпирическими признаками, поощрялась точная и объективная *рациональная* конфронтация путем использования интеллектуальных инструментов интуиции и синтетического применения разума, который можно плодотворно применять и за пределами науки, и, что еще более необходимо, – в науке, если учесть, что из-за отсутствия рациональной конфронтации контрасты в таких ценностно-характеризуемых доменах неизбежно предопределены для генерации нетерпимости и насилия.

На том же самом основании мы имеем право сказать, что мы хотим рассмотреть более общие признаки, которые наша интеллектуальная интуиция способна узреть в процессе восприятия, но масштаб которой распространяется на действительность *как таковую*. Через ту же самую интеллектуальную интуицию мы можем также сформулировать определенные общие принципы, которые, кажется, обладают наибольшей степенью общности и которые вследствие этого определяют то, что мы могли бы назвать *общей онтологией*. Возможно, что, начиная с опыта (если рассуждать в духе Канта) и последовательно применяя эти общие принципы, мы должны благодаря синтетическому применению разума признать, что есть объекты, которые не разделяют признаки эмпирических объектов и, следовательно, не принадлежат «всему опыту», но принадлежат «совокупности» того, что существует, т. е. они действительно существуют. Это, очевидно, путь, проложенный по крайней мере несколькими тенденциями традиционной метафизики, программа которой методологически приемлема, и результат их усилий должен быть оценен при рассмотрении фактического содержания их требований и разумности их аргументов. Они, вероятно, не будут лишены слабых мест и не достигнут абсолютной определенности, которую они часто предполагали завоевать, но в наши дни мы осознаем, что также и науки далеки от того, чтобы достичь такой высокой степени уверенности. Поэтому намного бо-

лее *обоснованным* будет признание того, что разум используется в его различных формах и что люди склонны ошибаться, подвергаясь воздействию сомнений и невежества в *любой области*, но что в то же самое время они способны к достижению возрастающего количества частичных истин, которые не должны вступать в конфронтацию друг с другом, но скорее должны осуществлять сотрудничество с намерением лучшего понимания нашего мира и лучшей ориентации нашей жизни.

Перевод с англ. к.ф.н. О.В. Поповой

Переосмысление рациональности: использование знаков и рациональность интерпретаций

I. Универсальное понимание рациональности

В традиции западной метафизической мысли рациональность делает притязание на универсальность. Вопрос состоит в том, является ли это притязание обоснованным и как, если требуется, может выглядеть переосмысление рациональности. Обоснование претензии рациональности на универсальность обычно ссылается на пять следующих пунктов.

(1) Человек является «*zoon logon echon*», т. е. «рациональным животным», как подчеркивал Аристотель. (2) Рациональность играет двойную роль: она предоставляет описание того, что люди фактически делают, когда они что-то делают, как, например, действуют, думают или говорят; и она предлагает предписание нормы того, как люди должны действовать, думать, и говорить. (3) Существует заранее установленная область и множество универсальных принципов и правил (таких как логическая непротиворечивость и обоснованность), управляющих познанием, ценностями и средствами, которые мы можем и должны применять, чтобы оптимизировать принятие решений и нормативную ориентацию в действии, мысли и речи. (4) Логическая и научная рациональность являются единственными или, как минимум, первичными формами рациональности, управляющими нашими мыслями, речью и действиями. (5) Рациональность изначально является необходимым условием для способности понять речь, мысль и действие других людей.

II. Эпистемологическое понимание рациональности. Четыре отличия

Эпистемологическое положение человеческих существ не является эпистемологическим положением богов. Рациональность является рациональностью *с человеческой точки зрения*, а не с божественной. В то же самое время идея рациональности имеет *историю* и принимает различные формы в различных культурах.

Витгенштейн заметил однажды: «То, что люди считают разумным или неразумным меняется. В определенные периоды времени люди считают разумным то, что в другие периоды они находят неразумным. И наоборот. Но нет ли здесь объективного характера? Очень умные и хорошо образованные люди верят в историю о творении в Библии, в то время как другие считают ее доказанной ложью, и основания последних хорошо известны первым»¹.

Эти и другие аспекты делают очевидным, что не существует такой вещи, как «единственная вечная рациональность», но скорее существует различные смыслы, типы и модели рациональности. Стандарты и правила рациональности созданы человеком. А модели рациональности, которые были разработаны в истории и в различных культурах, всегда были подвержены адаптации и пересмотру, как только базовые представления людей о мире и жизненный опыт изменялись и напряжение между моделями и реальным поведением людей становилось слишком большим.

Я хотел бы определить *эпистемологическое* понимание рациональности, выделяя четыре отличия:

(i) *узкое* или *широкое* понимание рациональности; (ii) *внутренние* или *внешние* правила рациональности; (iii) *обоснование в жизненном мире человека* или *изолированная область абстрактных принципов рациональности*; и (iv) *ограниченная рациональность* или *универсальная рациональность*.

(i) *Узкое и широкое понимание рациональности*

Узкое значение рациональности включает такие аспекты, как логическая непротиворечивость, недвусмысленность, выводимая достоверность, верность при любом изменении контекста, полно-

¹ Wittgenstein L. On Certainty. § 366. N. Y., 1969.

та, и возможность для рассуждения и согласия. *Широкое* значение рациональности требует, скорее, чтобы все, что мы думаем, во что верим и знаем, должно подходить и согласовываться со структурами нашей речи, мысли и действия, а также с комплексом и предпосылками нашего жизненного опыта. Следовательно, кто-то может считаться рациональным в *широком* понимании, если он говорит, думает и действует в соответствии с отношениями, которые приобретает, например, между своими всевозможными убеждениями и желаниями – и не делает, например, таких вещей, как пытаться заработать денег, владея акциями компании Siemens, желая в то же время, чтобы фондовые биржи во всем мире были уничтожены.

(ii) Внутренние и внешние правила рациональности

Внутренняя рациональность и соответствующие *внутренние правила* относятся к формальным требованиям, только что упомянутым в пункте (i). Лучше всего можно проиллюстрировать *внешнюю* рациональность и соответствующие *внешние правила*, рассматривая действия людей. Действия вовлечены в сеть внешних ограничений, таких как, например, коммуникационные правила и обязательства, моральные правила (такие как правила честности), правила, тесно связанные с личностью индивидуума (такие, как его взгляды на защиту окружающей среды), такие правила, как социальные нормы и социальные схемы поведения, юридические и конституционные правила (которым необходимо следовать даже без угрозы санкций).

(iii) Обоснование в жизненном мире человека вместо изолированной области абстрактных принципов

Стандарты рациональности закреплены в формах жизни и жизненном мире человека. Это справедливо как в *теоретической* области (что касается, например, научных теорий), так и в *практической* области (относящейся к нравам, как они фактически проживаются).

Следовательно, в науках, например, создание теории включает ряд различных условий и методологических правил, таких как, например, законные и нормативные условия. Первые определяют, что считается подтверждением или опровержением (например, на

основе эмпирического наблюдения). Вторые определяют, почему определенные теории или части теорий принимаются и предпочитают в ущерб другим (например, благодаря эlegantности и простоте в том, как материал организуется теорией).

В иерархической модели мы находим правила, как первого порядка, так и второго порядка. Правила второго порядка включают те процедуры, посредством которых связанные с объектом правила первого порядка (как, например, правила эмпирического измерения в физике и других науках) могут быть подтверждены или отвергнуты. Обоснование правил второго порядка (таких как, например, обязательное обращение за помощью к наблюдению в науке) не может происходить на уровне объектного языка. В конечном счете, они могут быть обоснованы обращением за помощью к картине мира определенного жизненного мира человека, времени и культуры.

В практической области (т. е. в отношении условий нравов, того как они проживаются), в равной степени понятно, что нормы морального поведения аналогично основываются и обосновываются в рамках жизненного мира человека. Например: Я вижу, что тяжело раненный человек немедленно нуждается в помощи, поэтому я вызываю скорую и оказываю первую помощь. Если мы спросим, где эти и аналогичные нормы, в конечном счете, получают свою силу для побуждения нашего действия, мы быстро увидим, что это глубоко укоренившиеся нормативные структуры и правила нашего жизненного мира, которые служат в качестве прагматичного финального авторитета ориентации и обоснования. Именно эти структуры и правила жизненного мира, которые направляют наши моральные действия и таким образом основывают рациональность наших действий. Сам жизненный мир не может называться ни рациональным, ни иррациональным, т. к. различие между рациональностью и иррациональностью возникает и имеет приложение только внутри и на фоне самого жизненного мира. Следовательно, вопрос о том, является ли форма жизни или жизненный мир в целом рациональным или нет, является пустым. Тем не менее индивидуальные практики можно, конечно, подвергнуть сравнительному анализу и критике: такие, например, как вопрос о том, что предоставляет более точный прогноз погоды, научная метеорология или традиционные предсказания коренных американских индейцев. Даже если сравнение про-

лует положительный свет на научную метеорологию, мы не можем заключить из этого, что коренные американские индейцы должны отказаться от своих обычаев и привычек.

(iv) Ограниченная рациональность вместо универсальной рациональности

Человеческая рациональность действует в определенных условиях, и ее решения принимаются за конечное время и основываются на конечном знании, даже когда ставки велики, и речь идет о жизни и смерти. Обычно механизмы, которые у нас есть для этого, функционируют удивительно хорошо. Этот успех является тем более удивительным, что мы никоим образом не обладаем надежным пониманием внутреннего механизма этих прагматически основанных форм рациональности.

В дальнейшем я открыто принимаю идею «ограниченной рациональности» (заимствуя термин у Герберта А. Саймона), в том виде, в котором она была разработана, прежде всего Гердом Гигеренцером и его Исследовательской группой ABC (=Adaptive Behavior and Cognition – Адаптивное поведение и познание). Ядро этой программы состоит в том, чтобы «понять, как реальные люди принимают решения, не вычисляя полезности и вероятности – то есть без оптимизации» в смысле идеала «универсальной теории оптимизации». Можно было бы описать проект как движение между оптимизацией и иррациональностью. Я приведу два примера из Гигеренцера и Селтена для иллюстрации программы.

Пример 1: Опытный игрок в бейсбол знает, как он должен двигаться, чтобы поймать летящий мяч. Если он хочет оптимизировать эту способность, разбивая движения игрока и мяча на тысячи отдельных компонентов и параметров, чтобы улучшить способность игрока с помощью минимаксной оптимизации, тотчас же возникает синдром многоножки, т. е. при просьбе объяснить элегантность движения множества своих ног, многоножка беспомощно в них запутывается в результате ступора, вызванного анализом своей деятельности.

Гигеренцер/Селтен предложили следующий мысленный эксперимент: предположим, что мы создали рациональную машину, робота, и запрограммировали его таким образом, что он может перемещаться и ловить летящий мяч. Две различные команды вступа-

ют в игру: «оптимизирующая команда», которая «программирует семейство парабол в разум робота (в теории, мячи летят по параболам)»; и «ограниченно рациональная команда», программирующая робота «выполнить грубую оценку, будет ли мяч падать перед ним или позади него, и затем бежать в этом направлении, фиксируя при этом взгляд на мяче» и «регулировать скорость своего движения, чтобы угол направления взгляда <...> оставался постоянным (или в определенных границах)». В результате, используя «эту простую эвристику взгляда, робот будет ловить мяч на бегу». Важный момент для вопросов о рациональности здесь состоит в том, что «рационально ограниченный робот следит только за одним сигналом, углом взгляда, и не пытается получить информацию, касающуюся ветра, вращения или множества других случайных переменных, и не выполняет сложные вычисления с этими оценками».

Пример 2. Когда пилоты учатся избегать столкновений с другими самолетами, они тренируются в сравнительно простых эвристических стратегиях, «усредненных» и «специфических, а не универсальных».

Здесь я хотел бы добавить также еще один пример, а именно прекрасный пример сл. врачом, который Кант упоминает в Критике чистого разума: когда доктор сталкивается с пациентом, он должен его лечить, даже не имея в своем распоряжении лучшего возможного знания о наблюдаемых симптомах. Если бы он был вынужден ждать лучшего возможного знания, то пациент мог бы умереть.

Когда мы должны принимать решения, от которых многое зависит, или когда сама наша форма жизни может существенно измениться – такие, как выбор спутника жизни, карьеры, или места для жизни – мы быстро обнаруживаем, что важные решения могут рационализироваться только в очень небольшой области, или, в крайних случаях, вообще не могут. В таких случаях у нас достаточно причин – т. е. причин, полученных из жизненного опыта и накопленной мудрости – следовать своей интуиции.

III. От «рациональных животных» к «символическим и интерпретирующим животным»

(i) Модифицированная область исследования

Узкая конструкция идеи человеческих существ как «рациональных животных» несет с собой дополнительные неверные толкования как человеческого поведения и действий, так и статуса рациональности. Треугольник человеческих отношений с миром, самим собой и другими людьми не исчерпывается просто в рамках узкого понимания рациональности. И субъективное завершение или объективный успех наших действий в жизни не является просто результатом использования рациональности в качестве нормы в узком смысле рациональности. Эта отрезвляющая находка ничего не меняет в том, что рациональность может рассматриваться как «норма» и как «размещение второго порядка». Но рациональность не является ни частью нашей «первой природы», ни частью необходимых предусловий для «второй природы» человеческих существ, сложившейся в результате воздействия культуры. Рациональность является возможностью, а не условием нашего опыта и способов, которыми мы проживаем свои жизни.

Более того, эта находка ни в коей мере не опровергается фактом, что почти никто не желает казаться непоследовательным или иррациональным в своем действии, речи или мысли. Когда нам указывают на противоречивость, во многих случаях мы готовы пересмотреть некоторые аспекты данных выводов, а также структуру наших убеждений и некогнитивных факторов. Но в нашем распоряжении нет аргумента, который мог бы заставить всех других людей вести себя таким же образом, чего бы это ни стоило.

В свете этих рассмотрений я хотел бы предложить расширение нашей точки зрения на людей как «рациональных животных», рассматривая их в качестве «символических животных» (чтобы использовать достаточно уместное выражение Эрнста Кассирера) и в качестве «интерпретирующих животных» (которое должно выявить интерпретирующий характер треугольного отношения к миру, себе и другим). Этот переход преобразует вопрос рациональности в вопрос семиотики, прагматики, и интерпретационных отношений.

(ii) Приписывающий подход

Рациональность не является эмпирическим фактом. Она приписывается людям, животным, организациям и машинам (таким как компьютеры или роботы). Таким образом, имеет смысл отнестись благосклонно к приписывающему подходу. И, чтобы быть более точным, мы приписываем множество вещей, включая действия, высказывания, мысли, убеждения, ценности и (более рискованно) чувства, эмоции и другие некогнитивные факторы и феномены. Мы принимаем, так сказать «рациональную позицию». Одно из методологических преимуществ этого приписывающего подхода и рациональной позиции состоит в том, что он является по крайней мере вначале онтологически нейтральным и что его не опирающиеся на факты объяснения невосприимчивы к натуралистическим ошибкам рациональности.

Тем не менее приписывающий подход обладает двумя дополнительными преимуществами при сравнении с рационалистическими методологиями, которые угрожают ошибочно сузить и абсолютизировать рациональность. Прежде всего, предположение о приписывающем характере рациональности привносит с собой, внутренне, предположение о некотором виде неопределенности рациональности. Это особенно справедливо, т. к. напоминает куайновскую идею о «непостижимости референции», которая для наших целей здесь возвращается как непостижимость рациональности. Во-вторых, снова следуя Куайну, мы видим перед собой неустранимую недоопределенность рациональности. Именно демонстрация рациональности (в широком смысле слова «рациональность») позволяет распознать оба эти ограничения (неопределенность, недоопределенность) как неустранимые.

Более того, эмоции, чувства, ценности, экзистенциальные решения и предпочтения предоставляют в равной степени отчетливые примеры ограничений рациональности в узком смысле термина (как и принцип благотворительности, используя выражение Дональда Дэвидсона, в «максимизации согласия»).

(iii) Представление знаков и интерпретация знаков

Философская проблема понимания языка и знаков состоит не в исправлении неправильного понимания или отсутствии понимания, но скорее в понимании, что означает понимание лингвистических,

а также нелингвистических знаков – следовательно, в понимании понимания. Но, – кто-то мог бы возразить, – в чем здесь подразумевается проблема? Все в некоторой степени знают, что означает понимать знаки. Мы постоянно практикуемся в таком понимании и без каких-либо проблем. Но именно это мы и не понимаем, или понимаем только с большими трудностями. Но больше всего раздражает то, как подчеркивал Витгенштейн, когда дело доходит до вопросов о таких очевидных вещах, как понимание знаков, ответ известен, только пока никто не спрашивает, но оказывается неизвестным, как только кто-то пытается высказать то, что только что знал.

Когда дело доходит до понимания знаков и рациональности интерпретаций, мы сталкиваемся с фундаментальным различием между экспликативной (объяснительной) интерпретацией знака и представлением знака как знака. Представьте, например, строку стихотворения или музыкальный звук, где существует важное различие между интерпретацией лингвистического или музыкального знака как выразительного и опыт выразительности знака, которому не требуется интерпретация. Когда мы понимаем знак, мы не интерпретируем и не объясняем его. Соответственно, нам не требуются никакие приписывания рациональности или предположения о рациональности для его понимания. Знак понимается просто непосредственно и без каких-либо промежуточных предположений о рациональности.

В контексте обсуждения рациональности, я хотел бы теперь ввести различие между «логосом знаков» (в смысле использования и понимания знаков непосредственно, т. е. без вмешательства эпистемологических посредников) и «рациональностью интерпретации» (т. е. конструкционные элементы и явные запросы обоснованности, которые непременно возникают, как только возникает некоторое нарушение равновесия и речь, мысль и действие не действуют больше беспрепятственно). Далее я хотел бы описать кратко два эти компонента. Я начну с более фундаментального аспекта: логоса знаков, понимания знаков без интерпретации.

(iv) Логос знаков: непосредственное понимание знаков

(а) Соглашение. Чтобы понимать знаки непосредственно, т. е. без каких-либо дополнительных интерпретаций, недостаточно пользоваться совместно языком или системой знаков, например,

говорить по-французски, по-немецки, или по-китайски. В конечном счете, должно быть соглашение на уровне жизненного мира и наших жизненных обычаев.

Там, где имеется непосредственное понимание знаков (например, жеста, слова, действия, текста), можно безопасно предположить, что выполняются некоторые предусловия соглашения, включая, среди прочего: (а) соглашение в долингвистической манере поведения; (б) соглашение о действиях со своими правилами; и (с) соглашение в элементарных эмпирических суждениях и в определениях. Успешное представление и непосредственное понимание знаков без дополнительной интерпретации можно понимать как изменчивую синхронизацию различных уровней семиотических, прагматических и интерпретирующих процессов, синхронизацию, которая не требует дальнейших эпистемологических посредников.

(б) Метафора. Другая сцена, где выражающий характер знаков, и, таким образом, что-то от логоса знаков, демонстрирующее себя, является уместной метафорой (которая вполне подходит и не требует никакой дальнейшей пояснительной интерпретации, например, «Питер – хитрый лис»). Метафора должна осветить некоторые глубоко укоренившиеся структуры наших привычек использования и понимания слов и знаков. Мы не можем понять уместные метафоры с помощью логически обоснованных утверждений.

(с) Демонстрация. Удивительно, что мы часто можем понять, скажем, выражение лица или движение в танце непосредственно, т. е. без каких-либо дополнительных эпистемологических посредников и без дополнительных логических обоснований – даже прежде чем сможем назвать семантические свойства таких знаков, как, например, выражения лица или движения тела. Демонстрация активизирует непосредственное понимание знаков. При демонстрации выражающий логос знаков демонстрирует себя ощутимо и непосредственно. Такая демонстрация никоим образом не ограничивает себя визуальным представлением. Это принципиально важно во всех областях человеческой деятельности, в повседневной жизни, в искусстве, в логике, в этике, и в науке.

Давайте теперь рассмотрим вторую половину различия между представлением знаков (*performance of signs*) и их интерпретативным объяснением. Здесь мы имеем дело с требованиями

когерентности и рациональности, которые имеют отношение к успешной интерпретации, например, высказываний, текстов, действий и людей.

Я бы хотел пояснить, что область успешного «понимания зависит от экспликативных интерпретаций», указывая на три аспекта: (i) конструктивных элементов в отношении понимания, (ii) баланса понимания и (iii) нескольких связанных предположений о согласованности (когерентности) и рациональности.

(v) Рациональность интерпретаций

(а) Конструктивные элементы. Каждое понимание лингвистических или нелингвистических высказываний, текстов, людей, институтов, или машин уже заранее предполагает и опирается на многочисленные креативные, проективные, эмпатические и конструктивные, короче говоря, многочисленные интерпретационные действия. Кратко можно выделить следующее:

(1) Человек может рассматривать высказывание другого человека как акт речи или не рассматривать – например, посчитать просто шумом. (2) Сигналы, которые появляются, должны в некоторой степени исключать неоднозначность. (3) В той мере, в какой вовлечены индексные или другие элементы, реализующие прямое указание на воспринимаемую ситуацию, необходимо уметь использовать, идентифицировать и локализовать объекты, на которые они указывают. (4) При интерпретации знака необходимо также уже понимать правила интерпретации, связанные с соответствующим языком или нелингвистической системой символов. (5) В случаях трансляции или истолкования иностранного языка необходимо уже сформировать трансляционные гипотезы, которые могут рассматриваться как креативные интерпретационные конструкты. (6) Необходимо встроить встречающиеся знаки в контекст, ситуацию, и время. (7) Собственные стандарты логики и истины человека уже должны быть спроектированы на фоне иностранных высказываний, прежде чем (8) может быть зафиксирована организация речи и логическая форма предложений. (9) Человек должен также поставить себя в положение другого человека, создающего знаки, по крайней мере, в элементарной степени. (10) Человек должен также принимать во внимание пропозициональные отношения (например, взгляды, мнения, намерения, желания, страхи), кото-

рые регулируют семиотические высказывания другого человека и которые способствуют ограничению ситуационного значения используемых знаков.

Если это можно принять как адекватную характеристику ситуации, в которой мы оказываемся всякий раз, когда должны интерпретировать знаки, например высказывания, жесты, тексты и действия других людей, то это является именно тем моментом, который должен сделать очевидным, как принципы интерпретации, которые являются в этом смысле всегда действующими, могут рассматриваться также как принципы рациональности.

(b) Равновесие понимания. Возможность успешного понимания и взаимодействия отношений требует, чтобы говорящий и агент, а также интерпретатор были готовы модифицировать или даже пересмотреть свои гипотезы интерпретации. Этот процесс динамической настройки и согласования, который колеблется между говорящим и слушателем, служит цели создания того, что можно было бы назвать равновесием понимания, балансом в понимании знаков. Под этим я имею в виду взаимную настройку горизонтов понимания и взаимодействия. В противоположность тому, что подразумевает Ганс-Георг Гадамер в своей герменевтике, эти горизонты, таким образом, не «совмещаются». Понятие равновесия понимания содержит в себе как различие, так и неразрывность. Важно понимать, что горизонты других людей (и культур) могут непреодолимо отличаться от собственного горизонта человека. Придерживаясь такой точки зрения, я хотел бы привести доводы в пользу «разделения» горизонтов. В то же самое время мы должны видеть, что готовность достичь баланса понимания является также компонентом рациональности коммуникативного понимания.

(c) Требования согласованности. В тех случаях, когда знаки непосредственно непонятны, требования согласованности, накладываемые на подходящие интерпретации, могут стать достаточно важными. Интерпретации лингвистических и/или нелингвистических знаков являются приемлемыми, подходящими, и правильными, или, короче, рациональными, если и только если они соответствуют форме интерпретативной практики, лежащей в основе языка или нелингвистической знаковой системы и согласовываются с ней. Будет ли это успешным или нет, можно увидеть в том, смогут или нет начаться коммуникация, обращение к миру и действие и можно ли будет это легко приостановить и продолжить.

Единственными кандидатами для требований согласованности или требований рациональности могут быть те аспекты, которые возникают внутренне из того, что предназначено действовать в рамках языка, лингвистической знаковой системы и жизненной практики. Стандарты, которые мы ищем, должны сформулировать эти допущения смысла, которые мы предполагаем выполненными в нашем собственном случае, в той степени, в какой мы понимаем себя как людей, которые говорят, думают и действуют согласованно. Некоторыми из наиболее важных следствий требований согласованности должны быть (без какого-либо иерархического порядка):

(1) задание приоритета для интерпретации, которая может поддерживать и обеспечивать коммуникацию, кооперацию и контексты действия; (2) содействие интерпретации, которая помещает рассматриваемый знак в рамки возможных действий; (3) исключение интерпретаций, которые несовместимы с предыдущим использованием знаков самим человеком или другими людьми. (4) исключение интерпретаций, которые ведут к противоречиям, непоследовательности или внутренним противоречиям; (5) содействие интерпретациям, которые размещают условия истины или выполнения в предложениях языка других людей; (6) задание предпочтения интерпретации, которая не отказывается без нужды от постоянных логических и дедуктивных связей между суждениями; (7) задание приоритета интерпретации, которая обеспечивает говорящего подходящей связью с его миром, окружающей средой и знакомыми людьми; (8) содействие интерпретации, которая сохраняет чувственное свидетельство в ситуациях восприятия. (9) предпочтение интерпретации, которая совпадает с опытом и эмпирической правильностью рассматриваемого выражения; (10) предпочтение интерпретации, которая требует как можно меньше объяснений, следовательно, такой, которая приближает нас ближе всего к непосредственному пониманию знака и непосредственному выполнению действия.

Если кто-то решит, услышав этот список требований для интерпретации и рациональности, что все эти вещи достаточно самоочевидны и считаются не требующими доказательства, – ну что ж, тем лучше.

(vi) *Межкультурный диалог*

В заключение я хотел бы привлечь внимание к следствию семиотически-интерпретационального подхода, очерченного выше для вопросов рациональности в межкультурном диалоге. Я должен явно занять позицию против как ложного абсолютизма рационалистических методологий, так и представления о «совмещении горизонтов» (Гадамер) в качестве предусловия коммуникации и сотрудничества между людьми и между культурами. Успешная коммуникация и сотрудничество требуют определенного наложения горизонтов, в рамках которых люди говорят, думают и действуют. Коммуникация и сотрудничество продвигаются готовностью к модификации, когда необходимо, или даже пересмотру собственного горизонта и собственной точки зрения.

Один из вызовов стремления переосмыслить рациональность, который мы всегда должны быть готовы принять, как говорит Кант, состоит в том, что другие люди (и другие культуры) могут видеть вещи не так, как мы. И кто будет настолько поспешен, как замечает Кант, что захочет отнести все различные горизонты только к одному-единственному? Это привело Канта к пониманию, что обоснование, на основе только чистого разума, категорический императив (согласно которому мы должны проверять, сможет ли какой-либо данный принцип служить в качестве основания общего закона) требует именно этого «обязательного дополнения», а именно понимания, что другие люди (и я хотел бы добавить, другие культуры) могут хотеть вещи, отличные от того, что хочу я. Позиция, состоящая не в простом допущении этого факта, но скорее в поклонении ему, является тем, что Кант назвал «любовь». Здесь рациональность и любовь, идущие рука в руке, соединены фактически как сиамские близнецы.

Литература

Abel, Günter: *Interpretationswelten. Gegenwartsphilosophie jenseits von Essentialismus und Relativismus*, Frankfurt am Main: Suhrkamp 1995.

Abel, Günter: *Sprache, Zeichen, Interpretation*, Frankfurt am Main: Suhrkamp 1999.

Abel, Günter: *Zeichen der Wirklichkeit*, Frankfurt am Main: Suhrkamp 2004.

Abel, Günter: “Zeichen- und Interpretationsethik”, in: Andrzej Przylebski (Ed.): *Ethik im Lichte der Hermeneutik*, Würzburg: Königshausen & Neumann 2010, pp. 91–119.

Abel, Günter: “Der interne Zusammenhang von Sprache, Kommunikation, Lebenswelt und Wissenschaft”, in: Carl Friedrich Gethmann (ed.): *Lebenswelt und Wissenschaft*, Hamburg: Meiner 2011, pp. 351-371.

Davidson, Donald: *Inquiries into Truth and Interpretation*, Oxford: Clarendon 2001.

Elster, Jon: „Rationality“, in: Guttorm Fløistad (ed.), *Contemporary Philosophy: A New Survey, Vol. 2: Philosophy of Science*, Dordrecht: Springer 1982, pp. 111-131.

Føllesdal, Dagfinn: „The Status of Rationality Assumptions in Interpretation and in the Explanation of Action“, in: *Dialectica* 36, No. 4 (1982), pp. 301-316.

Føllesdal, Dagfinn: „Introduction: What is Rationality?“, in: *Epistemologia IX: Rationality and Irrationality* (1986), pp. 5-13.

Gadamer, Hans-Georg: *Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*, Tübingen: Mohr Siebeck 1965 (2nd ed.).

Gigerenzer, Gerd / Selten, Reinhard (eds.): *Bounded Rationality. The Adaptive Toolbox*, Cambridge (Mass.): MIT Press 2001.

Hacking, Ian: *Why does Language matter to Philosophy?*, Cambridge: Cambridge University Press 1975.

Kant, Immanuel: “Das Ende aller Dinge”, in: *Werkausgabe, Vol. XI*, (ed. Wilhelm Weischedel), Frankfurt am Main: Suhrkamp 1968.

Lenk, Hans: “Typen und Systematik der Rationalität”, in: Hans Lenk (ed.): *Zur Kritik der wissenschaftlichen Rationalität*, Freiburg / München: Alber 1986, pp. 11-27.

Nida-Rümelin, Julian / Spohn, Wolfgang (eds.): *Rationality, Rules, and Structures*, Dordrecht: Springer 2000.

Poser, Hans: *Wissenschaftstheorie*, Stuttgart: Reclam 2001.

Simon, Josef: “Kants pragmatische Ethikbegründung”, in: *Archivio di Filosofia* LV (1987), pp. 183-204.

Wittgenstein, Ludwig: *Philosophische Untersuchungen*, in: *Werkausgabe Band 1*, Frankfurt am Main: Suhrkamp 1984.

Wittgenstein, Ludwig: *On Certainty*, Oxford: Oxford University Press 1969.

Перевод с англ. к.ф.н. Е.О. Труфановой

Иррациональность, делает ли она человека незащищенным от эксплуатации?*

В данной статье рассматриваются практические аргументы для различных требований рациональности убеждений или предпочтений агента. Такие аргументы должны показать, что нарушитель данного требования не защищен от эксплуатации. Он может эксплуатироваться умелым букмекером, который знает не больше, чем сам нарушитель. Общая идея впервые была высказана в эссе Франка Рамсея «Истина и вероятность»:

Если чье-то ментальное состояние нарушило эти законы [= законы вероятности], ... он мог бы получить сделанную против него коварным спорщиком ставку и затем проиграл бы в любом случае (Ramsey 1990 [1926], p. 78).

Хорошо известные примеры практических аргументов используют (i) синхронные Голландские книги (Dutch Books) для стандартных аксиом вероятности, (ii) диахронные Голландские книги для принципов, устанавливающих связь между вероятностями агента в различные моменты времени, таких как принци-

* Эта статья, которая была представлена на конференции Международного института философии в Москве в 2011 г., является несколько пересмотренной краткой версией Rabinowicz (2008), которая в свою очередь является значительно пересмотренной и расширенной версией Rabinowicz (2006). Я признателен участникам московской конференции за проницательные комментарии и Шведской коллегии передовых исследований (Swedish Collegium of Advanced Study) в Упсале за прекрасные условия для работы.

пы отражения (Reflection) и обусловливания (Conditionalization), и (iii) Денежные насосы (Money Pumps) для требования ацикличности на предпочтениях.

При анализе этих примеров проявляется одна вещь: схемы эксплуатации обладают общим свойством. Предположим, что агент логически и математически грамотен. Предположим также, что он предпочитает выигрывать, а не проигрывать, и действует соответственно. Тогда, как мы увидим, его невозможно эксплуатировать, даже если он нарушает заданное требование, если только он *не разрушает единства* своего процесса принятия решений. Под разрушением единства я понимаю, что он принимает решения по различным встречающимся ему вопросам отдельно, а не по всем вместе. Он принимает решение по каждому компоненту в пакете отдельно, а не по всем сообща.

Агент может быть лишен единства своих действий в этом смысле синхронно или диахронно. В синхронном случае ему может быть одновременно представлено несколько возможностей, каждую из которых он может принять или отклонить, и он имеет дело с каждой из этих возможностей по отдельности. Унифицированно действующий человек, принимающий решения, будет вместо этого делать единственный выбор отдельной *конфигурации* возможностей, которую он примет. В диахронном случае возможности предлагаются в различные моменты времени, с расписанием предложений, заранее известном клиенту. Он диахронно лишается единства своих действий, если откладывает свои решения, касающиеся более поздних предложений, до моментов времени, когда эти предложения будут сделаны. Унифицированный подход снова будет включать единственный выбор определенной конфигурации возможностей, настоящих и будущих.

Унификация при принятии решений требует обзора и рассмотрения сложных альтернатив выбора. Это может оказаться дорогим и неудобным. По различным причинам мы можем считать, что легче иметь дело с различными вопросами по отдельности, а не в совокупности. Более того, в диахронных случаях предварительное принятие обязательств может иногда быть затруднено или невозможно. Это задает значительные практические ограничения на унифицированное принятие решений.

Так как схемы эксплуатации работают только для неунифицированных агентов, практические аргументы для различных требований на убеждения и предпочтения поддерживают только *условные* рекомендации: «Если вы собираетесь принимать решения неунифицированным образом, то вам лучше удовлетворить этому требованию». Другими словами, аргументы такого рода не могут создать категорический статус рассматриваемых требований. Некоторые из этих требований, такие как стандартные аксиомы вероятности или ацикличность предпочтения, имеют интуитивное право быть категорическими требованиями рациональности. Но другие принципы, для которых были предоставлены практические аргументы, видимо, не имеют собственного рационального преимущества. Принцип отражения является хорошим примером. Но с моей точки зрения, можно, тем не менее, что-то сказать в пользу практических аргументов: они идентифицируют условия, которые облегчают отказ от унификации (disunification) при принятии решений.

Я не собираюсь предоставлять неоспоримую защиту моей интерпретации практических аргументов. Я обосную ее, однако, несколькими примерами, которые иллюстрируют глубокую связь между пригодностью к эксплуатации и отказом от унификации.

Отметим, что согласно предлагаемой точке зрения диахронные практические аргументы будут *сильнее*, чем синхронные. Причина в том, что унифицированное принятие решений сложнее для диахронного управления, чем для синхронного. Следовательно, существуют более сильные аргументы, чтобы агент удовлетворял требованиям, которые облегчат диахронный отказ от унификации.

Исаак Леви (2002) высказывает совершенно другую точку зрения на статус практических аргументов. В соответствии с ней только синхронные аргументы имеют хорошую основу для обоснования. Диахронные аргументы, утверждает он, недействительны. Прежде чем я объясню, почему у него такая точка зрения и почему я думаю, что он ошибается, мне необходимо представить несколько примеров аргументов обоих видов, чтобы дать обоснование.

1. Аргумент синхронной Голландской книги для законов вероятности

В этом аргументе предполагается, что задания вероятностей агентом – его уровнем доверия – являются его руководствами к действию. В связи с этим они выражаются в его расположениях до ставок или планах ставок¹. Более точно, вероятности агента задаются его нормами ставок.

Чтобы увидеть, что это означает, рассмотрим сделку на утверждение A , которая стоит некоторую денежную сумму C и приносит S в случае выигрыша. S является ставкой сделки, в то время как C является его ценой. Сделка A является честной для данного агента, если он готов взять любую из ее сторон: купить ее или продать. Предположим, что некоторые сделки на A являются честными для данного агента² и что все они имеют постоянное отношение между ценами и ставками. Если ставка увеличивается или уменьшается, цена должна увеличиться или уменьшиться в той же пропорции, чтобы сделка оставалась честной. Это предположение постоянства является разумно реалистичным в определенных пределах, в которых денежные величины S и C не слишком велики: Для небольших значений можно смело предполагать, что полезность пропорциональна деньгам.

Это постоянное отношение цена–ставка для честных сделок на A является нормой ставки (betting rate) агента для A . И вероятность агента для A , $P(A)$, отождествлена с нормой ставки для A . Для сделки на A с данной ставкой чем выше цена, которую готов заплатить агент (или чем выше цена, которую он запрашивает), тем выше будет его вероятность для A .

Пример. Если сделка на A со ставкой $S = \$20$ и ценой $C = \$9$ будет для агента честной, то его норма ставки для A , и поэтому его вероятность для A , равна $C/S = 9/20 = .45$.

¹ Эту идею, которую лучше всех представили Ramsey и de Finetti, можно фактически проследить, по крайней мере, до кантовской *Критики чистого разума* (A824-5, B852-3).

² Это несколько не очевидно. Самая высокая цена, которую агент готов заплатить за сделку на A с заданной ставкой, может быть ниже, чем наименьшая цена, по которой он готов ее продать. Если это получается для всех ставок, то нет такой сделки на A , что агент будет готов принять обе ее стороны.

Отметим, что в такой интерпретации вероятностей, как норм ставок, ожидаемое денежное значение покупки честной сделки на A с ценой C и ставкой S будет равно нулю:

$$[P(A) \times S] - C = [C/S \times S] - C = 0.$$

Аналогично, продажа такой сделки имеет ожидаемое значение ноль:

$$C - [P(A) \times S] = C - [C/S \times S] = 0.$$

Этим можно объяснить, почему агент в равной степени готов как купить сделку, так и продать ее³.

Голландская книга является системой сделок на различные предложения, так что, если все сделки принимаются агентом, то он должен понести потери, что бы ни произошло. Голландская книга является *синхронной* или *диахронной*, в зависимости от того, будут ли сделки предлагаться в одно время или в различные моменты времени.

Как хорошо известно, если агент нарушает стандартные законы вероятности, он подвержен риску синхронной Голландской книги. Это предоставляет практический аргумент для подчинения этим законам.

В качестве примера рассмотрим аксиому сложения для вероятностей,

$P(A \vee B) = P(A) + P(B)$, если предложения A и B являются логически несовместимыми.

Предположим, что ваше задание вероятностей P нарушает эту аксиому. Например, предположим, что $P(A) = 1/2$, $P(B) = 1/2$, но $P(A \vee B) = 3/4$. Я могу затем предложить вам сделки на A и на B , каждую со ставкой S и ценой $1/2S$. В то же самое время я могу вас попросить *продать* сделку на дизъюнкцию A -или- B с той же самой ставкой и ценой $3/4S$. С учетом ваших вероятностей все эти сделки являются честными. Но если три предложения по сделкам принимаются, ваша гарантированная потеря составляет $1/4S$, что является разностью цен между тем, что было уплачено за две первые сделки, и

³ Однако это объяснение, хотя и будет разумным для агентов, которые максимизируют ожидаемую полезность (предполагая, что, по крайней мере для небольших сумм, полезность пропорциональна деньгам), является сомнительным в данном контексте. Если агент нарушает некоторые требования рациональности, предполагаемые в теории ожидаемой полезности (например, если он нарушает стандартные аксиомы вероятности), то кажется неподходящим обосновывать определение вероятностей этого агента нормами ставок на основе рассмотрения ожидаемой полезности.

тем, что было получено за проданную сделку: $2(\frac{1}{2} S) - \frac{3}{4} S$. Что касается ставок, то если это окажется A или B , то вы выиграете одну из сделок, которую купили, но потеряете сделку, которую продали. Поэтому вы получаете S , но должны заплатить столько же. Если не происходит ни A ни B , никто не делает никаких платежей ставок⁴.

Нарушитель дополнительной аксиомы в этом случае эксплуатируется, т. к. его принятие решений не будет унифицировано: он решает по каждой сделке отдельно, а не обо всех трех сделках вместе. Если бы он делал последнее, то – при условии, что он математически и логически грамотен – он наверняка не станет принимать весь пакет сделок: он поймет, что отказ от всех сделок будет лучше в любом случае. В этом унифицированном режиме он может, тем не менее, решить принять одну или две предложенные сделки, скажем, купить сделки на A и на B и отказаться продать сделку на A -или- B . Но в этом случае он не получит гарантированную потерю.

Скирмс (Skyrms, 1980) предположил, что агент, который не защищен от синхронной Голландской книги, должен быть логически дезориентирован: он должен оценивать одно и то же соглашение о сделках по-разному, в зависимости от того, как оно представлено – как множество из трех сделок или как одна сложная возможность получить потерю, чтобы ни произошло. На Скирмса оказало влияние замечание Рамсея:

Если чье-то ментальное состояние нарушает эти законы [= законы вероятности], то его выбор будет зависеть от точной формы предложенных ему возможностей, что является абсурдным (Ramsey 1990 (1926), p. 78).

Однако предположение о лежащей в основе логической дезориентации является неубедительным. Нужно признать, что рассматриваемый агент не рассматривает ни одну сделку в пакете как непривлекательную, и, тем не менее, он приписывает отрицательное значение пакету сделок в целом. Но это не означает, что он оценивает одни и те же соглашения о сделках по-разному при раз-

⁴ Если не предполагается, что эксплуататор знает больше, чем сам агент, то мы должны предполагать, что агент знает свои заданные вероятности. Иначе букмекер, который не обладает дополнительным знанием, также не будет их знать, что помешает ему создать схему эксплуатации. Излишне говорить, что это предположение о полном собственном знании может быть сомнительным.

личных логически эквивалентных описаниях. Это означает только, что его оценивание не является аддитивным: Значение, которое он приписывает пакету, отличается от суммы значений, приписанных его частям. Это, само по себе, не нужно оспаривать, и, конечно, это не означает логического замешательства какого-либо вида (см. Schick 1986).

Необходимо сказать кое-что о том случае, когда агент нарушает закон, требующий задавать логическим истинам вероятность равную единице. Если его вероятность для логической истины A превышает единицу, он готов покупать сделку на A с ценой превышающей ставку, которая будет выиграна. Если она меньше единицы, то он готов продавать сделку на A по цене меньше чем ставка, которая будет ему выплачена. Поэтому в каждом случае он может эксплуатироваться. Эта система эксплуатации, состоящая только из одной сделки, не требует, чтобы агент отказался от унификации при принятии решений. Но это работает только если агент логически запутался и не понимает, что A является логической истиной, или если для него потери не имеют значения. Это означает, что рассматриваемый случай согласуется с утверждением, которое мы отстаиваем: отсутствие унификации является необходимым пред-условием для эксплуатации логически и математически грамотного агента, который предпочитает выигрывать, а не проигрывать.

2. Аргумент диахронической Голландской книги для принципа отражения

Принцип отражения (Reflection) требует, чтобы текущие вероятности отражали ожидания о будущих вероятностях. Текущая условная вероятность для A при предположении, что будущая вероятность для A будет не больше k , сама должна быть не больше k .

Отражение: $P(A/P'(A) \leq k) \leq k$, при условии $P(P'(A) \leq k) > 0$, где P является вероятностью агента в момент времени t , а P' является его вероятностью в будущей точке времени t' ($t' \geq t$).

Стандартное возражение против отражения состоит в том, что этот принцип является интуитивно нерациональным, если агент имеет основания не доверять своим будущим познавательным способностям. Тогда он может разумно нарушить принцип отра-

жения. Предположим, например, что он имеет основания считать, что его будущая вероятность для A , в момент $t' > t$, может быть необоснованно низкой, благодаря промыванию мозга, которое может произойти между моментами t и t' . При таких обстоятельствах его текущая условная вероятность для A с гипотезой, что $P'(A) \leq k$, где k будет небольшим, должна быть больше k .

Понятно, что ожидаемая промывка мозга является только одним из возможных примеров ожидаемого познавательного ухудшения. Тем не менее, как было показано van Fraassen (1984), агент, задания вероятностей которого нарушают принцип отражения, оказывается тем самым уязвимым для диахронической Голландской книги, совершенно независимо от тех оснований, которые могут существовать для нарушения этого требования.

Ниже представлен пример (см. Christensen 1991). Предположим, что у агента задание вероятности P в момент времени t нарушает принцип отражения:

(i) $P(A/P'(A) \leq 1/2) = 3/4$.

Пусть E обозначает $P'(A) \leq 1/2$. Предположим, что

(ii) $P(E) = 1/5$.

В момент t , букмекер предлагает агенту две сделки:

сделку на E , с ценой 1 и ставкой 5;

(2) сделку на A с условием E , с ценой 15 и ставкой 20.

В условной сделке цена сделки выплачивается обратно, если условие оказывается ложным. Условные вероятности равны нормам ставок для условных сделок. Поэтому, с учетом предположений о вероятностях агента, легко видеть, что сделки 1 и 2 являются честными.

Затем, в момент t' , если E оказывается истинным, но не иначе, букмекер предлагает *купить* у агента третью сделку:

(3) сделку на A , с ценой 10 и ставкой 20.

Продажа этой сделки будет честной или 'более чем честной' в терминах вероятностей агента в момент t' , если E истинно, т.е., если вероятность агента для A в момент t' будет самое большее равна $1/2$.

Если агент принимает все эти предложения сделок, он потеряет 1 единицу в любом случае. Если E ложно, он потеряет свою сделку на E , в то время как условная сделка на A с заданным E будет отозвана и предложение сделки в момент t' сделано не бу-

дет. Если E истинно, то агент выигрывает сделку на E и его условная сделка на A будет в силе. Но затем, в момент t' , букмекер сможет выкупить сделку на A по *меньшей цене* (сделка 3). т. к. разница цен ($15 - 10 = 5$) превышает полученную разницу от сделки на E ($5 - 1 = 4$), агент снова останется в окончательном проигрыше.

Существует очевидное возражение к такому рассуждению. Предполагается, что практический аргумент для требования рациональности демонстрирует, что нарушения этого требования будут вести к гарантированной потере от собственных действий нарушителя. Чтобы быть действительным, такой аргумент должен базироваться на предположении, что эксплуатируемый агент знает по крайней мере столько же, сколько и его предполагаемый эксплуататор. Следовательно, в той мере, в какой второй действует по определенному плану действий, этот план также должен быть известен агенту. Другими словами, агент должен быть *предусмотрительным*.

Но возражение продолжается, агент с предвидением в момент t разрушит планы букмекера, отказавшись просто принять более ранние сделки. Поэтому весь счет сделок будет разрушен: отказываясь от предыдущих сделок, агент предотвращает получение предложения сделки в момент t' – предложения, которое он тогда должен был бы принять, но которое он сейчас, в момент t , находит непривлекательным (см. Levi 1988, и Maher 1992)⁵.

Скирмс (Skyrms, 1993) показывает, как это возражение можно опровергнуть. Предположим, что известно, что букмекер является *настойчивым*. Настойчивость означает, что более поздние предложения сделок в схеме эксплуатации не обуславливаются принятием более ранних. Это означает, что букмекер может полагаться предложить сделку 3 в момент t' если E будет истинным, даже если агент в момент t откажется от сделок, предложенных в это время. Предположим также, что букмекер делает все три сделки «более чем честными»: для каждого принятого предложения сделки, агент получает небольшое вознаграждение ε . Предположим, однако, что $3\varepsilon < 1$. Тогда, даже с дополнительными вознаграждениями, агент будет в общем проигрыше, если он будет принимать все получаемые предложения сделок. Он проиграет единицу минус 3ε .

⁵ Отметим, что в терминах предварительных вероятностей агента (в момент t), продажа сделки 3 имеет отрицательное ожидаемое денежное значение при условии E : $C_{\text{bet } 3} - (P(A/E) \times S_{\text{bet } 3}) = 10 - (\frac{3}{4} \times 20) = -5$

Чтобы агент пришел к выводу, что он не имеет причин воздерживаться от сделок, предложенных в момент t , достаточно, чтобы (i) он считал, что его действия в момент t не повлияют на потенциальное предложение сделки в момент t' (что следует из того, что известно, что букмекер является настойчивым), и (ii) он собирается иметь дело с предложением в момент t' тем же образом, независимо от того, что он мог бы делать в момент t . т. к. (i) и (ii) означают, что его текущие действия не будут влиять на его поведение в будущем, он может решить, опираясь на принцип доминирования, что покупка сделок в момент t предпочтительнее отказа, т. к. улучшает его перспективы на 2ϵ , независимо от того, что он собирается делать в момент t' .

Все это предполагает, однако, что известно, что букмекер является настойчивым. Это предположение никогда явно не утверждалось у Ван Фраассена (van Fraassen, 1984). Не подчеркивалось оно также в хорошо известном аргументе диахронной Голландской книги для обусловливания (conditionalization), принадлежащем Дэвиду Льюису (см. Teller 1973). В результате Леви (Levi, 1988) смог возразить, что в случае диахронных Голландских книг процесс эксплуатации можно остановить в начале, отказываясь принять начальные сделки. Он считал, что это позволит агенту соскочить с крючка, т. к. тогда больше не будут поступать предложения сделок (см. Levi 1988, стр. 204f). Предложение Леви было далее развито Маером (Maier, 1992).

То, что настойчивость эксплуататора закрывает эту брешь в аргументах Ван Фраассена и Льюиса, было указано у Скимса (Skyrms, 1993). Там говорится следующее:

Почему предполагается [у Маера и Леви], что коварный игрок просто пойдет домой, если [агент] отказывается играть сегодня? [...] Даже если [агент] будет это предвидеть, он предпочтет уверенную потерю [...] т. к. это выглядит для него точно лучше, чем альтернатива (там же, с. 323f).

И он завершает: “Возможность предвидения не помогает.” (там же, с. 326).

Что же тогда поможет? Бросающимся в глаза свойством этого случая является отсутствие унификации агента во времени. Нарушитель принципа отражения эксплуатируется, потому что он принимает решение по различным сделкам отдельно, в моменты време-

ни, когда они предлагаются, а не делает одно решение по всем трем сделкам вместе. Если он делает последнее, тогда – при условии, что он логически и математически грамотен – он, конечно, не согласится принять весь пакет сделок, т. к. простое вычисление покажет, что отказ от трех сделок будет лучше для него в любом случае.

3. Денежные насосы против агентов с циклическими предпочтениями

Предположим, что предпочтения агента относительно альтернативных результатов x , y , и z являются циклическими:

$$x \prec y \prec z \prec x.$$

Пусть x будет альтернативой существующего положения вещей (*status quo*). Агенту предлагается y в обмен на x , при условии, что он платит некоторую сумму ε , которая слишком мала, чтобы изменить его предпочтения относительно результатов. После обмена ему предлагается обмен y на z , если он заплатит дополнительную сумму ε . Если он продолжает, то ему предлагается обмен z на x , при условии, что он снова платит ε . После трех обменов агент снова оказывается там, где начинал, минус 3ε . Его использовали как денежный насос. (См. Davidson, McKinsey and Suppes 1955 и Raiffa 1968).

Процесс обмена может продолжаться, пока агент не будет разорен. Но здесь рассматриваются только *конечные* насосы, когда эксплуатация останавливается после определенного числа полных циклов, где каждый цикл возвращает агента к базовой альтернативе, с которой он начал. Для простоты предположим, что выполняется только один цикл, т. е. насос останавливается после трех обменов. Чтобы этот короткий насос работал, дополнительный платеж ε не должен изменять предпочтения агента ни на каком этапе, по крайней мере, до 3ε . Поэтому необходимо предположить, что

$$x \prec y - \varepsilon \prec z - 2\varepsilon \prec x - 3\varepsilon.$$

Аргумент денежного насоса, описанный выше, имеет очевидное возражение: чтобы насос работал, агент не должен знать, что его эксплуатируют. Иначе, если он знает, что для него запасены

дальнейшие сделки, он откажется торговать (см. Schick 1986, и Schwartz 1986). Основной момент возражения состоит в том, что условие предвидения, которое должно удовлетворяться в диахронных практических аргументах, не удовлетворяется в денежном напосе в его традиционной версии.

Общее представление состоит в том, что осторожный агент с предвидением будет избегать выкачивания денег, т. к. он должен увидеть, что приближается. Он должен понять, что первая сделка приведет ко второй, которая приведет к третьей, которая вернет его назад к точке старта минус платежи. Поэтому в некоторый момент до завершения полного цикла он откажется делать сделку.

Эту идею предвидения в качестве щита против эксплуатации можно сделать более точной в терминах рассуждения об обратной индукции. Когда агент сталкивается с диахронной проблемой выбора и твердо уверен в своей будущей практической рациональности, он может решить проблему обратным рассуждением. Он может сначала определить, какое действие будет для него рациональным, чтобы выполнить его в последнем узле выбора для каждой ветви его дерева решений, где ясно, какое последствие будет иметь каждое действие. Полагаясь на свою будущую рациональность, он может предсказать, что он сделает это действие, если он должен будет дойти до рассматриваемого узла. Считая, что его уверенность в своей будущей рациональности будет надежной, он предполагает придерживаться этих предсказаний при достижении предпоследнего узла выбора на каждой ветви. Это позволяет ему определить, какое действие будет рациональным в каждом таком предпоследнем узле, и, следовательно, снова опираясь на свою будущую рациональность, предсказать свое собственное поведение в этом узле. Продолжая, таким образом, от конечных точек дерева к его началу, такой искушённый агент определит, какие действия будут рациональными в каждом узле выбора. Короче: в каждом узле выбора действие на основе обратной индукции является оптимальным с предположением, что за любым сделанным в этом узле действием последуют действия на основе обратной индукции во всех последующих узлах выбора. (Отметим, однако, что эта простая формулировка игнорирует возможность узлов, на которых обратная индукция выбирает больше чем одно действие.)

Рассуждение на основе обратной индукции легко применимо к проблемам денежного насоса: как утверждает Макклennen (McClennen, 1990, раздел 10.2), искушённый агент избегает угрозы выкачивания средств. Я отстаивал это же утверждение в (Rabinowicz, 1995). т. к. аргумент Маккленнена имеет небольшой недостаток, изложение ниже основывается на моей статье 1995 г.

Как и раньше, предположим, что предпочтения агента в отношении x , y и z являются циклическими, что они постоянны в процессе обмена, что они необратимы дополнительными платежами, и что $x - 3\epsilon < x$, что означает, что агент, который начинает с x и заканчивает на $x - 3\epsilon$ будет иметь определенную потерю со своей собственной точкой зрения. Фактически мы принимаем то, что $x - 3\epsilon$ неприемлемо для агента не только в сравнении с x , но также в сравнении с любой альтернативой, которую он предпочитает x . Поэтому, в частности, т. к. $x < y - \epsilon$, то также $x - 3\epsilon < y - \epsilon$. Наконец, мы предположим, что агент знает свои предпочтения.

Мы рассмотрим теперь проблему последовательного выбора агента, которая состоит из трех предложений сделок:

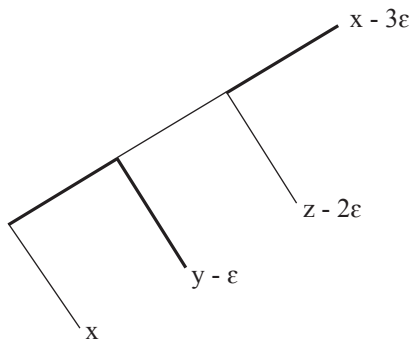

Рис. 1. Денежный насос

Ветвления в этом дереве являются узлами выбора агента. Движение вверх означает сделку, движение вниз является отказом от сделки. Окончательный результат определяется в конечной точке каждой ветви дерева. Альтернативой *status quo* является x ,

что означает, что x будет окончательным результатом, если агент в начальной точке отказывается от сделки, т.е. спускается вниз в первом узле. Если он вместо этого движется вверх, но затем прекращает торговать, он заканчивает с результатом $y - \varepsilon$. Если он торгует дважды, а затем останавливается, он заканчивает с результатом $z - 2\varepsilon$. А если он торгует трижды, то получает $x - 3\varepsilon$.

Толстые линии в дереве представляют действия на основе обратной индукции. В третьем узле предпочтения агента требуют *торговли*, т. к. он предпочитает $x - 3\varepsilon$ вместо $z - 2\varepsilon$. Принимая во внимание, что он собирается торговать в третьем узле, если он дойдет так далеко, его выбор во втором узле выбора должен состоять в *отказе* от сделки: Этот отказ дает $y - \varepsilon$, что для него предпочтительнее $x - 3\varepsilon$. Но затем, с условием, что он собирается отказаться во втором узле, его выбор в первом узле должен быть *сделкой*, т. к. он предпочитает $y - \varepsilon$ вместо x . Поэтому искушённый агент заключит только одну сделку, а затем остановится. Даже хотя его предпочтения являются циклическими, он не понесет потери.

Аргументация обратной индукции имеет свои проблемы. Она предполагает, что агент твердо верит в свою собственную будущую рациональность – в том смысле, что эта вера сохранится, даже в тех узлах выбора, которые могут быть доступны только через ряд иррациональных действий. Но, как говорит хорошо известное возражение против обратной индукции, не будет ли агент в таких узлах иметь основания для сомнений – будет ли он действовать рационально в *последующих* узлах выбора? Если он не действовал таким образом ранее, почему мы должны ожидать, что он будет делать это позже? Скажем это иначе: Если некоторые узлы выбора в дереве решений могут быть достигнуты только действиями, запрещенными обратной индукцией, не будет ли агент в таких узлах иметь основания сомневаться, будут ли его последующие действия удовлетворять требованиям обратной индукции? Однако при таких сомнениях обоснование обратной индукции разрушается.⁶

⁶ См. Binmore (1987), Reny (1988) и (1989), Bicchieri (1989), Pettit and Sugden (1989). Некоторые защиты обратной индукции, либо общего плана или ограниченные до определенного класса случаев можно найти в Sobel (1993), Aumann (1995) и (1998), Rabinowicz (1998) и Broome and Rabinowicz (1999).

Это общее возражение не применяется к описанному выше короткому денежному насосу. Там только третий узел выбора невозможно достичь без действия, запрещенного обратной индукцией. Но этот узел является конечным: за ним нет никакой дополнительной возможности выбора. Рациональное действие в узле конечного выбора не зависит от того, что собираются делать после этого: больше нет никаких последующих узлов выбора для рассмотрения. Таким образом, продолжающаяся самоуверенность в этом месте не играет никакой роли. С другой стороны, в неконечных узлах выбора в этом коротком денежном насосе, агент не имеет доказательства о каких-либо предыдущих нарушениях обратной индукции со своей стороны и поэтому не имеет оснований для сомнений о своем будущем поведении.

Это возражение применимо, однако, к более сложным денежным насосам, которые включают несколько раундов или базируются на циклах, которые состоят из более трех альтернатив. Тем не менее, если денежный насос не слишком длинный, и если искушенный агент начинает с очень крепким убеждением о своей приверженности процедуре обратной индукции, свидетельства о его прошлых отклонениях от этой приверженности никогда не могут быть достаточно обширными, чтобы разрушить это начальное убеждение. Он сможет объяснить их как изолированные ошибки, которые не будут повторяться в будущем.⁷

Решили ли мы проблему, по крайней мере, в том, что касается относительно коротких денежных насосов? Является ли объединенное с искушенностью предвидение достаточным, чтобы остановить насос? Не совсем. Далее следует описание денежного насоса, который может использоваться против искушенного агента (см. Rabinowicz 2000).

В рассмотренных до сих пор денежных насосах, последовательность сделок заканчивается, как только агент отказывается совершать еще одну сделку. Никаких предложений сделок больше не поступает. Предположим, что мы изменим это свойство проблемы принятия решения, и предположим, что эксплуататор будет *настойчивым*: Если вы отказываетесь от предложения сделки, он возвращается с тем же самым предложением на следу-

⁷ Эти замечания применимы также к модифицированному денежному насосу, который будет рассмотрен ниже.

ющем этап.⁸ Существует три этапа, на которых делаются предложения. Дерево решений для этого нового денежного насоса выглядит следующим образом:

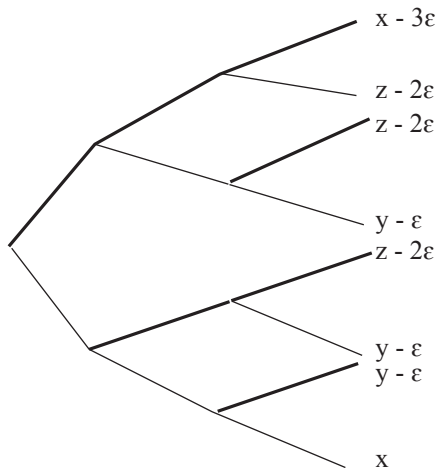

Рис. 2. Денежный насос с настойчивыми предложениями

Как и прежде, сделка и отказ от сделки представлены как перемещения вверх и вниз, соответственно. Если агент каждый раз отказывается торговать, он заканчивает с результатом x . Если он торгует только один раз (на любом этапе), он заканчивает с результатом $y - \varepsilon$. Если он торгует дважды, то получает $z - 2\varepsilon$. И, наконец, если он торгует три раза, он получает $x - 3\varepsilon$, т.е. возвращается к тому, с чего начал, минус дополнительные платежи. Толстые линии снова обозначают перемещения обратной индукции.

(i) Очевидно, в каждом конечном узле выбор, обратная индукция предписывает торговлю т.к. это предоставляет агенту его предпочтительную альтернатив, и он знает, что его выбор является последним: никаких других предложений торговли поступать не будет.

⁸ Очевидно, что это вариант той же самой идеи, которая использовалась Skyrms (1993) в его исследовании диахронических Голландских книг (см. предыдущий раздел).

(ii) Так как он прогнозирует, что будет торговать в каждом конечном узле, он должен также торговать в каждом предпоследнем узле. Для верхнего предпоследнего узла, он предсказывает, что торговля в этой точке будет, в конечном счете, вести к $x - 3\varepsilon$ в то время как отказ к $z - 2\varepsilon$, чему он предпочитает $x - 3\varepsilon$. Аналогично, для нижнего предпоследнего узла выбора он предсказывает, что торговля в этом узле будет, в конечном счете, вести к $z - 2\varepsilon$, в то время как отказ к $y - \varepsilon$, чему он предпочитает $z - 2\varepsilon$.

(iii) Учитывая, что он прогнозирует, что будет торговать в каждом узле после первого, он должен также торговать в первом узле. Торговля в этом узле будет, в конечном счете, вести к $x - 3\varepsilon$, в то время как отказ ведет к $z - 2\varepsilon$, чему он предпочитает $x - 3\varepsilon$.

Тогда мы заключаем, что в этом модифицированном денежном насосе искушённый агент с циклическими предпочтениями будет терять деньги: он будет торговать каждый раз, что приведет его в исходную точку минус дополнительные платежи. Причина, почему этот насос работает, очевидна. Эксплуататор, будучи настойчивым в своих предложениях, никогда не позволит агенту соскочить с крючка. Отказ от торговли на предыдущем этапе не завершает насос: вместо этого будет повторяться предложение торговли.

Несмотря на явное сходство, имеющееся с настойчивостью предложений, существует важное различие между этим денежным насосом и схемой эксплуатации Скимса (Skirms, 1993), которая была придумана для нарушителя принципа отражения. В схеме Скимса обратная индукция не требуется для разрешения проблемы принятия решения агента. Достаточно доминирования, как мы видели. Однако в денежном насосе, доминирующее мышление неприменимо т. к. выборы агента на ранних стадиях влияют на возможности, с которыми он встретится позже: В зависимости от того, торгует ли он на данном этапе или нет, ему будут предлагаться различные возможности торговли на следующем этапе.

Повторяющаяся торговля, если эксплуататор является настойчивым, является устойчивым результатом, который можно обобщить на насосы с произвольным числом этапов (доказательство см. Rabinowicz 2000). Такие насосы могут основываться на любом числе n базовых циклически повторяющихся альтернатив, x_1, \dots, x_n (в нашем примере $n = 3$), и они могут включать любое число k полных циклов (в нашем примере $k = 1$). Единственное дополни-

тельное предположение, которое необходимо для получения этого результата, состоит в том, что требуемый каждой сделкой небольшой платеж никогда не обращает предпочтение агента в отношении базовых циклических альтернатив, независимо от того, сколько таких платежей он уже сделал.

Как и в схемах в двух предыдущих разделах, агент с циклическими предпочтениями будет эксплуатироваться только потому, что его процесс принятия решений лишен унификации, в данном случае во времени: он принимает решение по каждому обмену отдельно, на этапе, когда обмен предлагается, вместо единственного выбора, касающегося всех трех этапов. Если он сделает последнее, тогда мы можем безопасно предположить, что он наверняка не решит принять все три обмена: простой подсчет покажет, что отказ от всех обменов даст ему тот же результат (x) без всяких дополнительных затрат.

Так как его предпочтения являются циклическими, то наше описание случая не определяет, какой конкретный результат выберет унифицированный агент в такой ситуации. Но эта цикличность в его парных предпочтениях не предполагает, что он не сможет сделать рациональный выбор, когда рассматривает все альтернативы вместе.

Вот как можно продумать эту проблему. Пусть C будет функция выбора, которая выбирает подмножество из множества альтернатив в данной области. Интуитивно, для любого такого множества альтернатив S , альтернативы в $C(S)$ будут такими альтернативами, которые агент считает заслуживающими выбора, когда сталкивается с S как множеством альтернатив для выбора. Мы позволяем $C(S)$ быть пустым для некоторых непустых подмножеств S в области. Парное предпочтение можно тогда анализировать в терминах C : альтернатива i предпочтительнее альтернативы j , если и только если $C\{i, j\} = \{i\}$. Аналогично, безразличие между i и j означает, что $C\{i, j\} = \{i, j\}$. Если $C\{i, j\}$ будет пустым, то существует пробел в распределении предпочтений агента при сравнении i и j .

Теперь рассмотрим множество S циклических альтернатив. Для любой альтернативы j в S , S содержит некоторое i , такое, что i предпочтительнее j . Однако, это согласуется с непустотой $C(S)$. В таком случае цикл в S можно назвать *доброкачественным*. В нашем примере, если цикл доброкачественный, мы можем предполо-

жить, что $x - 3\varepsilon$ будет среди отвергнутых альтернатив, т. е., не будет принадлежать $C(S)$. В то же время вполне может быть, что $x \in C(S)$. Если, с другой стороны, $C(S)$ будет пустым, то цикл называется *порочным*: в нем отсутствует возможность рационального выбора из множества циклических альтернатив.⁹

Различие между двумя типами цикличности – доброкачественной и порочно – будет важно, когда будет обсуждаться рациональность циклических предпочтений. Доброкачественная цикличность допускает рациональный выбор из цикла как целого. Но даже если циклические предпочтения искушенного агента являются доброкачественными, он, тем не менее, может быть подвергнут денежному насосу. Я упоминаю эту возможность т. к. Леви (Levi, 2006, pp. 375f) не принимает ее в рассмотрение. Согласно его мнению, нет необходимости обращаться к денежным насосам в критике циклических предпочтений. Такие предпочтения неприемлемы, по его мнению, потому что они делают безнадежным положение агента, когда дело доходит до выбора из целого множества циклически повторяющихся альтернатив:

Циклические предпочтения являются иррациональными именно потому, что X [который имеет такие предпочтения] не может выбрать рационально в некоторых проблемах выбора. Если X сталкивается с тремя вариантами выбора между x , y и z , X не сможет следовать политике выбора варианта, который является [...] оптимальным согласно некоторому допустимому ранжированию и, на самом деле, не сможет следовать слегка отличной политике выбора варианта, который является максимальным в том смысле, что никакой вариант не является для него строго предпочтительным. Я убежден этим аргументом, что от циклов необходимо уклоняться. Аргумент Рабиновича [= мой денежный насос с настойчивыми предложениями продаж] кажется значительно слабее.

Теперь должно быть понятно, почему эта критика цикличности является неубедительной. Хотя каждый вариант выбора в циклическом множестве предпочтительнее некоторыми из его соперников, вполне может оказаться, что рассматриваемый цикл будет доброкачественным. В этом случае выбор из всего множества не является проблематичным, в противоположность тому, что утверждает Леви.

⁹ По этому вопросу см. Rabinowicz (2000). Настоящее изложение слегка отличается от представленного в этой статье.

4. Критика Леви диахронических практически аргументов

В работе «Денежные насосы и диахронические Голландские книги» (2002), Леви рассматривает мой денежный насос с настойчивыми предложениями торговли и версию Скимса диахронной Голландской книги в отношении нарушителей принципа отражения. Он утверждает, что существует убедительное различие между этими схемами эксплуатации и синхронными Голландскими книгами. Различие имеет дело с диапазоном вариантов, которые доступны агенту. Действия агента, который эксплуатируется по синхронной схеме, *подчиняются некоторому варианту, имеющемуся в его распоряжении*. Он имеет возможность отказаться от всех сделок в книге, но вместо этого он принимает все. Он не может быть рациональным, если бы мог выбрать возможность, которая дала бы ему лучшие результаты при всех возможных обстоятельствах. Напротив, в диахронической схеме представьте агента в начальном узле выбора. Он «тогда не имеет контроля над тем, что выберет позже. [Он] может только предсказывать, что будет делать» (Levi 2002, p. 239). Следовательно, если он подвергается опасности денежного насоса с настойчивыми предложениями и заканчивает, делая три сделки, «[он] не выбирает [в любой точке] вариант, подчиненный другому, *доступному [ему] в качестве варианта выбора*» (там же, p. 241, выделено Леви). В частности, в начальном узле выбора отказ от торговли на любом из трех этапов не является вариантом, который находится в распоряжении агента. В связи с этим отсутствием доминирующего варианта его нельзя обвинить в иррациональности.

Разумеется, пишет Леви, денежный насос, такой как мой, показывает, что агент с циклическими предпочтениями может быть подвержен «налогу» за предпочтения такого вида. Дополнительные платежи, которым он подвергается, могут рассматриваться как такой налог. Но уязвимость для налога не является иррациональностью. Леви заключает:

Аргументы «денежного насоса» были созданы первоначально, чтобы показать, что люди, которые нарушают определенные правила рациональности, закончат выбором вариантов, которые подчинены другим доступным ему вариантам, также как в случае синхронных аргументов. Демонстрация того, что нарушение этих

правил является одним из образов, который в присутствии других предположений, делает человека уязвимым для налогов, не является заменой. Те, кто использует аргументы денежного насоса для защиты ацикличности предпочтения, не смогли показать, что принимающие решение лица, которые нарушают ацикличность, вынуждены выбирать доминирующие варианты (там же, р. 241f)».

Диагноз Леви версии Скимса диахронной Голландской книги, направленный против нарушителя принципа отражения, в точности аналогичен. Агент не контролирует своих будущих вариантов выбора; он может только предсказать, что он будет делать. Следовательно, он не может в момент t решить отклонить все предложения сделок, как сделанных в момент t , так и тех, которые он может получить в момент t' . Это означает, что его нельзя обвинить в выборе варианта, который подчинен некоторым другим вариантам, которые имеются в его распоряжении.

Согласно сценарию Скимса независимо от того, как X выбирает, X находится в худшем положении, чем X был в начальном положении. Если X имеет возможность остаться в начальной позиции, X должен это сделать [вместо того чтобы действовать, как он делает]. Но согласно предположению X не имеет такой возможности. ...Покупка [сделка на A обусловленная E] на начальном этапе не является подчиненной отказу купить ее на этом этапе. т. к. это две единственные возможности, то где же проблема? (там же, р. 247).

5. Мой ответ

Итак, где же проблема? Леви совершенно прав, что в моем денежном насосе и в диахронической схеме Скимса мы предположили, что агент на начальном этапе не может контролировать, что он будет делать в будущем. Как считает Скимс: «Решение не торговать вообще не является вариантом выбора» (Skyrms 1993, р. 323). Следовательно, образ действия агента не подчинен никакой из возможностей, которые находятся в его распоряжении. Он подчинен некоторой *последовательности* вариантов выбора, которые доступны агенту в различные моменты времени. Но последовательность как целое не является вариантом выбора для агента в любое время.

Однако, чтобы справиться с проблемой, поднятой Леви, можно просто модифицировать диахроническую схему, так чтобы поместить два вида аргументов, синхронического и диахронического вида, на одинаковые основания. Давайте предположим поэтому, что агент на начальной стадии *может* принять решение о всей временной последовательности своих действий, но фактически он не принимает решение о последовательности в целом, но лишь по одному: он принимает решение по различным предложениям сделок по отдельности, в то время, когда они делаются. Однако, если бы он рассматривал свою проблему принятия решений унифицированным образом, что он мог бы делать, то его предыдущее решение определяло бы его последующее поведение.

Таким образом, видимо, синхронная и диахронная схемы эксплуатации становятся аналогичными. В синхронном случае также предполагается, что агент использует принятие решений без унификации: он принимает решения по каждой сделке отдельно. (Иначе, как мы видели, никакой эксплуатации происходить не будет.) Но если он увидит ситуацию в унифицированном виде, он делает тогда единственный выбор, какие сделки принять, а от каких отказаться. Именно в этом смысле он имеет в своем распоряжении возможность отклонить все сделки, что определяет его фактическое поведение. Такая возможность ему доступна, т. к. он вычислил бы ее при размышлении как одну из альтернатив, если бы он был унифицирован, и ничто не мешает ему в этом. В этом смысле синхронная схема аналогична диахронной, после того как мы модифицировали последнюю, чтобы сделать две схемы сравнимыми.

Кто-то мог бы поспорить, что по-прежнему существует различие между синхронным и диахронным случаем. В диахронном случае, когда каждое предложение рассматривается отдельно, я предсказываю будущие варианты выбора, чтобы определить, что будет конечным результатом моего текущего выбора. В синхронном случае, однако, при рассмотрении отдельного предложения сделки я не делаю никаких предсказаний о решениях, которые принимаю о других предложениях в пакете. Пока каждое из этих других предложений находится у меня на рассмотрении, я не могу – видимо – относиться к ним в предсказательной режиме. По крайней мере, судя по одной интерпретации тезиса Леви, что обдумывание вытесняет предсказание, это и есть, я думаю, то, что

он хотел бы сказать¹⁰. Но затем отсутствие унификации в синхронном случае включает больше, чем просто принятие отдельного решения по каждому предложению сделки. Оно будет также, видимо, включать некоторую форму абстракции: при рассмотрении вопроса, принимать ли данную сделку, агент абстрагирует от своих решений по другим сделкам на столе.

Однако это потенциальное различие между диахронным и синхронным случаем не влияет на вопрос доступности доминирующего варианта выбора. Две схемы могут быть аналогичными в последнем отношении. В обеих доминирующий вариант выбора может быть доступен, не являясь альтернативой, которую рассматривает агент при своем (лишенном унификации) обдумывании. Если эта аналогия возможна, то Леви не имеет оснований для своего заявления, что синхронные прагматические аргументы имеют особенность, которая отсутствует в диахронических аргументах. Скорее, видимо, два вида аргументов находятся на одном и том же основании.

В синхронной схеме присутствие варианта отказа от всех сделок не делает, видимо, для агента иррациональным решение принять любую конкретную сделку, когда стоит вопрос о её принятии или отклонении. Он рассматривает этот вопрос без унификации, когда вариант полного отказа не фигурирует в качестве одной из альтернатив. То же самое применимо в диахронном случае. В диахронной схеме простое присутствие варианта отказа от всех предложений, текущих и будущих, не делает иррациональным для агента принятие любого конкретного предложения в последовательности эксплуатации, когда он рассматривает, принять ли это предложение или отклонить. Так как, снова, он рассматривает этот вопрос без унификации, и тогда вариант полного отказа не фигурирует как одна из альтернатив.

В своем недавнем комментарии Леви не согласился со мной по данному вопросу. Используя мой денежный насос с настойчивыми предложениями сделок в качестве примера, он говорит, что форма практического размышления без унификации должна быть иррациональной, если она не неизбежна.

¹⁰ Изложение и защиту этого тезиса см. Levi (1989), (1991), (1997). Критическое обсуждение см. Joyce (2002) и Rabinowicz (2002).

Возможный способ понять предложение Рабиновича состоит в том, что X имеет контроль в начальном узле над тем, какой из восьми путей $\downarrow \uparrow X$ выберет. [Здесь, «восемь путей» относится к восьми ветвям в дереве решений для рассматриваемого денежного насоса.] Но X обдумывает «без унификации», так что в каждом узле он обдумывает доступные там варианты «продавать-не продавать».

Если X отказывается рассматривать все варианты выбора, которые доступны X , согласно убеждениям и целям X , то размышления X являются иррациональными. На самом деле, это будет так, в независимости от того будут или нет нерассмотренные варианты выбора, которые подчинены выбранному из имеющихся вариантов. Такое отсутствие унификации необходимо избегать. Это так, будет ли X предложено множество сделок одновременно или предложена последовательность вариантов выбора, где X считает, что X контролирует путь, который X выберет (Levi 2006, p. 376).

Точка зрения Леви тогда состоит в том, что любое размышление, которое игнорирует некоторые из доступных агенту вариантов выбора, является, в силу самого факта, иррациональным. Так как размышление без унификации обладает этим свойством (т. к. оно игнорирует варианты выбора «целиком»), то оно всегда иррационально, в независимости от того, будут или нет проигнорированные варианты выбора, которые подчинены выбранному варианту, и будет или нет схема принятия решений диахронической или синхронической.

Если Леви прав, практические аргументы для различных требований относительно убеждений и желаний агента будут все казаться непродуманными. Мы видели, что такие аргументы заранее предполагают не только, что агент нарушает уместные требования на свои убеждения и предпочтения, но также, что он делает свои решения без унификации. Но тогда, если *само* отсутствие унификации оказывается формой иррациональности, заставляя агента игнорировать некоторые из доступных вариантов выбора, аргументы теряют свою силу. Они не предоставляют никаких причин в поддержку уместных требований. Вместо этого вся ответственность падает на отсутствие унификации как таковое. Отметим также, что, если Леви прав в том, что он теперь предлагает, то синхрон-

ные и диахронные аргументы снова будут поставлены на равные основания. Не будет никакой причины предполагать, что первые являются более непреодолимыми, чем последние.

Но прав ли Леви? Всегда ли нерационально игнорировать некоторые доступные варианты выбора? Я сомневаюсь в этом. Одно дело – требовать, чтобы рассмотренные альтернативы были *совместно исчерпывающими* в том смысле, что агент выберет одну из них в каждом возможном ходе событий. Совершенно другим является требование того, что агент должен рассмотреть каждую доступную альтернативу. Когда я обдумываю без унификации, принять ли определенную возможность или нет, то рассматриваемые альтернативы являются совместно исчерпывающими, несмотря на то, что я игнорирую более широкие варианты выбора, которые затрагивают целые пакеты возможностей. Это, как мне кажется, касается всех нас в большинстве случаев. Практически в каждой ситуации выбора альтернативы, которые фигурируют в нашем размышлении, допускают версии и расширения, которые мы игнорируем. Каким бы подробным ни было наше размышление, почти всегда имеется место для дополнительных деталей и уточнений. Поэтому Леви требует слишком много.

Пришло время подвести итог основных положений этой статьи. Как упоминалось во введении в статью, я не думаю, что практические аргументы любого вида могут оправдывать неотъемлемую рациональность требований к состояниям ума агента. Вместо этого их перспектива относительно нарушения требований является чисто инструментальной: их настоящая функция состоит в идентификации условий, которым агент должен подчиниться, если хочет использовать принятие решений без унификации. В терминологии Леви это просто вопрос «уклонения от налога». Практические аргументы идентифицируют требования, которым необходимо удовлетворять, чтобы избежать налогов, наложенных на отсутствие унификации. Я разделяю точку зрения Леви, что неразумно избегать налогов любой ценой, особенно если мы имеем дело с требованиями, которые не кажутся по сути убедительными. (Принцип отражения, очевидно, является тому примером.) В связи с этим синхронные и диахронные практические аргументы находятся в равных условиях. Однако, при том что синхронную унификацию получить значительно легче, чем диахронную, диахронные аргументы предоставляют нам более

сильные инструментальные причины для согласия. Существует некоторая ирония в этом заключении. Классические и наиболее влиятельные практические аргументы – синхронные Голландские книги – являются значительно менее привлекательными, чем их более молодые диахронные родственники.

Библиография

Aumann, R., 1995, “Backward Induction and Common Knowledge of Rationality”, *Games and Economic Behavior* 18: 6-19.

Aumann, R., 1998, “A Note on the Centipede Game”, *Games and Economic Behavior* 23: 97 – 105.

Bar-Hillel, M., and Margalit, A., 1988, “How Vicious are Cycles of Intransitive Choice?”, *Theory and Decision* 24: 119-145.

Bicchieri, C., 1989, “Backward Induction with Common Knowledge”, *Proceedings of the Philosophy of Science Association* 2: 329-243.

Binmore, K., 1987, “Modelling Rational Players: Part 1”, *Economics and Philosophy* 3: 179-213.

Broome, J., and Rabinowicz, W., 1999, “Backwards Induction in the Centipede”, *Analysis* 59 : 237-242.

Christensen, D., 1991, “Clever Bookies and Coherent Beliefs”, *The Philosophical Review* 50: 229-247.

Davidson, D., McKinsey, J.C.C., Suppes, P., 1955, “Outlines of a Formal Theory of Value, Part I”, *Philosophy of Science* 22: 140-160.

Joyce, J. M., 2002, “Levi on Causal decision Theory and the Possibility of Predicting One’s Own Actions”, *Philosophical Studies* 110: 69-102.

Levi, I., 1988, “The Demons of Decision”, *The Monist* 70: 193-211.

Levi, I., 1989, “Rationality, Prediction, and Autonomous Choice”, *Canadian Journal of Philosophy* suppl.vol. 19: 339-63.

Levi, I., 1991, “Consequentialism and Sequential Choice”, in M. Bacharach and S.Hurley (eds.), *Foundations of Decision Theory*, Oxford, Blackwell: 92-122.

Levi, I., 1997, *The Covenant of Reason*, Cambridge, Cambridge University Press.

Levi, I., 2002, “Money Pumps and Diachronic Dutch Books”, *Philosophy of Science*, suppl. to vol. 69: s235-s247.

Levi, I., 2006, “How Adaptive Should Our Rational Preferences Be? Reply to Rabinowicz”, in Erik J. Olsson (ed.), *Knowledge and Inquiry: Essays on the Pragmatism of Isaac Levi*, Cambridge, Cambridge University Press: 375-78.

Maher, P., 1992, “Diachronic Rationality”, *Philosophy of Science* 59: 120-141.

McClennen, E., 1990, *Rationality and Dynamic Choice*, Cambridge, Cambridge University Press.

Pettit, P., and Sugden, R., 1989, "The Backward Induction Paradox", *Journal of Philosophy* 86: 169-182.

Rabinowicz, W., 1995, "To Have One's Cake and Eat It, Too: Sequential Choice and Expected Utility Violations", *The Journal of Philosophy* 92: 586-620.

Rabinowicz, W., 1998, "Grappling with the Centipede", *Economics and Philosophy* 14: 95-125.

Rabinowicz, W., 2000, "Money Pump with Foresight", in Michael J. Almeida (ed.), *Imperceptible Harms and Benefits*, Dordrecht, Kluwer: 123-154.

Rabinowicz, W., 2002, "Does Practical Deliberation Crowd Out Self-Prediction?", *Erkenntnis* 57: 91-122.

Rabinowicz, W., 2006, "Levi on Money Pumps and Diachronic Dutch-Book Arguments", in Erik J. Olsson (ed.), *Knowledge and Inquiry: Essays on the Pragmatism of Isaac Levi*, Cambridge, Cambridge University Press: 289 - 312.

Rabinowicz, W., 2008, "Pragmatic Arguments for Rationality Constraints", in M.-C. Galavotti, R. Scazzieri and P. Suppes (eds), *Reasoning, Rationality and Probability*, Stanford, CSLI Publications/The University of Chicago Press 2008: 139-63.

Raiffa, H., 1968, *Decision Analysis: Introductory Lectures on Choice under Uncertainty*. Reading, Mass., Addison-Wesley.

Ramsey, F. P., 1990 (1926), "Truth and Probability", in D. H. Mellor, ed. *F. P. Ramsey: Philosophical Papers*, Cambridge, Cambridge University Press.

Reny, P., 1988, *Rationality, Common Knowledge and the Theory of Games*. PhD thesis, Princeton University.

Reny, P., 1989, "Common Knowledge and Games with Perfect Information" *Proceedings of the Philosophy of Science Association* 2: 363-369.

Schick, F., 1989, "Dutch Bookies and Money Pumps" *The Journal of Philosophy* 83: 112--119.

Schwartz, T., 1986, *The Logic of Collective Choice*, New York, Columbia University Press.

Skyrms, B., 1980, "Higher Order Degrees of Belief", in D. H. Mellor, *Prospects for Pragmatism*, Cambridge, Cambridge University Press: 109-138.

Skyrms, B., 1993, "A Mistake in Dynamic Coherence Arguments?", *Philosophy of Science* 60: 320-328.

Sobel, J. H., 1993, "Backward Induction Arguments In Finitely Iterated Prisoners' Dilemmas: A Paradox Regained", *Philosophy of Science* 60: 114-33.

Teller, P., 1973, "Conditionalization and Observation", *Synthese* 26: 218-238.

Van Fraassen, B., 1984, "Belief and the Will", *The Journal of Philosophy* 81: 235-256.

Перевод с англ. к.ф.н. Е.О. Труфановой

Мораль как предел рациональности

При рассмотрении обозначенной темы существенное значение имеет различие и взаимодействие между разумом в его теоретическом и практическом аспекте. С этого и начну.

1

Для того, чтобы придать наглядность познающему разуму, обычно используется образ света. Как свет, распространяясь от своего источника, выделяет освещаемое пространство и тем самым отделяет себя от тьмы, так и познающий разум, схватывая мир в качестве своего предмета, одновременно ограничивает его, отделяет известное от неизвестного, отчленяет в конечном счёте истину от заблуждения. Это означает, что разум сам обозначает и определяет свои пределы и они, эти пределы, ограничены только возможностями самого разума, только знанием, которое он производит. Если бы разум был единственной способностью человека, то вопрос о его пределах, возможно, не вставал бы вовсе или, по крайней мере, не заключал бы в себе внутреннего драматизма. Он оставался бы сугубо эпистемологической задачей. Для самого разума вопрос о его пределах и возможностях решается также легко и естественно, как, например, для Солнца вопрос о силе его сияния. Данный вопрос обостряется и становится задачей постольку, поскольку нет возможности оставаться в пределах самого разума.

Такой возможности нет не потому, что разум наталкивается на нечто непроницаемое для него, типа тёмной материи современных астрономов. Её нет в силу того, что человек – существо не только разумное, но ещё и живое. Более того, он является прежде всего и в первую очередь живым существом, а потом уже, во вторую очередь, разумным. Он разумен именно в качестве живого существа. Такова, на мой взгляд, основная причина, в силу которой вопрос о пределах разума превращается в проблему и приобретает драматический характер.

Жизненная активность в человеке протекает в форме целесообразной деятельности. Это означает, что она имеет осознанный характер, её непременным, обязательным элементом является разум. Человек не только действует, но и осознаёт, что он действует, стремится дать себе отчёт о причинах, в силу которых он действует так, как он действует. Прежде чем действовать и для того, чтобы действовать, он принимает решение о действии. Именно решением и через решение разум подключается к жизненному процессу. И оно, решение о действии, становится пределом разума в его практическом применении. Если знание, характеризующее теоретическое применение разума, считать его верхним пределом, то решение, обозначающее включение знаний в жизненный процесс, практику, является его нижним пределом. Здесь, в данном пункте, на стадии решения о действии и в процессе этого решения разум встречается с иррациональными силами и отделяется от них. «Решение одним и тем же жестом связывает и разделяет разум и безумие» (М.Фуко). Разум – не единственный источник активности человека, наряду с ним существует другой источник, человеческая биология, внутри себя дифференцированная, но единая в том отношении, что она отличается от разума и действует стихийно, со слепой настойчивостью, не выходя за рамки самого действия. В отличие от теоретического применения, от познания, где пределы разума определяются им самим, в практическом применении они задаются также извне и, как пишет Даррида, «силы безумия» неусыпно бдят вокруг *coгito*. Возникает вопрос: какова роль разума в реальном жизненном процессе человека?

Речь идёт не о пропорции, не о количественном соотношении разумного (осознанного) начала и иррациональных (внерациональных) импульсов, ибо совершенно очевидно, что за исклю-

чением физиологических процессов организма, протекающих в автоматическом режиме, вся деятельность человека, в том числе и та, которая делает возможным поддержание самой физиологии, имеет осознанный характер, реализуется через санкционированные разумом решения. Биология человека действует через когнитологию. В количественном смысле участие разума в жизненном процессе человека является таким же полным (сто процентным) как и его внерациональных основ; сознания здесь столько же, сколько и живой материи. Проблемой является качественная роль сознания, разума. Человек, у которого отключён разум, просто не может существовать, а если разум повреждён в такой степени, что не способен принимать решения и индивид не сознает возможных последствий своих действий, то он лишается необходимого видового признака и не может самостоятельно функционировать в человеческом сообществе. Вопрос, следовательно, состоит в следующем: выполняет ли разум лишь вспомогательную роль, состоящую в том, что он только опосредует жизненный процесс, пропуская через голову то, что в случае других живых существ реализуется непосредственно, через врождённые способности, или он призван управлять жизнедеятельностью в соответствии со своими суждениями, направлять её к целям, которые он, разум, находит наилучшими? Проблемой является иерархия рациональных и иррациональных аспектов. Находится ли *cogito* на службе биологии, как она представлена в индивиде, или ведёт свою собственную игру, стремясь подчинить её себе?

Если бы разум только опосредовал жизнедеятельность человека и его роль ограничивалась опережающим отражением и простым расчётом возможных следствий, то он был бы просто одной из природных способностей, отличающих человека от других живых существ не больше, чем последние отличаются друг от друга: разум был бы таким же приспособительным свойством человека, каким являются панцирь черепахи или длинная шея жирафа. Правда, как заметил ещё Кант, в этом случае оставалось бы непонятным, зачем природе понадобился разум, ибо она могла достичь своих целей через инстинктивные механизмы – путём привычным и более надёжным. Разум – больше, чем приспособительный механизм, обеспечивающий самосохранение человека как биологического вида, хотя, разумеется, он и выполняет эту функцию. Он

представляет собой или, по крайней мере, претендует на то, чтобы считаться высшей способностью человека, которая призвана подчинить себе и преобразовать все другие способности. Его назначение состоит в том, чтобы придать бытию человека иной – надприродный, сверхприродный – смысл и саму эволюцию природы перевести из стихийной формы в сознательную. Практическое применение разума связано с теоретическим, и его роль в принятии решения заключается в том, чтобы оно было принято на основе правильного суждения и ориентировано на такую цель, которая в совокупности возможных целей является наилучшей. Речь идёт о том, чтобы сама цель соответствовала гносеологическим критериям – была несомненной в своей истинности, безусловно истинной.

Фундаментальный принцип разума, обосновывающий одновременно его верховную роль в жизнедеятельности человека, – это принцип единства истины и блага. Истина является основой и движущей силой познания, благо является основой и движущей силой деятельности. Участие разума в принятии решения, в конечном счете, предназначено для того, чтобы реализовать принцип единства истины и блага, перевести истину во благо и направить деятельность на истинное благо. Его задача – говорить индивиду, что и как делать, чтобы его действия были осмысленными, вели по пути к истинному благу. Разумные действия – осмысленные действия. Гераклит связывал истину бытия с огненным логосом и потому, когда заболел водянкой, решил обмазать себя тёплым навозом. Сократ считал, что лучше испытать несправедливость, чем совершить её, и потому предпочёл принять законно предписанный ему яд, чем спасти жизнь незаконным бегством. Эпикур понимал истинное благо как атараксию и потому старался избегать страданий и, в целом, жить незаметно.

2

Проблема заключается в том, чтобы практическое применение разума было продолжением и выражением его теоретического применения и чтобы решения применялись на основе знания, в соответствии с адекватно сформулированными целями, и тем самым самому жизненному процессу в человеке был придан раз-

умный смысл Проблематизированная таким образом роль разума в деятельности разворачивается в подлинную драму человеческого существования.

Первый акт этой драмы состоит в том, что завязывается конфликт между инструментальным использованием разума в качестве расчётного механизма, призванного обслуживать витальные потребности и интересы индивида, и его ролью как смысловой основы деятельности. Конфликт этот неизбежен и неустраним. т. к. желания и интересы индивида реализуются через посредство разума, то они стремятся использовать разум в своих целях, как если бы человеческие желания и интересы отличались от желаний и интересов животных только тем, что они осознаны. Поэтому разум как высшая инстанция, которая придаёт смысл человеческой жизнедеятельности, является одновременно обуздывающей инстанцией по отношению к желаниям и интересам, выполняет роль возницы, если воспользоваться известным образом Платона.

Греческие софисты первыми усмотрели отличие человеческой формы бытия от природных процессов в том, что она имеет осознанный и в силу этого произвольный характер, зависит от обдуманного выбора, решения самих действующих индивидов. И они же первыми использовали эту особенность для извлечения выгоды, обучая других тому, как можно с выгодой пользоваться искусством рассуждения. Позиция софистов встретила возражения со стороны Сократа, который полагал, что подлинная выгода, заключенная в разумном характере человеческой деятельности, состоит в том, чтобы строить её разумно – на основе познания объективного смысла этой деятельности. По мнению Сократа, добродетель состоит не в том, чтобы выгадывать, а выгода состоит в том, чтобы быть добродетельным. Так завязался спор между платными учителями добродетели и бескорыстными искателями истинной добродетели – спор, который с тех пор многократно видоизменялся, конкретизировался, но никогда не прекращался и дошёл до наших дней. Разве трудно усмотреть генетическую связь с тем давним спором современных альтернатив, таких как расточительное потребительство и экологически сдержанный образ жизни, прикладное знание и фундаментальная наука, так называемый «болонский процесс» и классическое образование?!

У познания и деятельности – разные хронотопы и разные масштабы. Это является ещё одной причиной неизбежного и неустрашимого конфликта между теоретическим применением разума, ориентированном на познание истины, и его практическим применением, связанным с осознанным принятием решения. Познание истины не ограничено ничем, кроме успехов в самом познании, оно не привязано жестко к предмету познания, ибо может само конструировать его, иметь дело с абстрактными объектами, оно может длиться бесконечно долго: существуют математические задачи, которые ждут своего решения столетиями и могут ждать ещё неограниченное время. Сказанное относится не только к естественному научному познанию, но и к познанию человека и, прежде всего, к познанию человека, споры о природе и предназначении которого тянутся тысячелетиями. Что касается практического применения разума, то оно определяется не наличием качественных знаний, которые могут быть интегрированы в процесс принятия решения, а непрерывностью жизненного процесса в индивиде, который протекает в жёстко заданных пространственных и временных координатах. Суждения разума включаются в процесс принятия решения так, как если бы они были правильными, независимо от того, являются ли они таковыми по эпистемологическим критериям или нет. Говоря по-другому, какое-то из суждений разума по вопросу, составляющему предмет решения, непременно должно быть признано правильным, даже если ни одному из них нельзя отдать предпочтение по степени вероятности. Практическое применение разума является безотлагательным, оно ориентируется не на истину, а на цель деятельности. Это – та самая особенность, в силу которой Декарт был вынужден принять для себя временные правила морали, пока он не выведет истинные¹. Практическое применение разума, будучи относительно автономным от степени его истинности, оказывает обратное (как правило, сдерживающее, искажающее) воздействие на его теоретическое применение, поскольку и то, и другое суть два аспекта одного и того же живого разумного существа. Это хорошо видно на примере того же Декарта, который, разделяя мнение Галилея о движении Земли, тем не менее, руководствуясь своим временным правилом морали «повиноваться законам и обычаям своей страны», сделал для себя вывод не настаивать на истинности своих мнений «наперекор авторитету церкви». Су-

существенно важно подчеркнуть, что решимость в осуществлении сделанного выбора не зависит прямо от степени его истинности. Если здесь и существует зависимость, то она скорее обратная. Как свидетельствует опыт, люди, придерживающиеся ложных и даже просто плохо продуманных воззрений, бывают более настойчивы в их отстаивании, словно желая твёрдостью воли компенсировать интеллектуальную ущербность своей позиции.

Конечно, практический разум и теоретический разум, будучи двумя аспектами одного и того же живого существа, связаны между собой. Более того, они связаны между собой таким образом, что одно невозможно без другого. Утверждение Фауста о том, что вначале было дело, можно было бы отвергнуть на том же основании, что дело не могло быть в начале, т. к. оно прежде должно было быть задумано, запечатлено в слове. Слово и дело закольцованы между собой, они опережают друг друга. И тем не менее слово и дело, рациональность как она обнаруживает себя в познании и рациональность как она обнаруживает себя в деятельности различаются между собой качественно, существенно. Они едины именно в этих различиях, взаимно отрицающих переходах.

Основой и фокусом познания является истина. Основой и фокусом деятельности является цель. Истина говорит о том, что существует. Цель говорит о том, что ещё будет. Истина объективна. Цель субъективна. Истина общезначима. Цель произвольна. Истину открывают. Цель избирают. Истину отражают. Цель проектируют. Познание и деятельность противоположно направлены, но у них есть точка схождения, перехода. Такой точкой является решение, которое уже не познание, но ещё не цель.

Пределом разума в его практическом применении является разумность самой практики, воплощённая прежде всего в её целях. При рассмотрении целей человеческой деятельности, определении меры их разумности, решающим является вопрос о высшей, последней цели, которая является точкой отсчета, фокусом и критерием для всех остальных целей. Это – уже предметная область этики, для которой вопрос о высшем благе или добре, был и остаётся самым главным. Тем самым можно сказать, что одним из пределов рациональности является этика.

Для понимания того, как этика связана с гносеологией, как знание о мире трансформируется в решение о деятельности, важное значение имеет принцип единства истины и добра. Принцип этот важен как для гносеологии, так и для этики.

Оппозиция истины и заблуждения не является сугубо эпистемологическим фактом. Она несет на себе несомненную аксиологическую нагрузку. Истина не просто говорит о том, что есть, что оно есть, и о том, чего нет, что его нет. А заблуждение – наоборот: о том, что есть, что его нет, и о том, чего нет, что оно есть. Русский философ Лев Шестов², подчеркивая ущербность этически нейтральной гносеологии, возмущался тем, что для неё нет разницы между смертью Сократа и смертью бешеной собаки, что то и другое являются для неё равно несомненными утверждениями. Человек, считал Шестов, не может быть скован безличной истиной, и истина не может быть пределом человеческих стремлений. Шестов был прав в своей критике этически нейтральной гносеологии. Но был ли он прав, полагая, что европейская гносеология в своём мейнстриме является этически нейтральной? На самом деле она всегда исходила из того, что истина – это хорошо, а заблуждение – это плохо. Она всегда считала, что к тому, что является истиной, следует стремиться, а того, что является заблуждением, следует избегать. При таком понимании познание становится одновременно поиском того, что достойно избрания. Аксиологическая основа европейской гносеологии обнаруживается в том, что она всегда озабочена вопросом об истине истин, об абсолютной истине, которая является абсолютной не только в смысле неизменности, равенства самой себе, но и с точки зрения человеческого стремления к ней, которая может стать надежной точкой для ориентации в мире. Философы, ища истину, искали одновременно умное место, в котором она обитает и в котором поэтому не убивают праведников. Гносеологические поиски всегда вдохновлялись моральным пафосом. Достаточно сослаться на два показательных эпизода из истории философии. В поэме Парменида границу между вечным царством истины и изменчивым миром мнений обозначает богиня Правды, и делает она это в назидательной речи, обращенной к юноше, который озабочен вопросом о достойной жизни. Знамени-

тый тезис «мыслить и быть – одно и то же» – это и истина, и божественный путь. Не менее знаменитое положение Декарта «*Cogito ergo sum*» также было связано с его нравственными поисками; оно явилось следствием его решения «изучить самого себя», чтобы, как он пишет, «выбрать путь, которым я должен следовать»³. Словом, программой философской гносеологии была не просто истина, а, если можно так выразиться, истинная истина – истина, которая оборачивается для человека благом, становится благом, будучи избранной в качестве цели практической деятельности. Так выглядит принцип единства истины и добра, рассмотренный с точки зрения гносеологии.

В этике акценты меняются. Если в гносеологии идет поиск истины, которая является благом, то в этике идёт поиск блага, которое является истинным. Человеческая деятельность нарастающе многообразна. Соответственно многообразны цели, которые люди преследуют. Как в природе ничего не происходит без причины, так в человеческой практике ничего не происходит без цели. И как причины сцепляются между собой, образуя закономерные целостности, так и цели стянуты в упорядоченные цепи. Мир целей организован таким образом, что он предполагает наличие последней цели. С этого положения, которым открывается «Никомахова этика» Аристотеля, собственно и начинается этика как наука. Аристотель рассуждает так: разные цели связаны между собой таким образом, что менее общие и важные цели подчиняются более общим и важным. То, что является целью, затем становится средством по отношению к другой цели, та, в свою очередь, оказывается средством по отношению к другой цели и т. д. В результате складывается иерархия целей, которая должна закончиться последней целью, ибо в противном случае образуется дурная бесконечность и не может быть запущен механизм целесообразной деятельности. Последняя цель характеризуется тем, что она является целью как таковой и никогда не может быть низведена до уровня средства. По отношению к ней уже не возможен вопрос «для чего». Не она для чего-то, а напротив, все остальные цели – для неё. Она представляет собой цель целей, составляет конечную и всеобщую основу всех прочих целей. Последняя цель есть высшее благо, добро, то наилучшее, на что, в конечном счете, направлена человеческая деятельность. Высшее благо в качестве предмета этики претенду-

ет на то, чтобы быть истинным благом. Оно характеризуется теми же признаками абсолютности, безусловности, несомненности, ясности, самоочевидности, которыми описывается и истина истингносеологии, составляющая основу познавательного образа мира.

Этика поэтому считается практической философией: она в сфере деятельности выполняет функцию, аналогичную той, которую теоретическая философия выполняет в области познания. Если теоретическая философия ищет истину, которая была бы добром, то практическая философия ищет добро, которое было бы истинным, понимая под этим добро в абсолютном, несомненном, безусловном значении данного понятия.

Идея высшего блага как абсолютного добра, завершенности всех желаний, той сверхцели, которая маячит за всеми прочими целями и придаёт им субъектное единство, делая их целями данного субъекта, не является выдумкой философов. Она выражает логику самой нравственности, её место в сознании личности и общества. Как бы ни разнообразилось конкретное наполнение нравственных понятий (добра, совести, справедливости и других) в разные эпохи и в разных культурах, они имеют между собой то общее, что рассматривается как высшая санкция человеческой легитимности действий. Нравственная квалификация действий – это их последний суд. Последний суд и в глазах тех, кто совершает действия, и в глазах окружающих. Поэтому, между прочим, зло всегда облекается в личину добра, и ещё не было на земле насильников, которые не боролись бы за справедливость, достоинство, веру. И по этой же причине не нашлось таких радикальных критиков морали, которые, отрицая её, не скатились бы сами на моральные позиции. Именно эта особенность нравственности, её абсолютистские притязания, доставляют этике наибольшие трудности. Ибо речь идет не просто о том, чтобы трансформировать знания в цели и включить их в решение, а о том, чтобы найти такие знания и трансформировать их в такие цели, которые имели бы абсолютный смысл, стали основополагающими для целесообразной деятельности как таковой. Невозможность устраниваться от этой задачи и её невероятная сложность в значительной степени объясняют оппортунизм европейской этики, которая постоянно пыталась убежать от самой себя. Многие столетия она пыталась спрятаться за теологию. В Новое время она стремилась

найти прибежище в науке, чаще всего в биологии, в социальном активизме, а то, случалось, и вовсе склонялась к суициду. Но лучшие её страницы связаны со стремлением дать адекватный и прямой ответ на вызов нравственности, найти рациональное объяснение её абсолютистских притязаний, а не интерпретировать их как иллюзию, обман и т. д. Я попытаюсь остановиться на нескольких, с моей точки зрения, наиболее важных её страницах.

4

Первая из них, как уже упоминалось, связана с именем Аристотеля.

Аристотель получил в наследство этический рационализм Сократа, согласно которому добродетель есть знание. Сократ рассуждал так: все люди стремятся к добродетели, хотят быть добродетельными, ибо добродетель, по общему признанию, представляет собой наилучшее для человека. И если, тем не менее, они таковыми не являются, то только потому, что не знают, в чём заключается добродетель, и следуют ложным суждениям. Они не могут сделать правильный выбор, потому что не знают, какой выбор является правильным. И Сократ наметил в качестве философской перспективы познание добродетели. Аристотель выдвинул против Сократа два возражения. Во-первых, добродетель не есть исключительно род знания, в ней имеется также иррациональная составляющая⁴. Будучи качеством души, она возникает на стыке и в процессе взаимодействия обеих её частей: разумной и неразумной. Добродетель представляет собой такое качество взаимодействия этих частей, когда разум господствует, а неразумная часть следует её указаниям, подобно тому, как сын слушает отца. Во-вторых, и это, пожалуй, ещё более важный момент, если бы даже добродетель была автономна от неразумных оснований души, то её познание само по себе не могло бы сделать людей нравственно добродетельными⁵. В этике, согласно Аристотелю, нас интересует не что такое добродетель вообще, а что такое добродетель в каждом конкретном случае. Этика имеет дело не с понятиями, а с поступками. Её основная проблема – не что такое добродетель, а как стать добродетельным.

Аристотель, разумеется, не ставит под сомнение задачу познания добродетели. Значительная часть его этического исследования посвящена как раз ответу на вопрос о том, что такое нравственная добродетель. Однако особенность доступного нам знания в данном случае состоит в том, что оно обозначает истину «приблизительно и в общих чертах» (EN. 1094в) и само по себе не может гарантировать совершение добродетельных поступков. Более того, определения добродетели фиксируют их неопределенность. Так, характеризуя добродетель как середину между двумя порочными крайностями, Аристотель подчеркивает, что она является разной для разных добродетелей и разной для разных индивидов. И нахождение середины в каждом случае – это особое искусство и индивидуальный акт⁶. Далее, другим важным признаком добродетельных поступков является их намеренный характер, заключающийся в том, что индивид руководствуется правильными суждениями. А это, в свою очередь, зависит от неразумной части души, от того, противостоят ли аффекты голосу разума или нет⁷.

Цель этики, согласно Аристотелю, – «не познание, а поступки» (EN. 1095а). Соответственно, добродетель – не совокупность знаний, а определенный устой, навык, привычное состояние души, складывающееся в результате и в процессе совершения добродетельных поступков. Про добродетельные же поступки мы не можем сказать ничего более, кроме того, что это совершенные поступки, ценные сами по себе и совершаемые исключительно в силу того, что они добродетельны. Не существует каких-то общих, объективно удостоверяемых признаков, по наличию или отсутствию которых можно было бы сортировать поступки на добродетельные или порочные. Поступки всегда индивидуальны, т. к. совершаются в конкретных обстоятельствах и являются поступками конкретных индивидов. В поступках нет установленных правил. Мерой и правилом здесь является сам добродетельный человек. В итоге Аристотель приходит к выводу, что добродетельными являются поступки, которые совершает добродетельный человек. А добродетельным человеком является тот, кто совершает добродетельные поступки⁸.

Когда Аристотель говорит, что цель этики – «не познание, а поступки», то он, на мой взгляд, имеет в виду, что в отличии от познания добродетель не отражает реальность, а создаёт, совершен-

ствуется её. Она связана не со знаниями, которые говорят о том, что собой представляет мир, а с идеалом, который говорит о том, каким человек хочет его сделать. Добродетельные поступки, конечно, сопряжены со знаниями, которые необходимы, чтобы рассчитать их ход и возможные следствия. Но не они определяют их добродетельность. Последняя зависит от присущего индивиду сознания ценности добродетельного поведения, его глубинной установки на то, чтобы быть добродетельным. Например, мужество может состоять в том, чтобы перед лицом опасности твёрдо стоять на своём месте. Иногда же, наоборот, мужество сопряжено с отступлением. Как же узнать, когда надо стоять на месте, а когда надо отходить, маневрировать? Для этого требуется, конечно, анализ конкретной ситуации, но не только. Ведь стоять твёрдо на месте можно в силу природной ярости. Маневрировать можно в силу опыта. Ни тот, ни другой способ действия нельзя назвать мужественным поступком, хотя в операционном смысле, по внешнему рисунку они с ним совпадают. Для этого им не хватает соответствующего намерения. Мужество предполагает, что человек стоит на месте, если надо стоять, отходит, если надо отходить, по той причине, что он действует безбоязненно, в силу сознания того, что быть мужественным само по себе нравственно прекрасно.

Итак, этика имеет дело с добродетельными поступками. Поступки – это последняя данность, до которой доходит разум на пути движения к частному. Они представляют собой другую крайность по сравнению с первыми определениями, до которых доходит разум на пути к общему. Добродетельность поступков постигается уже чувством, но не обычным чувством, которым постигаются чувственные предметы, а особым чувством последних данностей⁹. Это чувство Аристотель тоже называет умом¹⁰. Это можно понять так, что, согласно Аристотелю, добродетельные поступки являются тем последним точечным пределом, до которого доходит разум в его практическом аспекте.

В строгом смысле слова Аристотель говорит не о добродетельных поступках, а о добродетельности поступков. У него нет особого класса добродетельных поступков, как, например, дела милосердия у христианских моралистов. Добродетельность – определённая характеристика качества всех поступков. Добродетели и пороки имеют дело с одной и той же предметной средой, отлича-

ясь между собой лишь качеством овладения его: пороки представляют собой нарушение меры, недостаток или избыток в страстях и поступках, добродетель – совершенную середину. То, что определяет материю поступка, его успешность, и то, что определяет добродетельность поступка, отличаются между собой: «назначение (человека) выполняется благодаря рассудительности и нравственной добродетели; ведь добродетель делает правильной цель, а рассудительность (делает правильным) средства для её достижения» (EN.1144a)¹¹. И успешность поступка, его технические характеристики и нравственные качества поступка зависят от того, кто совершает поступок, но в разных отношениях и в разной степени: первое зависит от его знаний, изворотливости, везенья, второе – от добродетельного склада его души. И если успешность поступка имеет объективную основу и может быть внешне удостоверена, то добродетельность поступка порождается и удостоверяется самим субъектом. Аристотель в связи с этим говорил даже об «оке души». «Силлогизмы, имеющие своим предметом поступки, включают исходный принцип: “поскольку такая-то цель и есть наилучшее...”, но что есть (наилучшее), никому, кроме добродетельного, не видно...» (EN.1144a)¹².

5

Следующая страница связана с именем Канта, который предложил принципиально другое по сравнению с Аристотелем понимание нравственности. Поступок как разумный акт может быть описан с помощью силлогизма, где общей посылкой является его основоположение (принцип), частной посылкой – особые обстоятельства, в которых он совершается, выводом – решение, или сам поступок в узком смысле слова. Аристотель считал самым существенным в поступке особенные, частные обстоятельства; он даёт их описание, выделяя тем самым отдельные добродетели. Его этика пытается охватить поступки в максимальной возможной для неё конкретности. Кант же связывает нравственность не с особенной природой поступка, а с его общим основоположением. Моральная ценность поступка, считает он, зависит только от принципа воления.

Далее, если для Аристотеля добродетельность поступков реализуется через их конкретные предметно-обусловленные цели, а моральные мотивы – лишь совершенная форма состояния души, то для Канта моральные измерения поступков и их материя, этика и психология полностью разведены между собой. Они питаются из совершенно разных источников. Критикуя эвдемонизм за то, что он сводит побудительные причины добродетелей и пороков к одному разряду, он противопоставляет моральный мотив всем прочим мотивам и соответственно разводит добродетели и пороки по разным предметным сферам.

Средоточием нравственности по Канту является нравственный закон, который от всех прочих законов отличается тем, что обладает абсолютной необходимостью и в этом смысле является законом как таковым, воплощает саму идею закона, состоящую в его всеобщности. И этот закон состоит в безусловном требовании к человеку руководствоваться в своих решениях такими субъективными основаниями, которые могли бы быть возведены во всеобщий закон. Речь идёт о знаменитом категорическом императиве, который как раз представляет собой нравственный закон в том виде, в каком он дан человеку как несовершенному разумному существу.

Откуда возникает нравственный закон, как он может быть обоснован? Теоретический разум, поскольку он имеет дело с познанием, начинает с созерцания и приходит к основоположениям. Практический же разум, наоборот, начинает с основоположений, поскольку он имеет дело со способностью осуществлять предметы. И нравственный закон есть то основоположение, которое человек как мыслящее существо находит в себе, в своей воле. Теоретическое применение разума наталкивается на непостижимые предметы и антиномии. В случае практического применения реальность чистого разума доказывается самим фактом того, что он стал практическим, т. е. основоположением воли. Так как речь идёт о безусловном практическом законе, то обоснование его необходимости означало бы указание условия, которое положено в его основание, но тогда закон уже не был бы безусловным. Чтобы объяснить, как возможен категорический императив, можно только выдвинуть в качестве предположения идею свободы и тем самым истолковать нравственность как причинность из свободы. Нравственность есть автономия воли – и это не только тезис фи-

лософии, но и убеждение обыденного нравственного сознания. Однако уже следующий шаг, а именно, объяснение того, как возникло само предположение о свободе, уже выводит нас за границы человеческого разума. Самое большее, до чего доходит разум при попытке понять свободу, – это тот же моральный закон, для объяснения которого и вводился постулат свободы. В работе «Основоположение к метафизике нравов» последний параграф называется «О крайней границе всякой практической философии». Границу эту Кант видит в том, что «объяснить, .. как чистый разум может быть практическим, – дать такое объяснение никакой человеческий разум совершенно не в состоянии, и все усилия и старания найти такое объяснение тщетны»¹³.

На предельность нравственного закона мы наталкиваемся и при попытке ответить на вопрос, как он может быть реализован? Что касается действительности нравственного закона, то в этом отношении он оказывается неколебимой стеной, очерчивающей предел разумности человеческой воли во всех её проявлениях. Он воплощается в мотиве долга, который санкционирует только те действия, которые не противоречат категорическому закону. Сам мотив состоит исключительно в уважении к нравственному закону и ничем иным он не может быть ограничен. По своей безусловности долг соразмерен нравственному закону. И только он является единственным моральным мотивом. Долг отличается от всех других мотивов и противостоит им всем, какими бы сильными, притягательными они ни были. Он противостоит склонностям вообще и в наиболее чистом виде может быть идентифицирован тогда, когда утверждает себя вопреки склонностям. Это не значит, что склонности в этике Канта находятся под моральным подозрением. Это лишь означает, что моральную санкцию они получают свыше, через сообразность, соответствие долгу. Долг является особым уровнем мотивации, который не соседствует с другими мотивами (максимами) поведения, а возвышается над ними и сопровождает их. Единственная его задача – установить, соответствуют ли намерения индивида и его решения нравственному закону. Другая особенность долга как мотива состоит в том, что не может быть и, как правило, не бывает единственным мотивом. Возможно, говорит Кант, что в мире не было ни одного поступка, который был бы совершен исключительно ради долга. Долг остается долгом, не

теряет в своей красоте и ценности, а может быть, даже приобретает от того, что он не доходит до поступка. Речь даже не о том, что нет особого класса поступков, который был бы предпочтителен по нравственному критерию. Такой класс поступков в логике этики Канта вообще невозможен. Но нет и отдельного примера, про который можно было бы с уверенностью сказать, что поступок мотивирован исключительно долгом. Вообще, следует заметить, что этика Канта лишена каких-либо назидательных примеров, явленных образцов нравственного поведения. Она никого не отлучает от мотива долга, поскольку именно долг позволяет идентифицировать человека как разумное существо и воплощает его нравственное достоинство, но именно по этой причине она не допускает, чтобы кто-либо приватизировал его. Поэтому неудивительно, что у Канта мы не находим апелляции к достойным подражания примерам из реальной жизни, истории.

Кант поднял мораль на столь отдалённые высоты, где воздух лишен необходимых для жизни примесей. Тем самым под вопросом оказался сам практический статус морали. Кант показал, что разум является чистым в качестве практического. Но остался ли он практическим, став чистым? Если этика Аристотеля, как мы видим, имеет дело с добродетельными поступками, но не находит их общих оснований, то этика Канта имеет своим содержанием нравственный закон и не доходит до поступков. Однако тайна человека как нравственного существа и его задача как мыслящего существа состоит в том, чтобы соединить одно с другим.

6

Наконец, ещё одна важная страница в интересующей нас теме связана с именем русского мыслителя М.М.Бахтина.

Этика всегда связывала нравственность с индивидуально-ответственным поведением. Она видела свою задачу в том, чтобы а) обозначить ту область деятельности, которая находится во власти действующего индивида, область его свободы и б) исследовать возможности её наполнения нравственным содержанием. Так, Аристотель считал, что от человека, его решения зависят его поступки. От него же зависит, будут ли эти поступки добродетельными.

тельными или порочными. Задача этики состоит в том, чтобы исследовать, при каких условиях они становятся добродетельными. Канта также интересует область ответственного существования человека. Он считает, что во власти человека находятся только принципы волеия. Человека можно принудить совершить тот или иной поступок, но его нельзя принудить избрать ту или иную цель. Отсюда – задача найти принцип воли, который был бы нравственным законом и обладал абсолютной необходимостью. Бахтин также связывает нравственность с индивидуальной ответственностью, его своеобразие состоит в том, что он отождествляет эти понятия. Нравственность – не определенная характеристика индивидуально-ответственного существования, а само такое существование.

Когда мы говорим об акте деятельности, поступке, в нём надо различать два аспекта: само бытие акта, факт его совершения, и его содержание. Как факт деятельность замкнута на конкретного индивида, является выражением единственной неповторимости его жизни, своим содержанием она развернута в мир, зависит от него. Соответственно этим двум аспектам акта деятельности ответственность за него также является двусторонней: ответственность за его бытие и ответственность за его содержание. Первая ответственность является нравственной, она выражает нравственную сущность человека, вторую ответственность Бахтин называет специальной, она характеризует знания и умения человека. Область специальной ответственности Бахтин называет теоретическим миром, понимая под ним всё то, что придаёт деятельности рационально-осмысленный вид, направляет её по продуманному, целесообразному руслу.

Самым важным является не выделение двух аспектов действия и двух видов ответственности, а раскрытие характера их связи, единого плана самого действия как рефлексированного в обе стороны. Исходным, базовым, основным с точки зрения Бахтина является сам факт действия или нравственная ответственность. Специальная ответственность вторична, является следствием, приобщённым моментом. Действие становится поступком не в силу того, что оно закономерно, обосновано и т. д., а в силу того, что оно является способом, формой участия в бытии того индивида, который совершил эти действия.

Специфическое место морали в жизнедеятельности человека и общества связано с ситуациями, которые не поддаются предварительному просчету, нормированию, контролю. В компетенции морали находится то, что не может быть охвачено познанием, обычаем, традицией, юридической нормой и т. д. Место морали там, где все зависит от решения индивида, от его решимости взять на себя риск поступка. Поступок есть форма нравственной ответственности потому, что он не может быть совершен никем, кроме того, кто его совершает, ибо в той точке бытия, в которой имеет место поступок, находится только он.

Решение совершить поступок не зависит от его содержания. Или, как говорит Бахтин, из теоретического мира не существует перехода в мир поступка, из специальной ответственности нельзя вывести нравственную ответственность. Одно дело, какие возможны действия, как они классифицируются по разным критериям, и совсем другое дело, на какие действия решается тот или иной индивид. Из расписания движения поездов нельзя узнать, куда мне ехать и должен ли я куда-нибудь ехать. Из «есть» не следует «должно». Какие совершить действия, куда ехать – это исключительно моё решение, факт моего индивидуального бытия, факт самого бытия в моём индивидуальном выражении. Автономность нравственной ответственности, ее первичность по отношению к специальной ответственности Бахтин выразил в следующем афористическом высказывании: «Не содержание обязательства меня обязывает, а моя подпись под ним». От специальной ответственности перехода к нравственной ответственности не существует. Но обратный переход возможен и обязателен. Нравственная ответственность получает продолжение в специальной ответственности. После того, как принято решение о поступке, дальнейшие действия определяются уже его содержанием. Когда человек решил, куда ему ехать, он обращается к расписанию поездов и, будучи нравственной личностью, становится одновременно пассажиром.

В мире, который является предметом специальной ответственности, – мире познания, общих определений, эстетических образов, общественных норм, властных распоряжений, научных моделей и т. д. – индивид функционирует как один из многих, как экземпляр серии, как учёный, гражданин, коллега, отдыхающий, зритель, спортсмен и т. д., и т. п. Он входит в него в от-

влечённом единстве, но не в единственности. Человек предстаёт в своей конкретной единственности благодаря тому, что он включен в бытие, находится там и тогда, где никто и никогда не может находиться, поскольку это место и это время уже заняты. Единственность наличия бытия (Бахтин вводит для этого термин «не-алиби» в бытии) обязывает. Обязывает выбирать, совершать поступок, быть ответственным. Нравственная ответственность – ответственность, от которой нельзя уклониться, ибо человек не может не поступать, и это – ответственность, в рамках которой индивид отвечает своим существованием, его качеством и смыслом. Конечно, индивид может пытаться уклониться от того, чтобы принимать решения, как тот лукавый раб из евангельской притчи, который закопал свой талант в землю вместо того, чтобы рискнуть пустить его в оборот, но это уклонение тоже будет решением, но только плохим.

Говоря о том, как единственность поступка связана с его единством, как нравственная ответственность за факт поступка связана с его содержанием, Бахтин формулирует следующий тезис-афоризм: «Поступок в его целостности более, чем рационален. Он – ответственен»¹⁴. Ответственность, которая совпадает с нравственностью, не является внерациональной, иррациональной, антирациональной. Она более чем рациональна. Она рациональна особой рациональностью – рациональностью самого бытия. Поступок можно только участно пережить, его можно увидеть только изнутри, ибо тот, кто совершает поступок, находится внутри него и поступок есть то, что происходит именно с ним. Взгляд изнутри, когда субъект видит в поступке не то, что он сделал, а самого себя, является единственно возможной точкой зрения на поступок. Поступок совершается раз и навсегда, его нельзя обернуть назад и в этом смысле он безысходен. Ошибку, которую сделал один специалист, может исправить другой. Но дурной поступок, который совершил Иван, Петр уже исправить не может. Любовь, которая связывает меня с одним человеком, не может меня связывать с другим. Поступок впечатывается в бытие личности, становится элементом самой личности. Как факт бытия он абсолютен. Про него нельзя сказать, что он истинен или ложен, его нельзя познать, исследовать, ибо до этого и для этого его надо совершить.

Центральную идею Бахтина о поступке как нравственном бытии личности можно наглядно проиллюстрировать, взяв за основу известное высказывание Аристотеля о том, что человек является началом поступка, как отец началом ребёнка. Во-первых, ребёнок есть поступок отца. Он представляет собой изменение в самом бытии, бытии отца и бытии в целом. Такова природа всякого поступка, он меняет саму жизнь того, кто поступает. Во-вторых, поступок есть нечто столь же серьёзное, неотвратимое, роковое, вечное и беспокойное, как ребёнок. Человек не может отказаться от поступка, отделить себя от него, как отец не может отделить себя от сына, ибо даже, например, отказавшись от него, он оказывается привязан к нему более глубоко и трагично, чем до того, как он отказался. В-третьих, основанием (причиной) поступка, без которого никогда не состоялся бы сам поступок в его единственности, является совершивший его индивид, как и решающей причиной ребёнка является его отец. Как отец не может сказать, что не только он виновен в появлении ребёнка, так и нравственный субъект не может сказать, что не только он виновен в совершении поступка. Они не могут этого сказать, если будут смотреть на поступок изнутри.

Таким образом, поступок по Бахтину не является результатом знаний и умений, не поддается обобщению, позволяющему поместить его в какой-либо серийный ряд. Он не может быть рационально взвешенным решением¹⁵. Поступок выражает, воплощает, впечатывает в бытие саму личность. Он более чем рационален, т. к. рациональность является одним из моментов личности, хотя сам этот момент в процессе совершения поступка не выявлен в качестве причины. Поступок настолько не рационален, насколько бытие предшествует познанию и насколько бытие в единственности своего проявления не может быть предметом знания. Для того, чтобы сформулировать самое простое предложение «Жучка есть собака», надо, во-первых, иметь Жучку и, во-вторых, иметь хотя бы еще одну собаку, например, Шарика.

Возникает вопрос: как быть с нравственными понятиями, нормами, этическими знаниями, для чего-то же они существуют? Согласно Бахтину, они относятся к миру теории, входят в сферу специальной ответственности. Это значит, что непосредственно они не участвуют в производстве поступка. Как из понятия вещи нельзя вывести бытие вещи, так из нравственной нормы нельзя

вывести поступок. Нравственные знания и навыки, как и любые другие знания и навыки, подключаются к поступку *post factum*, уже после того, как он состоялся. Все происходит так, как во время первого творения: Бог сперва создает небо, землю, свет и только потом видит, что это хорошо. Бог творил по Бахтину. Или Бахтин воспроизвел логику Творения.

Бахтин не рассматривает вопрос о роли моральной рациональности. Исходя из того, что она является вторичным, приобщенным моментом по отношению к поступку, можно предположить: ее задача заключается в том, чтобы вписать поступок в моральные представления и самого действующего индивида и окружающих. Общества, прежде всего оценить его по критерию добра и зла. Подобно тому, как индивид мобилизует специальные знания и навыки, чтобы поступок был наиболее эффективным, так он мобилизует этические знания и навыки, чтобы поступок хорошо выглядел в его собственных глазах и глазах окружающих. Родитель, решивший отшлепать своего непослушного сына (а решение это он принимает на свой страх и риск, ибо никакая педагогика и психология не могут ему сказать, стоит ли ему это делать или нет, и принимает он его, совсем не ведая, что из этого получится), должен уже после этого решить, как ему это лучше сделать (чем воспользоваться, по какому месту шлепнуть и т. д.), а также представить в своих глазах и в глазах окружающих как благо для сына. Оставляя в стороне анализ роли моральной теории (понятий и норм морального сознания в его повседневном варианте, а также этических знаний), констатируя лишь, что роль эта является противоречивой, часто деструктивной по отношению к самой морали, следует отметить один момент, который является исключительно важным в плане рассматриваемой нами темы.

7

Нравственные нормы, составляющие основу нравственного сознания, подразделяются на предписания, говорящие о том, что надо (должно, достойно) делать, и запреты, говорящие о том, чего делать не надо. Между ними есть одно существенное различие. Тезис, согласно которому из моральной нормы нель-

зя вывести моральный поступок, относится в строгом смысле слова только к нормам-предписаниям. Из требования любить ближнего не ясно, что делать прохожему, у которого нищий просит подавание. Из требования любить родину нельзя заключить, стоит ли государству обзаводиться атомным оружием или нет. Обязанность заботиться о детях не дает ответ на вопрос, стоит ли быть по отношению строгим или нет. И так применительно к любому предписанию, которое имеет моральный статус: оно оказывается слишком абстрактным для того, чтобы быть достаточным основанием для конкретного действия. Иное дело – нормы-запреты. Они имеют прямое действие и в своем практическом применении однозначны. Одним из устоев Пифагорейского союза было требование не есть бобовых. Они его свято соблюдали и вопроса о том, что и как надо делать правоверному пифагорейцу, чтобы следовать этому запрету, не возникло. То же самое относится ко всем нравственно санкционированным запретам, в том числе и к таким фундаментальным и широким в своем охвате, как «Не убий» и «Не лги». Соблюдение последних, каким бы трудным оно ни было, имеет две особенности: а) оно легко, со 100%-ной надежностью удостоверяется и б) целиком, тоже на 100%-ный зависит от воли, решимости личности следовать им. В этом смысле нравственные запреты обладают той безусловностью, абсолютностью, которая является идентифицирующим признаком нравственности. Они представляют собой то самое знание добродетели, которое искал Сократ и сам факт наличия которого гарантировал добродетельность личности. Ведь если человек убежден в нравственной сущности запрета, если он знает, что его надо безусловно соблюдать, то ничто, никакие внешние обстоятельства точно так же, как и никакие собственные аффекты не могут помешать ему следовать им. Следование нравственным запретам является одновременно чистым случаем долга, ибо им следует не тот, кто вообще не делает того, что предписано не делать соответствующим запретом, а тот, кто не делает этого в ситуации соблазна, вопреки желаниям и обстоятельствам. Здесь мы имеем дело также с несомненным случаем индивидуальной нравственной ответственности, т. к. решимость следовать запретам является единственным, достаточным и исчерпывающим условием следования им.

Запреты, рассмотренные в их нравственно обязывающем значении, позволяют конкретизировать идею о нравственности как пределе рациональности. Нравственность, как уже подчеркивалось, связана с ситуациями выбора, ход и исход которых не поддается рационально взвешенному расчету. Она представляет собой готовность личности принять на себя риск неопределенности, броситься в пучину незнания. Нравственное решение совпадает с решимостью действовать в соответствии с собственным решением только потому, что оно является собственным, игнорируя все предостерегающие голоса благоразумия. При этом оно является вполне осознанным, но осознанным каким-то особым сознанием, которое Аристотель называл «оком души», Кант – «спонтанностью вещи самой по себе», Бахтин – «нудительной обязательностью». Нравственные запреты суть именно такого рода решения. Они выражают решимость личности, принявшей их и идентифицирующей себя с ними, не совершать определенных поступков во что бы это ей не стало. Не делая этого (не поддаваясь искушению мести, лжи и т. д.), она, конечно, знает, чего она не делает. Но она не делает этого не потому, что знает, – напротив: она знает, потому что решила не делать. Нравственные запреты не могут быть обоснованы, иначе они не были бы нравственными. Пифагорейцы не могли сказать, почему нельзя есть бобовых, моралисты не могут ответить на вопрос, почему никогда не надо убивать и лгать, по крайней мере, они не могут сделать этого на эпистемологически приемлемом уровне; и мы знаем, что многие в древности не соглашались с пифагорейцами и ели бобовые за милую душу, точно также многие в наши дни не соглашаются с моралистами и доказывают, что в каких-то случаях убивать и лгать не только можно, но и необходимо. Однако и пифагорейцы и моралисты принимают свои запреты, как если бы они были не просто истинами, а истинами истин, первыми, священными истинами. Их решимость следовать запретам – не следствие истинности последних, напротив истинность запретов – следствие их решимости безусловно следовать им.

Примечания

- 1 «Чтобы не быть нерешительным в действиях, пока разум обязывал меня к нерешительности в суждениях, и чтобы иметь возможность прожить это время как можно более счастливо, я составил себе наперед некоторые правила морали» (*Декарт Р.* Рассуждения о методе. Ч. III // *Декарт Р.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 263).
- 2 «Мы знаем из истории, что две с половиной тысячи лет назад в Афинах отравили Сократа. Homo qui sola ratione ductus пред этим “фактом” пасует: он его не только принуждает, но и убеждает. И он не успокаивается до тех пор, пока разум ему не обеспечит, что никакая сила в мире этот факт не может уничтожить, т. е. пока он не усмотрит в нём элемент вечности или необходимости... Он взлетает в ту область, где обитает истина. И ему тогда уже всё равно, что приносит с собой истина, – что отравили лучшего из людей или бешеную собаку».
- 3 *Декарт Р.* Рассуждение о методе. Ч. I // *Декарт Р.* Соч.: В 2. Т. 1. М., 1989. С. 256.
- 4 «Отождествляя добродетели с науками, Сократ упраздняет внеразумную часть души, а вместе с нею и страсть, и нрав» (ММ 1182а) (*Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 297).
- 5 «Сократ неправильно отождествлял добродетели с науками... В науках знание, в чём состоит наука, совпадает с владением ею. Кто знает врачебную науку, тот уже и врач; также и с остальными науками. Но с добродетелями – иначе: если кто знает, в чём состоит справедливость, от этого он ещё не стал сразу справедливым; то же и с другими добродетелями» (ММ 1183 в) (*Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 4. С. 300).
- 6 «Добродетель есть сознательно избираемый склад души, состоящий в обладании серединой относительно к нам»; «Найти середину в каждом отдельном случае – дело трудное» (EN. 1107а, 1109а) (*Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 4. С. 87, 92).
- 7 «Согласно правильному рассуждению поступают тогда, когда внеразумная часть души не мешает энергиям её разумной части» (ММ.1208) (*Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 4. С. 360).
- 8 «Поступки называются правосудными и благоразумными, когда они таковы, что их мог бы совершить благоразумный человек, а правосуден и благоразумен не тот, кто (просто) совершает такие (поступки), но кто совершает их так, как делают это люди правосудные и благоразумные» (EN.1105в) (*Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 4. С. 83).
- 9 «Что рассудительность же есть наука, (теперь) ясно, ведь она, как было сказано, имеет дело с последней данностью, потому что таково то, что осуществляется в поступке. Рассудительность, таким образом, противоположна уму, ибо ум имеет дело с (предельно общими) определениями, для которых невозможно суждение, (или обоснование), а рассудительность, напротив, – с последней данностью, для (постижения) которой существует не наука, а чувство, однако не чувство собственных (предметов чувственного восприятия), а такое, благодаря которому <в математике> мы чувствуем, что последнее (ограничение плоскости ломаной линией) – это треугольник, ибо здесь и придется остано-

виться. Но (хотя) по сравнению с рассудительностью это в большей степени чувство, оно представляет собой всё-таки особый вид (чувства)» (EN.1142a) (*Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 4. С. 182).

¹⁰ «И ум тоже имеет дело с последними данностями, (последними) в обе стороны, ибо и для первых определений, и для последних данностей существует ум» (EN.1143a) (*Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 4. С. 185).

¹¹ *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 4. С. 187.

¹² Там же. С. 188.

¹³ *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 4(1). М., 1965. С. 308.

¹⁴ *Бахтин М.М.* К философии поступка // *Философия и социология науки и техники*. 1984. М., 1986. С. 83.

¹⁵ Эта мысль о морали как таком пределе рациональности, который представляет собой переход в сверхрациональную сферу, высказывалась и до Бахтина философами, которые связывали мораль с разумной сущностью человека, хотя они и не придавали ей концептуального значения. Мы уже ссылались на высказывание Аристотеля, называвшего добродетельность поступка последней данностью, которая постигается не наукой, а чувством, при том особого рода чувством, аналогичным математическому чувству. Интересным в этом плане является также следующее рассуждение Канта. Если бы, говорит Кант, мы могли проследить все внешние и внутренние побудительные силы человека, то это позволило бы предсказать его будущее поведение с точностью лунных и солнечных затмений. Но если бы мы обладали аналогичной способностью интеллектуального созерцания, то в поисках корней нравственного закона мы бы пришли к «спонтанности субъекта как вещи самой по себе» (*Кант И.* Критика практического разума // *Кант И.* Соч. Т. 4(1). С. 42).

Типы и метатипы рациональности

Общие и доминирующие концепции метатипологического происхождения могут быть ориентирами в определенной всеобъемлющей и метатеоретической общей позиции метафилософских и метатеоретических систем аргументации, ведущих к некоторому метатипу типов рациональности и соответствующих видов метаэпистемологической методологической дискуссии.

Конечно, только в будущем все эти общие подходы превратятся в некоторые более дифференцированные исследования, имеющие дело с различными типами рациональности, прежде чем будут интегрированы в общую теорию рациональности.

Поэтому первым шагом будет некоторый список типов рациональности различного происхождения и характера, показывающий интересные различия между рациональными способами и видами аргументации, действий, ориентации, обоснования, такими как доказательства или предпочтения, а также другими типами оценивания и сравнения.

Далее представлены 26 выделенных типов рациональности (на основе первых исследований в этом направлении, представленных в работах (Lenk 1975, 1986; Lenk – Spinner 1989).

1. Здесь проявляется, если не подразумевается, более широкая точка зрения и подход к **«формальной рациональности»**, как использующей синтаксические, логические выводы и порождение аргумента не из математически или логически обоснованных абсолютных истин. (Это

- означает строго рациональный *метод*, редуцированный к формальным синтаксическим выводам без обязательного требования абсолютной истины предпосылок.)
2. Если речь идет не только о синтаксических логических действиях и структурах символов, формул и структурах высказываний и теорий, но также о значениях и содержании концепций и подходов, то мы имеем так называемую «**материально аналитическую**» или «**семантическую рациональность**» в некотором смысле не только для формальных или даже *неформальных* умозаключений или выводов, в более общем, более широком смысле идеи «вывода», заключения, достижения результатов или получения следствий, включающих значение. Такая семантическая рациональность заключения или вывода будет использовать интерпретации значений концепций, расшифровывая содержание смысла этих концепций, слов, и т. д. Может существовать два различных типа семантического вывода этого вида: а) существуют **истинно семантические** выводы, использующие традиционную идею истинной семантики или истинных значений, соответствующих высказываниям, или б) некоторый вид межличностной и «**диалогической**» семантической формы умозаключений взаимодействия между различными партнерами (сторонник и оппонент в дискуссии¹).
 3. Если эта интеграция ориентируется также на более высокие или наивысшие принципы согласно теоретическому «чистому» разуму Канта, мы можем говорить об упорядочении нашего знания в некоторый вид общей «архитектуры» всеобъемлющей системы, демонстрирующей «**иерархически-систематизированную рациональность**». (У Канта, например, мы имеем предположение об абсолютном «наивысшем» принципе использования «разума как такового», «**чистого разума**», как Кант называет эту *априорную* регулятивную идею идей и дар человечества.)
 4. Рациональность как «**рациональная реконструкция**» и «**экспликация**» рассматривалась в философии и методологии науки, в частности, имеющей дело с физической

¹ Оба подхода традиционно использовались в равной мере для обоснования логических правил и аксиом (как, например, Витгенштейн и Лорензен).

теорией, ведущей к некоторым моделям рациональной реконструкции, чтобы улучшить понимание теорий и их приложений, а также опыт и эксперименты. (При таком подходе анализируются даже некоторые забытые методические рекомендации или «эмпирические правила», хотя и до окончательной конструкции «объясняющей модели» в строгом смысле логического или материального вывода (как упоминалось выше)².) Даже традиционные так называемые «реальные определения» («*Realdefinitionen*») можно понимать как определенный вид экспликаций в таком рационализированном смысле.

5. **Рационализация в смысле психологии** как постфактическое обоснование рассуждения и агентов для минимизации несоответствия между ожиданием и прогнозируемым успехом (согласно теории когнитивного диссонанса Фестингера), безусловно, является определенным видом специального типа рационального моделирования или рациональной реконструкции и экспликации, как упоминалось ранее (это очень распространено почти во всех процессах, имеющих дело с идеологиями, или причинными атрибуциями мотивов и мотиваций на практике, или даже любых когнитивных и практических диссонансов в повседневной жизни).
6. **Решение теоретической или стратегической рациональности** является скорее телеологическим и «теоретической концепцией действия», извлекающей рациональность действия из критерия решения так называемых логик решения и нормативной теории решений. Это, конечно, *нормативная* рациональность, концепция и подход, широко используемые в экономике и политической науке и практике, например, в отношении решений в условиях

² Даже рациональные конструкции в философии науки могут пытаться набросать и описать более детальным образом исторические развития теорий («динамики теорий») в терминах «идейно-типичной» рациональной реконструкции или некоторого вида нормативно стандартной модели и соответствующих критериев обоснования, чтобы иметь возможность судить о рациональности или обоснованности изменений теорий. Такие рациональные реконструкции будут служить идейно-типичными стандартами оценки (как единиц нормативно методологического суждения).

определенности, риска или даже (абсолютной) неопределенности. Здесь применяются различные рациональные стратегии, рассматриваемые в стратегической теории принятия решений (например, использование максимина, минимакса или оптимизации или смешанных стратегий, рассматриваемых в теории принятия решений).

7. Так как действие или принятие решений происходит в условиях риска или даже неопределенности агент или действующий человек, принимающий решение, ищет стратегические решения, такие как максимизация успеха в соответствующих азартных играх, оптимизируя некоторые решения, выигрышные стратегии или избегая проигрышных стратегий, как изучается в нормативной теории принятия решений и математической теории игр, а также в соответствующей эмпирической психологии принятия решений в условиях неопределенности (например, Канеманн и Тверски). Поэтому можно говорить о **теоретической рациональности игр (стратегической рациональности** в более узком смысле), т. е. оптимизации принятия решений и решений в рамках стратегических условий по отношению к конкурентам (конкурирующих агентов и лиц, принимающих решения).
8. **Инструментальная рациональность** или рациональность задач (целей) и средств используется, конечно, в экономике и многих областях повседневной жизни в плане минимизации усилий или стоимости и максимизации степени достижения цели. Такая разновидность инструментальной рациональности является, конечно, телеологической концепцией, предполагающей цель или задачу, чтобы оценить средства и успех достижения цели согласно некоторым оптимальным или экстремальным или даже средним перспективам. **Инструментальная рациональность** по сути является некоторой разновидностью рациональности действия, прагматической концепцией рационализации проектов или планов действий, а также решений. Такая разновидность рациональности действия является, конечно, модельной конструкцией, используемой в традиционных классических подходах человека

экономического (*homo oeconomicus*) и в ориентации на полезность, а также в **утилитаризме** (чтобы максимизировать полезный результат для максимально возможного количества затронутых людей и минимизировать потери соответствующих агентов или вовлеченных людей). (Обычно утилитаризм был в классической концепции некоторым абсолютном, ориентированным на оптимальный или максимальный результат соответствующего баланса между прогнозируемыми стоимостями, усилиями, страданиями или другими потерями.)

9. Однако существует также некоторый специальный философски интересный (*мета*)вариант этой общей ориентации на утилитарные модели, а именно так называемая **утилитарная рациональность правил**. Эта подмодель ориентирована не на единичные результаты актов или действий в индивидуальных ситуациях, но является некоторым видом концепции метадействия для суждения о критерии оценки, доминирующего (например, морального) правила или общего результата как тенденции или долгосрочных эффектов применения правил – согласно некоторой разновидности методологического прагматизма (например, Rescher). Проверкой такого успеха является не единичная ситуация, но долгосрочный практический результат применения соответствующего критерия и правил подтверждения. Имеются в виду не просто утверждения на уровне объекта, но правила и критерии оценивания общих стратегий. Утилитаризм правил является программой рациональности, как разновидности **метапрагматизма**.
10. Обычно рациональность является **деонтологическим** разграничением формальных моральных принципов, таких как категорический императив Канта или другой принцип **универсализации** и схождения с законом (в смысле морального или юридического закона). Это является, конечно, моральной или, скорее, этической рациональностью в некотором абсолютном смысле, или «чистым» убеждением морального разума, или с этической, или так называемой «моральной точки зрения». Этика Канта является наиболее выдающимся примером, подходящим здесь

для деонтологического этического оправдания (в отличие от упомянутых выше телеологических или утилитарных концепций рациональности). Для Канта *чистый практический разум* будет заключаться в высшей способности человечества (и требовании или праве действовать только в репрезентативной и обоснованной, а также морально автономной и универсализированной форме).

11. **Ценностная рациональность** (*Wertrationalität*, согласно Максу Веберу) часто понимается как уникальное убеждение, ориентированное на суждение и оправданное посредством (только или главным образом) суждения на основе ценностей и фундаментальных убеждений. Это является формой рациональности, существенно обремененной ценностью, или наполненной ценностью, будет ли она ориентирована на специфические культурные групповые ценности или на моральные нормы в абсолютном, например кантианском, смысле.
12. **Консенсуальная рациональность**, представляемая как универсальная восприимчивость к формированию консенсуса (в отличие от инструментальной и «целевой рациональности»), или *Zweckrationalität*), является формальной *коммуникативной рациональностью*, реализованной и материализующейся в ориентации решений по критерию принципиально идеального понимания и коммуникации – как, например, будет предполагать Хабермас со своим *verständigungsorientiertem Handeln*, будучи несводимой к инструментальной рациональности или «целям и средствам рациональности» (Habermas 1981).
13. **Рациональность как конструктивность и выполнимость или операционность** («реализуемость») может рассматриваться как традиционные основания науки у Гоббса или Динглера или ранее у Вико, так, что мы можем только понимать и обращаться с вещами, которые можем активно и точно конструировать с помощью наших концепций и экспериментов, а также практик, норм и конструктивных правил формирования концепций и мира. Это можно также назвать «*конструктивистской рациональностью*» формирующей «составление мира»

(или скорее версию мира), или «способы создания мира» (Гудмен), используя конструктивные соглашения для формирования версий, или (модельный) мир познаваемыми, понимаемыми согласно конструктивным правилам. Социальные нормы почти все в этом смысле сконструированы, сделаны людьми, и тем не менее они являются существенными элементами нашего мира, а именно социального мира.

14. **Научная рациональность** будет означать обогащение общественных наук о человеке в точном соответствии с образцами точных наук, таких как естественные науки. Подход на основе методологического и натуралистического сциентизма будет требовать использования только строгих научных методов в гуманитарных и социальных науках. Мы могли бы и должны различать нормативный и, например, «моральный сциентизм», откровенно бихевиористские объяснения и манипулятивные правила, которые будут использоваться для экспериментальных объяснений или даже натуралистических экспериментальных или технократических процедур или способов обоснования так называемых методологических основ морали и этики (в некотором смысле проблема сциентизма заменила традиционный спор о позитивизме и технократии), хотя существуют различные варианты современной технократии (Lenk 1986, 91 и далее). (Существуют даже варианты использования своего рода «наукокрации» или даже «эпистемологокрации», а именно утверждение, что человеческие отношения и общества могли бы или должны быть организованы согласно правилам и формам обоснования и аргументации эпистемологии и философии науки.) Все эти модели являются односторонними, ограниченными и основываются только на замкнутости форм идеологических рациональных обоснований.
15. **«Рациональность систем»** или функционалистические системы рациональности в социальных системах понимаются (например, согласно Луману) как взаимное и всеобщее соединение системных компонентов, ведущее к внутренней структуре принятия решений, предпосылок и т. д. без созна-

тельного задания, стремления или достижения целей. Структура систем заменяет квази-цели, совокупность программ принятия решений и нормы системы. Системы рациональности будут, так сказать, носителем социальной саморегуляции и самоуправления социальных систем. Луман хотел преобразовать традиционную рациональность действий с помощью такого вида рациональности систем (1968).

16. **Рациональность как саморефлексия** для нормативной самооценки или эмпирической самоидентификации или самопроверки или даже как трансцендентальное методологическое обоснование функционально необходимых условий познания и действия, конечно, является некоторым видом рационализации скорее философского или методологического происхождения. Такой вид саморефлексии или саморефлексивной рациональности традиционно понимался в основном как критерий рациональности сам по себе (*per se*) или даже разума как такового. (Но это, конечно, слишком ограниченная интерпретация.)

В форме *оппозиции двойных противоположных концепций* мы можем добавить некоторые специальные формы рациональности, которые были в последние десятилетия разработаны некоторыми социальными философами, такими как Элстер (1982, 1987), Спиннер (1986, 1988) и другими.

17. Элстер различает **«глобальную»** (скорее, «общую») и **«локальную рациональность»** (1987). «Глобально рациональной» будет стратегия, принимающая в расчет некоторые краткосрочные недостатки, чтобы получить или побороться за активы или преимущества в долгосрочном плане.
18. Спиннер (Spinner) хотел подчеркнуть различие между так называемой **«случайной рациональностью»** (гибкой и ограниченной ситуацией *«Gelegenheitsvernunft»*) и **«ограниченной принципом»** или **«принципиальной рациональностью»** как традиционной стандартной концепцией, управляемых правилами общих, если не универсальных, принципов рассуждения для оправдания действия и решений. «Общая рациональность принципов», (*generelle Grundsatzvernunft*), полагающаяся на абстрактные схемы, предвосхитившая общие направления и тенденции или

похожие на законы предсказания, ориентированные на структуры, является независимой от субъектов, ситуаций, и управляющих критериев и стандартов.

19. Элсер (Elster, 1982) также напоминает нам, что может существовать некоторая **«несовершенная рациональность»**, которая была почти полностью забыта философами и социальной наукой. (После этого Штроц (Strotz, 1995f.) и Энсли (Ainslie, 1975, 1982) рассмотрели также явление несовершенной рациональности (для) поведения (как, например, отражено также у Канемана и Тверски (Kahnemann and Tversky) в отношении психологических суждений и мотиваций в условиях неопределенности). Спинер (в Lenk – Spinner 1989, 10) считает, что такие «дуалистические, дихотомические» противопоставления типов рациональности («формальная» – «материальная», «совершенная» – «несовершенная», «глобальная» – «локальная», «основная» – «случайная», «целенаправленная» – «коммуникативная», «систем» – «рациональность действия») могут быть полезны для дальнейшей дифференциации форм рациональной ориентации и действий, а также ориентации в познавательных способностях и системах.

Это, конечно, справедливо, но требует дополнительных исследований других типологических и даже метатипологических подходов.

20. На самом деле **метатипологические критерии**, кажется, накладываются на упомянутые здесь характеристические типы и свойства **рациональности** и могут проложить путь к более общей теории или перспективному обзору типов рациональности.
21. Рациональность как абсолютная истина или обоснование и/или формальная рациональность как логический вывод по существу лежит в основании традиционной идеи греческой «episteme» (математические и логические истины, а также дисциплины, основанные на чисто формальных и строгих истинах, представленных с помощью строгой логической дедукции из «свидетельства» или логических и математических аксиом). Это будет строгий, или абсолютный, конструкт рациональности как доказуемости.

22. Рациональность может означать также некоторый вид недавней координации и **комбинации** отдельных **утверждений или актов познания** в более или менее систематических связях с предположением **теоретической согласованности или совместимости**.
23. **«Материальная» рациональность** в смысле **усовершенствования «межсистематичности»** и методологическая, а также логическая связность и рационализация области опыта или формирования концепций может быть понята как открытие, построение и развитие области знания с помощью научных теорий, как, например, с помощью научного экспериментального и опытного знания. (Это может включать метауровень понимания «динамики теории» в смысле Куна и Штегмюллера (Kuhn and Stegmüller), а также как разграничение так называемых «элементов теории» и «предполагаемых приложений» (моделей).) (Это должно было бы показать только один уникальный источник научной рациональности, но показывает, конечно, различные и новые, а также гибкие и изменчивые измерения рациональности.)
24. **Рациональность как публичная «представимость» (или подверженность публичному представлению)** в смысле Гертса (Gerts, 1983) является особенностью моральных правил согласно некоторому виду метакритериев, а именно, что человек будет готов публично обосновать собственные решения и продукты, а также планы, т. е., так сказать, метасоциологически или социально ориентированно либо на собственную культуру человека либо (что необходимо в действительно более универсально представительных или подлинно этических оценках) в любой другой культуре. В сущности говоря, «добро» будет (фактически или принципиально) тем, что является или может быть (всегда) оправдано вообще в любой культуре, т. е. оно меж- или транскультурно. (Межкультурная и транскультурная этика и мораль будут основываться на таких идеях, которые, кажется, будут крайне необходимы в данный момент и для будущего человечества с точки зрения международного понимания и взаимного обсуждения, например, прав человека и т. д.)

25. **Диалогическая рациональность** применялась как методологическое основание логических диалогов и дискурса, используя концепцию формально гарантированной оправданности методологических правил, догмат или предположений общего характера, утверждая, что эти правила могут быть защищены *от любого оппонента* в различных вариантах логических атак. Лорензен (Lorenzen, 1966) разработал такой вид рациональности для доказательства правил «конструктивистской», «действенной» или, как он называет, «эффективной логики» (или – в другом варианте с другими условиями повторяющихся атак – в классической логике)). Такой подход можно понять также как форму методологической стратегии подачи конкурирующих интересов, позиций, предложений в общих или риторических, а также научных дискуссиях между оппонентами. Это является, конечно, «прагматической рациональностью», как подчеркивается прагматизмом в коммуникации и т. д., как упомянутое выше теоретическое моделирование игр.
26. Чтобы избежать прагматических противоречий или парадоксов в речи и действии, включая особенно перформативные парадоксы, такие как неявно самоотрицающие утверждения или высказывания («Я лгу!»), мы имеем также **прагматическую рациональность общения.**

Ссылки и литература

- Agassi, J. -Jarvie, I.C. (eds.): Rationality. Dordrecht -Boston 1987.
Elster, J.: Rationality. In: Fløstad, G. (ed.), Contemporary Philosophy: Philosophy of Science. The Hague-Boston-London 1982, 11-131
Elster, J.: Subversion der Rationalität. Frankfurt/M – New York 1987.
Gert, B.: The Moral Rules. New York 1966.
Habermas, J.: Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt/M 1981.
Habermas, J.: Zwecktätigkeit und Verständigung. In: Stachowiak, H. (ed.), Pragmatik. Vol./Band III (Allgemeine philosophische Pragmatik). Hamburg 1989, 32-59.
Hübner, K.: Kritik der wissenschaftlichen Vernunft. Freiburg-München 1978.

- Lenk, H.: Pragmatische Philosophie. Hamburg 1975.
- Lenk, H.: Zwischen Wissenschaftstheorie und Sozialwissenschaft. Frankfurt/M 1986.
- Lenk, H. (ed.): Zur Kritik der wissenschaftlichen Rationalität. Freiburg 1986.
- Lenk, H.: Interpretationskonstrukte. Frankfurt/M 1993.
- Lenk, H.: Schemaspiele. Frankfurt/M 1995.
- Lenk, H.: Denken und Handlungsbindung. Freiburg 2001.
- Lenk, H.: Das Denken und sein Gehalt München 2001.
- Lenk, H. – Spinner, H. F.: Rationalitätstypen, Rationalitätskonzepte und Rationalitätstheorien im Überblick. In: Stachoviack, H. (ed.), Pragmatik. Vol./Band III (Allgemeine philosophische Pragmatik). Hamburg 1989, 1-31.
- Lorenzen, P.: Logische Strukturen in der Sprache (1966). Repr. in his: Methodisches Denken. Frankfurt/M 1968, 60-69.
- Luhmann, N.: Zweckbegriff und Systemrationalität. Tübingen 1968.
- Popper, K. R.: Die Logik der Forschung. Vienna 1935f.
- Rescher, N.: Rational Pragmatism. Oxford -New York 1977
- Schnädelbach, H (ed.): Rationalität. Frankfurt/M 1984.
- Spinner, H. F: Grundsatzvernunft und Gelegenheitsvernunft. Munich 1988.
- Sprondel, W. M. – Seyfahrt, C. (eds.): Max Weber und die Rationalisierung des sozialen Handelns. Stuttgart 1981.

Перевод с англ. к.ф.н. Е.О. Труфановой

Формальные и материальные аспекты рациональности

В данной статье термин «рациональность» используется в его текущем современном смысле, принятом как в философии XX и XXI вв., так и в социальных науках, в экономике и в математических теориях поведения человека, таких как теория игр и теория принятия решений. Рациональность не следует путать с разумом. Предполагается, что разум является некоторым «даром» или способностью (такой как способность к языку или мышлению), которой обладают все взрослые человеческие существа. Рациональность, с другой стороны, является не способностью, но методом или стратегией, скажем, некоторым методом оптимизации, который можно применять или не применять в различных ситуациях. Возможно, все люди являются разумными в смысле способности говорить и думать, но не все они используют метод рациональности; и даже те, кто использует, делают это только в определенных обстоятельствах, а не все время.

Каждый из нас имеет определенные ценности, предпочтения, стремления или цели. Большая часть нашего сознательного, намеренного поведения осуществляется с учетом этих целей, ради этих целей. Тем не менее наши действия часто не слишком хорошо подходят для достижения этих целей. Наши действия в этом направлении можно улучшить или даже оптимизировать. Рациональность является стратегией для оптимизации достижения наших собственных целей, какими бы они ни были. В этом общем смысле мы говорим о практической рациональности. Одной из вещей, ко-

торые мы можем оценить, является знание, и некоторыми из целей, которые мы можем преследовать, являются когнитивные цели, такие вещи как истина, широта рассмотрения и точность. Когда мы ведем себя рационально при достижении когнитивных целей, мы говорим о теоретической рациональности. В этой статье мы собираемся сосредоточиться на теоретической рациональности, но давайте начнем с общей теории практической рациональности.

Рациональность	Теоретическая рациональность (когнитивные цели)	Практическая рациональность (любые цели)
Формальный компонент	Структура рациональных мнений (редуцируется до непротиворечивости)	Теория рациональных решений (определяется правилом Байеса)
Материальный компонент	Восприятие (связь с реальностью)	Человеческая природа (или геном) (закодировано в человеческом геноме)

Практическая рациональность

Метод практической рациональности неприменим в детерминистских ситуациях, когда результат фиксирован контекстом, независимо от любых сделанных агентом решений. В такой чисто детерминистской ситуации, имеющей только один вариант выбора, нет ничего, что требует рационального размышления. Если вы падаете с верхнего этажа небоскреба, у вас нет проблем рациональности, вам нечего выбирать; всем управляет сила гравитации, а не вы. Точно также рациональность бесполезна в ситуации общего безразличия. Если вы не придерживаетесь каких-либо ценностей, не демонстрируете никаких предпочтений, не преследуете никаких целей и ничего не проклинаете, то рациональность вам не поможет. Но если вы не безразличны к вопросам времени и денег, а собираетесь лететь на самолете из Москвы в Барселону и существуют различные маршруты, которые отличаются временем полета и ценой билета, то тогда возникает проблема рациональности.

Для возникновения вопросов рациональности и для применения метода рациональности должны выполняться два условия: 1) для агента должен существовать реальный выбор между различными способами действия; и 2) агент должен иметь предпочтения или цели. На языке теории принятия решений предпочтения агента суммируются в числовой функции полезности, которая предписывает для каждой ситуации числа, результат или общее состояние дел. Предпочтительное для агента состояние получает большее число. Мы не будем углубляться здесь в детали, но заметим только, что «полезность» в этом смысле будет тем же самым, что и желательность, и не имеет ничего общего со средством.

Формальная теория практической рациональности

Формальная теория практической рациональности различает три типа ситуаций, в зависимости от доступного агенту знания о последствиях альтернативных способов действия. Если агент знает последствия своих возможных действий с некоторой уверенностью, мы говорим о проблеме принятия решения в условиях определенности. Решение может быть представлено с помощью линейного программирования. Если агент игнорирует последствия своих возможных действий и не может задать для них даже субъективные вероятности, мы имеем проблему принятия решений в условиях неопределенности.

Наиболее тщательно исследован случай проблемы принятия решения в условиях риска, когда агент не знает последствия своих возможных действий, но может, по крайней мере, присвоить им субъективные вероятности. В этом случае можно найти решение с помощью правила Байеса: действуйте так, чтобы максимизировать ожидаемую полезность.

Ожидаемая полезность возможного действия является суммой полезностей его различных возможных результатов, взвешенных субъективными вероятностями этих результатов. Пусть c_1^a, \dots, c_n^a обозначают возможные последствия или результаты действия a , u – числовую функцию полезности, и p – субъективную вероятность. Тогда можно определить ожидаемую полезность действия a как

$$\sum_{i=1}^n u(c_i^a) \cdot p(c_i^a)$$

После вычисления ожидаемой полезности каждого из альтернативных способов действия, правило Байеса скажет, какой из них выбрать: тот, который обладает наибольшей ожидаемой полезностью (т. е. с максимальным числовым значением). Невозможно понять правило Байеса и не согласиться с ним, т. к. оно просто формулирует наше понятие практической согласованности.

Материальные аспекты практической рациональности

Наш мозг является продуктом не сознательного конструирования, но запутанным результатом случайных эволюционных событий. Наша единая воля и наша система целей не являются чем-то данным, но чем-то, что должно быть создано и достигнуто. Люди часто занимаются тем, что мы считаем иррациональным поведением (в смысле поведения существенно угрожающего собственным интересам агента), даже если это угрожающее поведение иногда подчиняется правилу Байеса. С материальной точки зрения согласованности (consistency) недостаточно. Наши предпочтения и цели (наша функция полезности) и наша система убеждений (наше субъективное задание вероятности) должны приспосабливаться к реальности внешнего мира и к нашим собственным генетически определенным потребностям, таким как факторы выживания и здоровья. Уже наша восприимчивость к боли и удовольствию является кибернетической системой, направляющей нас (в первом приближении) в сторону материальных аспектов практической рациональности. Тем не менее мы собираемся пропустить здесь эту важную тему, чтобы посвятить большую часть доступного места анализу теоретической рациональности.

Мнения о вере Декарта и Юма

Теоретическая рациональность является стратегией максимизации области действия, истинности и точности наших убеждений. Слово «вера, убеждение» («belief») использовалось по крайней мере в двух различных смыслах в истории философии, парадигматически представленных Рене Декартом и Дэвидом Юмом. Согласно Декарту, вера является добровольным согласием. Согласно Юму, это независимое от воли состояние ума. Давайте обратим наше внимание на эту дихотомию.

Когда вы верите, что p (справедливо), вы склонны вести себя, как если бы p (было справедливо). Если вы говорите мне, что верите, что p (справедливо), но я замечаю, что вы ведете себя, как если бы не p (было несправедливо), то у меня есть все основания сомневаться в искренности вашего утверждения. Многие утверждения о вере можно извлечь из наблюдения за поведением. Конечно, эти умозаключения могут быть ложными.

В случае четкой, сознательной веры, что p (справедливо), что-то другое – за пределами стремления вести себя, как если бы p (было справедливо) – кажется подразумеваемым. Что еще? Как уже отмечалось, существует два основных представления о вере, представленные Декартом и Юмом.

Согласно Декарту, чтобы верить (или не верить, или сомневаться), в утверждении, кроме рассмотрения или принятия его во внимание, мы должны осуществить акт воли, мы должны сделать выбор, суждение, мысленный акт, который мы свободны выполнить или нет. Обычно мы свободны верить, что бы мы ни выбрали для веры. Декарт признает только одно исключение: случай, когда мы сталкиваемся с утверждениями настолько четкими, ясными и очевидными (как утверждение о том, что мы мыслим и, следовательно, существуем), что при рассмотрении невозможно выбрать сомнение или неверие. Меня интересуют здесь не эти исключительные случаи уверенности, а только обычный тип веры. В контексте действия мы обычно выбираем веру в вещи, в которых мы не уверены, т. е. мы ведем себя так, как если бы мы были в них уверены (даже если это не так)¹. В таком обычном случае актом воли все можно принять

¹ *Descartes R. Les Principes de la Philosophie. Principe 3.*

или отвергнуть, поверить или нет. Суждение является добровольным актом: «принятие, отрицание, сомнение являются различными видами волеизъявления»². В связи с этим, ошибка является пороком, результатом плохого решения. И поскольку мы можем верить, что бы мы ни выбрали для веры, имеет смысл искать метод, процедуру или стратегию, которая инструктирует относительно того чему верить, чтобы максимизировать истинность нашей веры.

Согласно Дэвиду Юму, наоборот, вера или сомнение в утверждении являются произвольными (независимыми от воли) ментальными состояниями, чувствами или эмоциями, которые мы можем замечать, но которые мы не можем выбирать. Мы можем только наблюдать их и изучать, как и при каких обстоятельствах они возникают. Если мы обожгли руку, прикоснувшись к огню, то мы не сможем не поверить, что огонь жжется. Мы не можем выбирать, верить или сомневаться в чем-то. Мы можем только обнаружить себя верящим или сомневающимся в этом. В связи с этим Юма совершенно не интересовали методы, процедуры или наставления верить в это, а не в то, как если бы выбор находился в наших руках. В тех или иных обстоятельствах мы просто обнаруживаем себя верящими в определенные вещи, а не в другие.

«Вера является необходимым результатом помещения разума в такие обстоятельства. Это действие души <...> такое же неизбежное, как ощущения чувства любви, когда мы получаем благо; или ненависти, когда мы сталкиваемся с ранами. Все эти действия являются разновидностью естественных инстинктов, которые никакое рассуждение или процесс мысли и понимания не может ни создать ни предотвратить»³.

Некоторые авторы пытались объединить обе точки зрения. Так, Генри Прайс⁴ анализирует веру в волевой элемент, аналогичный выбору или решению, и в эмоциональный элемент, чувство доверия. Я сам также пытался ранее объединить оба подхода⁵. Однако позднее убедился, что оба мнения (Декарта и Юма) являются мнениями о различных вещах, которые не должны объединяться или

² «... assurer, nier, douter, sont des façons différentes de vouloir» (*Descartes R. Les Principes de la Philosophie. Principe 32*).

³ *Hume D. An Inquiry Concerning Human Understanding. Section V, part I, § 38.*

⁴ Н.Н. Прайс: «Some considerations about belief» (*Proceedings of the Aristotelian Society. Vol. 35 (1934–1935)*).

⁵ *Mosterin J. Lo mejor posible: Racionalidad y acción humana. Madrid, 2008.*

смешиваться, но четко различаться. Другие философы, такие как Кейт Лерер (Keith Lehrer), Джонатан Коэн (Jonathan Cohen) и Майкл Бретмен (Michael Bratman), пришли к аналогичным выводам.

Давайте зарезервируем слово вера (belief) за верой Юма и давайте будем использовать согласие (acceptance) для варианта Декарта. Как вера, так и согласие могут рассматриваться либо как дискретные, двоичные сущности (вы верите или не верите, что р справедливо), либо как вопрос вероятности и степени. Большая часть того, что я должен сказать здесь, является инвариантной по отношению к этому различию. Для упрощения изложения будет использоваться бинарное выражение.

Рациональность согласия

Согласие с утверждением, гипотезой или теорией зависит от меня. Меня могут порицать или хвалить за это. Я могу постараться сделать хорошую работу в ходе принятия решения, с какими утверждениями согласиться. Задача теоретической рациональности состоит в том, чтобы помочь мне с этой работой. Рациональность является целенаправленной стратегией для принятия решения. Согласие является типом принятия решения: оно решает, что включать в рамки наших явных интеллектуальных убеждений. Если рациональность имеет отношение к нашим решениям, но не к произвольным ментальным состояниям, и если мы решаем, с чем согласиться, но находим себя только в определенных состояниях веры, то отсюда следует, что теория рациональности ничего не может сказать о том, во что мы верим, но может многое сказать о том, с чем мы согласны. Рациональность (как стратегия оптимизации) говорит мне, с чем согласиться, но не во что верить. Конечно, то, с чем мы соглашаемся, может неявно способствовать формированию того, во что мы верим, и то, во что мы верим, может неявно способствовать формированию того, с чем мы соглашаемся.

Но мы можем подчинить непосредственным образом только наше согласие – которое является явным, лингвистически сформулированным и добровольным – а не нашу веру, дисциплине в равной степени явного, лингвистически сформулированного и добровольного метода рациональности.

Насколько далеко может наше согласие отклоняться от нашей веры? Могу ли я согласиться с тем, во что на самом деле не верю?

Мы можем согласиться по техническим причинам с утверждением p , даже если мы не верим, что p верно: для тестирования своих убеждений, для проверки наших мнений, для выполнения косвенных доказательств, для большей безопасности при наличии серьезных рисков, и т. д. Я могу согласиться с числовым значением r , не веря, что реальное значение (даже предельно точно измеренное значение) в точности равно r . Я могу согласиться с плохой картой осматриваемого города, т. к. недоступна более точная карта, и поскольку она тем не менее обеспечивает некоторую ориентацию. Я могу согласиться с моделью, в которую не верю, если она приводит к достаточно хорошим ответам. Что я не могу сделать (при рациональном поведении), так это обманывать себя просто для физиологического комфорта. Случаи недобросовестности (такие как непризнание проблем со здоровьем или деньгами, о существовании которых известно, или непризнание того, что курение увеличивает вероятность заболевания раком легких, если я являюсь курильщиком) могут вести только к принятию неправильных практических решений.

Формальные условия теоретической рациональности

Здесь представлены основные формальные требования для атрибуции теоретической рациональности агенту (стороннику или акцептору) x в момент времени t .

Согласованность: множество всех утверждений, признаваемых x в момент t должно быть непротиворечивым.

Замкнутость: множество всех утверждений, признаваемых x в момент t должно быть замкнуто относительно вывода. Если x согласен, что p , и p подразумевает q , то x должен признать, что q . Другими словами, x должен признавать все следствия всего, что он признает.

Вероятность: если x приписывает субъективные вероятности признаваемым утверждениям, он должен делать это способом, совместимым с теорией вероятности. (Если x приписывает p вероятность $1/3$, то x должен приписать $2/3$ отрицанию p .)

Все эти условия сводятся тем или иным образом к требованию непротиворечивости.

Проклятие противоречивости

С точки зрения классической логики противоречивая формальная теория (теория, содержащая противоречивые теоремы) является тождественной своему языку. Она все доказывает и все отрицает, и поэтому является совершенно бесполезной.

Противоречие означает справедливость любого утверждения. Пусть φ будет некоторым высказыванием. Семантическое определение истины отрицания $\neg\varphi$ будет:

$\neg\varphi$ является истинным (в интерпретации \mathfrak{I}) если и только если φ не является истинным (в интерпретации \mathfrak{I})

Отсюда следует, что ни для какой интерпретации φ и $\neg\varphi$ не могут одновременно быть истинными. Никакая интерпретация не может сделать $(\varphi \wedge \neg\varphi)$ истинным. Для любой формулы ψ и любой интерпретации \mathfrak{I} : если \mathfrak{I} делает $(\varphi \wedge \neg\varphi)$ истинным, то она также делает истинным ψ . Поэтому для любой формулы ψ : $(\varphi \wedge \neg\varphi) \models \psi$. Противоречие предполагает все, что угодно.

Синтаксически, из противоречия (скажем, $\varphi \wedge \neg\varphi$) мы можем вывести что угодно (ψ) в классическом логическом исчислении.

- 1) $\varphi \wedge \neg\varphi$
- 2) $\varphi \downarrow \uparrow$ в связи с 1)
- 3) $\neg\varphi \downarrow \uparrow$ 1)
- 4) $\varphi \vee \psi$ в связи с 2)
- 5) $\psi \downarrow \uparrow$ в связи с 4) и 3)

Поэтому для любой формулы ψ : $(\varphi \wedge \neg\varphi) \vdash \psi$

Быть противоречивой – самое страшное проклятие, которое может поразить теорию, это значительно хуже, чем быть ложной. Неудивительно, что ученые склонны отказываться от теории, как только обнаруживают в ней противоречия. Если в наличии нет замены, возникает период кризиса и беспокойства, пока не будет найдена новая и, как можно надеяться, непротиворечивая теория, которая воспринимается сообществом со вздохом облегчения.

Теория является множеством предложений замкнутым относительно отношения вывода (\models). Предложениями теории являются ее теоремы. Пусть Σ является множеством предложений языка \mathcal{L} : $\Sigma \subseteq \mathcal{L}$.

Σ является теорией только и если только для каждого предложения $a \in \mathcal{L}$: если $\Sigma \models a$, то $a \in \Sigma$

если и только если $\Sigma = \{a \in \mathcal{L} : \Sigma \models a\}$

Теория T является противоречивой, если и только если T не является непротиворечивой:

Если и только если для некоторого $\phi \in \mathcal{L}$, $\phi \in T$ и $\neg\phi \in T$

Если и только если T тождественна своему языку: $T = \mathcal{L}(T)$

Две теории T и Σ являются несовместимыми если и только если $T \cup \Sigma$ является противоречивой теорией.

Понятие непротиворечивости играет роль регулирующей идеи (в кантианском смысле) в развитии и прогрессе науки. Мы редко знаем, являются ли наши теории непротиворечивыми, но открытие противоречия всегда создает глубокий кризис и побуждает к напряженным усилиям для поиска или изобретения новой и более удовлетворительной теории. Давайте рассмотрим некоторые хорошо известные случаи из истории физики и космологии.

Специальная теория относительности

Механика Ньютона господствовала как не вызывающее сомнения основание классической физики до разработки теории электромагнетизма Максвелла в середине XIX в. В начале XX в. физики стали болезненно осознавать несовместимость электродинамики Максвелла с механикой Ньютона и с пререлятивистскими представлениями о структуре пространства-времени. Растущая тревога распространилась среди членов сообщества.

В уравнении электромагнитной волны (следствии уравнений Максвелла) отсутствовали как скорость излучателя, так и скорость наблюдателя, что требовалось теорией Ньютона. Уравнения механики Ньютона являются инвариантными относительно преобразований Галилея. Уравнения электромагнетизма Максвелла не являются; наоборот, они являются инвариантными относительно преобразований Лоренца. Преобразованием Галилея для времени (между координатами времени t и t') является просто: $t' = t$. Преобразованием Лоренца для времени является:

$$t' = \frac{1}{\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}} \left(t - \frac{vx}{c^2} \right)$$

Когда скорость v приближается к 0, то преобразование Лоренца приближается к преобразованию Галилея, $t' = t$. Но при высоких скоростях, приближающихся к скорости света, обе формулы существенно расходятся и выдают совершенно различные значения.

Понимание противоречивости между механикой Ньютона и электромагнетизмом Максвелла привело Альберта Эйнштейна к открытию или изобретению специальной теории относительности. Неудовлетворенность несовместимостью была движущей силой поиска новой теории.

Общая теория относительности

Уравнения Максвелла были совместимы со специальной теорией относительности с самого начала, но уравнения Ньютона были несовместимы. (Например, масса частицы является постоянной в механике Ньютона, но она зависит от ее скорости в специальной теории относительности.) Введение специальной теории относительности разрешило проблему противоречивости в том, что касалось электромагнетизма, но было невозможно вместить динамику Ньютона в рамки релятивистского пространства-времени. Единственным способом выйти из противоречия было создание новой теории гравитации с самого начала, отбросив вообще динамику Ньютона, так была создана общая теория относительности.

Осознаваемое противоречие между гравитацией Ньютона и специальной теорией относительности подтолкнули Эйнштейна (и Дэвида Гильберта) к поиску новой теории гравитации. После нескольких лет мучительных поисков Эйнштейн в 1915 г. нашел и представил уравнения поля общей теории относительности, где гравитация была отождествлена с кривизной пространства-времени.

На каждом из этих этапов недовольство противоречивостью вело к большому теоретическому прогрессу, который исключал противоречие, увеличивал область действия теории и сохранял предыдущие результаты (как эффективные теории в их ограниченной области действия). Асимптотически, по мере того как

скорости уменьшаются, преобразования Лоренца сводятся к преобразованиям Галилея, а результаты Ньютона совпадают с результатами специальной теории относительности. Таким же образом, асимптотически, по мере того как плотности уменьшаются, результаты общей теории относительности совпадают с результатами специальной теории относительности. Поэтому хорошо проверенные результаты предыдущей теории, например, результаты ньютоновской механики в области низких скоростей (таких, например, которые встречаются на поверхности Земли) сохраняются, даже если обнаруживается противоречие в приложении этой теории за пределами ее ограниченной области действия. Но это противоречие считается неприемлемым научным сообществом и немедленно запускается лихорадочный поиск непротиворечивой и более общей теории.

Квантовая теория поля

Исследование атомных и субатомных областей открыли новый мир удивительных и неожиданных фактов, несовместимых с классической физикой. Чтобы объяснить их, потребовалось изобрести новую механику: квантовую механику. В 1926 г. Эрвин Шредингер предложил удобную волновую формулировку квантовой механики на основе своего только что открытого уравнения. Уравнение Шредингера описывает эволюцию во времени квантовой системы. Вскоре было обнаружено, что уравнение Шредингера не инвариантно при преобразованиях Лоренца. Поэтому классическая квантовая механика несовместима со специальной теорией относительности. Такая ситуация была недопустима, т. к. специальная теория относительности была тщательно проверена. Поэтому должна была измениться классическая формулировка квантовой теории. Необходимо было разработать новую теорию квантовой механики, объединяя идеи квантовой механики с идеями специальной теории относительности: квантовая теория поля. Именно осознаваемое противоречие между квантовой механикой и специальной теорией относительности привело Поля Дирака и других ученых к созданию квантовой теории поля. В 1928 г. Дирак сформулировал релятивистское волновое уравнение квантовой механики для электрона. Конечно, уравнение Дирака инвариантно относительно преобразований Лоренца. Тем

не менее развитие квантовой теории поля позднее было омрачено бесконечностями, которые возникли при вычислении нескольких физических величин. С этой проблемой столкнулись в 1940-х гг. Исиро Томонага, Джулиан Швингер и Ричард Фейнман. По словам Стивена Вайнберга: «Квантовая теория поля является тем, что она есть, т. к. [...] она является единственным способом примирить принципы квантовой механики с принципами специальной теории относительности»⁶.

Теории суперструн

Сегодня двумя основными опорами физики являются общая теория относительности и квантовая теория поля. Большой проблемой, вырисовывающейся на горизонте, является несовместимость этих двух теорий. Непрерывная кривизна пространства-времени общей теории относительности контрастирует с дискретным и неровным квантовым миром. Проблема остается несколько на заднем фоне, т. к. практикующие физики не используют обе теории совместно. Физики элементарных частиц используют квантовую теорию поля для исследования очень маленьких объектов, которые составляют атомный и субатомный мир. В этом мире гравитация является крайне слабой и может безопасно игнорироваться. Например, электростатическая сила, с которой протон в атоме водорода притягивает электрон почти в 1040 раз сильнее, чем гравитационное притяжение между этими же двумя частицами. Поэтому в физике элементарных частиц гравитация и ее теория (общая теория относительности) просто игнорируются, и поэтому никаких конфликтов не возникает. С другой стороны, вселенная огромна, и гигантские галактики и скопления галактик и звезд и пылевые облака, которые являются ее наиболее заметными компонентами, и даже темная материя (чем бы она ни была) почти исключительно управляются гравитацией. Общая теория относительности, наша лучшая теория гравитации, является основой обычных космологических моделей. Квантовые взаимодействия можно обычно игнорировать. Но это разделение иногда нарушается, как в изучении черных дыр, где огромные объемы материи (способные исказить простран-

⁶ Weinberg S. The Quantum Theory of Fields. Vol. I. P. XXI. Cambridge, 1995.

ство-время согласно общей теории относительности) сжимаются в крошечное пространство, где квантовые эффекты становятся неизбежными. В таких исключительных ситуациях физики чувствуют себя довольно некомфортно и подвергаются неизбежному риску противоречия. Несчастье несовместимости предположений общей теории относительности и стандартной модели физики элементарных частиц направляет в течение последних двадцати лет научный поиск теории квантовой гравитации, которая обеспечит одновременное непротиворечивое использование обеих теорий для одной и той же проблемы. Лучшими известными кандидатами являются теории суперструн (суперсимметричных струн) и, возможно, также петлевая квантовая гравитация.

Кризис возраста

Во второй половине XIX в. под влиянием Чарльза Лайеля и Чарльза Дарвина многие геологи и эволюционные биологи пришли к выводу, что Земля должна иметь возраст в миллиарды лет, чтобы осуществить медленные процессы геологии и эволюции. Тем не менее, когда физики начали делать вычисления, они получили значительно меньшие оценки возраста. Вильям Томсон (лорд Кельвин) смог вычислить, сколько потребуется времени для каменной глыбы размером с Землю, чтобы остыть до ее текущего состояния из начального расплавленного состояния. Он получил для Земли возраст между 20 и 40 миллионами лет. Немецкий физик Герман фон Гельмгольц вычислил возраст в 22 миллиона лет, а канадский астроном Саймон Ньюкомб получил 18 миллионов лет. Явное противоречие между существенно отличными гипотезами, поддерживаемые натуралистами с одной стороны и физиками с другой, породили значительное беспокойство и даже раздражение между двумя сообществами.

В конце концов геологи и биологи оказались правы, и противоречие разрешилось общим признанием их утверждения о возрасте Земли в несколько миллиардов лет (4,5 миллиардов лет, согласно текущим оценкам). Как могли лучшие физики получить такие существенно отклоняющиеся результаты? Их вычисления были правильными, но они игнорировали эффект радиоактивности, который еще не был открыт. Они не приняли в расчет тепло, кото-

рое продолжает генерироваться внутри Земли процессом радиоактивного распада. Когда радиоактивность была открыта в конце XIX в. и ее влияние добавлено в вычисления, противоречие было разрешено и было достигнуто более глубокое понимание внутренних процессов Земли.

Аналогичный случай возник в середине XX в. относительно возраста вселенной (времени, прошедшего с момента большого взрыва). Этот возраст вычислялся как функция постоянной Хаббла H_0 . До 1958 г. измерения H_0 были грубыми и неточными. В результате вселенная считалась моложе, чем она была на самом деле. С другой стороны, ядерная физика позволила астрофизикам вычислить возраст шаровидных скоплений звезд в нашей галактике. Оказалось, что вселенная должна была быть моложе, чем некоторые из ее собственных составляющих, таких как шаровые скопления, что невозможно. Это противоречие создало большую тревогу. Наконец, оно было разрешено новыми и значительно более точными измерениями H_0 . Сегодня мы оцениваем возраст вселенной примерно как 13,7 миллиардов лет, что соответствует значению постоянной Хаббла равному примерно 74,2 км/с/Мпк.

Темная материя

В 1933 г. Фритц Цвики исследовал движения и распределение масс галактик на краю скопления Волосы Вероники (Coma). Когда он применил вириальную теорему классической механики к полученным наблюдениям за движением, то Цвики был удивлен, обнаружив, что количество предполагаемой массы было значительно больше, чем объединенная масса звезд и другого светящегося материала. Эти результаты противоречили неясному предположению, что большая часть материи во вселенной является светящейся, материей излучающей свет или другую электромагнитную радиацию, как в случае со звездами и галактиками, которые мы видим на ночном небе. Это так называемая «проблема отсутствующей массы». Цвики не мог признать это противоречие. В 1934 г. он отбросил предположение, что большая часть материи является светящейся. Вместо этого он постулировал новый тип материи, которая не вступает в электромагнитные взаимодействия, но имеет гравитационное воздействие. Он назвал это темной материей.

В то время немногие астрономы знали об исследованиях Цвики. Примерно через сорок лет новые исследования движения звезд в галактиках, выполненные Верой Рубин, также позволили предположить присутствие большого ореола невидимой материи, простирающегося за пределы видимого диска галактики; другие исследования орбитальных движений галактик в их скоплениях также привели к аналогичному заключению. Внезапно большинство астрономов узнали о противоречии. Предположение Цвики о темной материи было позднее подтверждено исследованиями гравитационного линзирования и скоростей космологического расширения. Сегодня темная материя полностью включена в стандартную космологическую модель. Согласно текущим оценкам темной материи в пять раз больше чем обычной материи.

Ускорение расширения и темная энергия

Согласно оценкам, объединенная масса обычной материи и темной материи составляет около 27 % энергии во вселенной. Предполагается, что остальные 73 % существуют в форме темной энергии. Мы не знаем, что такое темная энергия; на самом деле, «темная энергия» (термин, придуманный Майклом Тернером в 1998 г.) является просто термином, которым мы обозначаем наше невежество в отношении того, что вызывает ускорение наблюдаемого расширения вселенной.

До 1998 г. почти все в космологическом сообществе верили, что расширение вселенной замедляется в связи с действием гравитации, которая действует как тормоз. Поэтому возникло всеобщее изумление при открытии, что расширение вселенной в действительности ускоряется, а не замедляется, как предполагалось ранее. Это заключение следовало из новых и согласующихся измерений расстояний до удаленной сверхновой типа Ia, сделанных независимо группами Сола Перлмуттера в Калифорнии и Брайана Шмидта в Австралии. Данные результаты противоречили предыдущим предположениям стандартной космологической модели. Чтобы избежать противоречия, эти предположения были отброшены и была введена модель вселенной с 73 % темной энергии. Это не слишком хорошо, т. к. никто не знает, о чем мы

говорим. Но даже это использование неизвестной, но объясняющей «темной энергией» считалось более желательным, чем оставаться просто еще на один день с противоречием.

Понятие непротиворечивости играет роль регулирующей идеи (в кантовском смысле) в развитии и прогрессе науки. Мы никогда не сможем быть уверены, что наши теории непротиворечивы, но обнаружение противоречия всегда ведет к глубокому кризису и требует от ученых энергичных усилий, чтобы найти или изобрести новую и более удовлетворительную теорию.

Материальные аспекты теоретической рациональности

Формальные ограничения являются необходимыми, но недостаточными условиями полной рациональности. Как мы видели в случае практической рациональности, необходимы также некоторые материальные связи с реальностью. То же самое происходит здесь. Формальные ограничения теоретической рациональности совместимы с любым безумным содержимым, если оно является непротиворечивым. Если я верю, что я – Наполеон и что Наполеон родился на Корсике, тогда – чтобы сохранить непротиворечивость – я должен верить, что родился на Корсике. Но я не являюсь Наполеоном, и я не родился на Корсике. Требуется нечто большее, чем только непротиворечивость, чтобы исключить такие ложные заключения и достичь нашей когнитивной цели точного представления мира.

Непротиворечивый шар наших убеждений должен быть связан с реальностью через материальные связи наблюдения, эксперимента, проверки, подтверждения и успешного приложения. Мы не можем углубляться здесь в роль восприятия, обнаружения и эксперимента в эмпирической науке. Вместо этого давайте рассмотрим немного роль моделей в научной рациональности.

Модели

Реальность часто является слишком сложной, чтобы быть охваченной сетями наших теорий. В таких случаях мы должны идти путем упрощения и математического моделирования. Представьте

себе неизмеримую сложность реальной поверхности Земли. Никакая известная или возможная геометрия не может описать все ее богатства в деталях. Существуют всевозможные, неожиданные и постоянно изменяющиеся компоненты: мои волосы, проезжающие автомобили, летящие птицы, горы, облака, капли дождя, волны на море, крупинки песка, листья деревьев, каждая улыбка на лице. Однако геодезисты должны определять площади, а авиакомпании вычислять расстояния. Этот тип земных дел требует упрощенного представления, модели поверхности Земли. Можно использовать евклидову сферу или сжатый у полюсов сфероид в качестве модели, которая позволяет проводить вычисления и давать приблизительные ответы на наши вопросы.

Логическая структура научной модели всегда является некоторой математической структурой. Всякий раз, когда проблемы становятся слишком сложными, мы ищем в математическом универсуме структуру с определенным сходством с важными свойствами проблемной системы. Математический или теоретико-множественный универсум настолько богат, что мы часто находим искомую структуру. Прагматическая функция модели состоит в ответе на вопросы о моделируемой реальной системе. Модель чего-то является машиной для ответа на вопросы об этой вещи.

Математическая структура или модель не должна что-то представлять. Не существует представления без предъявления. Многие предложенные модели не находят соответствующие им элементы реальности. Модели являются предложениями, которые мы делаем для реальности; реальность может принять или отвергнуть их. Многие модели, рассматриваемые в современной космологии и теоретической физике являются не более чем предложениями, еще не принятыми и не отвергнутыми природой.

Эмпирическая и спекулятивная наука

В 1920-е гг. философы науки были заняты обсуждением так называемой проблемы демаркации: как задать критерий и провести линию, разделяющую науку и ненауку, надежное знание от простой спекуляции. Сегодня эта проблема размещается в центре самой научной деятельности: как отделить надежную эмпириче-

скую науку, хорошо проверенную и эмпирически поддержанную, от простой научной спекуляции (какой бы изощренной она ни была с математической точки зрения).

С одной стороны, достаточно быстро и приблизительно, я бы предложил поместить на стороне надежной эмпирической науки следующие дисциплины и модели:

- астрономия
- общая теория относительности
- стандартная модель большого взрыва в космологии
- квантовая теория поля
- стандартная модель физики элементарных частиц
- с другой стороны, я бы считал ненадежной спекулятивной наукой следующие теоретические разработки:
 - инфляционная космология
 - теория суперструн (и М-теория)
 - мультивселенную

Модель большого взрыва

Стандартная модель большого взрыва является простейшей моделью вселенной, которая находится в приблизительном согласии со всеми наблюдаемыми явлениями. Она известна также как модель холодной темной материи с темной энергией (Λ CDM). Она принимает во внимание ускоренное расширение вселенной, существование и спектр космического фонового микроволнового излучения, структуру большого масштаба скоплений галактик и крупномасштабное распределение водорода, гелия, лития и кислорода в наблюдаемой вселенной.

Хотя космология является плодородной почвой для множества умеренных или диких спекуляций, стандартная космологическая модель большого взрыва обладает впечатляющей эмпирической поддержкой. Прежде всего, лежащая в ее основе теория гравитации, общая теория относительности, с блеском прошла повторные наблюдательные и экспериментальные тесты, которым она была подвергнута, таким как обнаружение гравитационных линз и точное вычисление минимальных изменений (благодаря излучению гравитационных волн) периода обращения би-

нарного пульсара, обнаруженного в 1974 г. Халсом и Тейлором. Кроме того, модель большого взрыва адекватно справляется с тремя важными эмпирическими фактами: расширением вселенной, относительным избытком химических элементов и космической фоновой микроволновой радиацией.

Стандартная модель большого взрыва приобрела успех, и отражает, кажется, важные свойства реального мира. Но вселенная не всегда благосклонна к нашим моделям. Иногда вселенная говорит «нет» и отвергает наши предложения. Иногда она даже дробит и разрушает предыдущий консенсус научного сообщества. Например, в 1929 г. Эдвин Хаббл обнаружил расширение вселенной. Ни один философ, ученый или мыслитель никогда не предполагал и не предвидел, что вселенная является просто взрывом, где галактики разлетаются друг от друга. В 1964 г. Арно Пензиас и Роберт Вилсон, два инженера телефонной компании Белл, случайным образом обнаружили фоновую микроволновую радиацию, занимаясь поиском источников помех в телефонных линиях. В 1998 г. Сол Перлмуттер и Брайан Шмидт измерили расстояние до удаленной сверхновой типа Ia и обнаружили ускорение космического расширения. Все руководства, опубликованные в том году, говорили о замедлении расширения, но вселенная разрушила это ожидание. В научной игре только природа всегда является определяющим игроком. Это самый главный материальный аспект теоретической рациональности, который философы науки должны принимать в расчет.

Перевод с англ. к.ф.н. Е.О. Труфановой

Д. Вандервекен

О несовершенной, но минимальной рациональности человеческих агентов

Я подвергну критике общераспространенный логический анализ высказываний, осуществленный Хинтиккой, в соответствии с которым человеческие агенты являются либо полностью рациональными, либо абсолютно иррациональными существами. Я представлю принципы общей логики пропозициональных установок любых когнитивных или волевых модусов, представляющих наши несовершенный минимальный уровень рациональности. В моем подходе психологические модусы пропозициональных установок опираются на отличные от основных картезианских категорий познания и воли компоненты. Я дам рекурсивное определение множества всех психологических модусов. Комплексные модусы образуются путем присоединения к двум примитивным модусам веры и желания специальных когнитивных или волевых операций и специального пропозиционального содержания или подготовительных условий. Я буду рассматривать субъективные, а также объективные возможности и рекурсивно объяснять условия наличия и удовлетворения всех пропозициональных установок. Мой логический подход объясняет, почему логически эквивалентные пропозиции не являются содержанием одних и тех же установок и почему человеческие агенты не являются логически всеведущими. Он может быть интегрирован в общую теорию действия, объясняя правильный характер преднамеренных действий и фундаментальные законы рациональности в процессе осуществления деятельности и пересмотра установок.

Как указывал Brentano¹, агенты пропозициональных установок и преднамеренные действия носят интенциональный характер: они направлены на объекты и факты мира. С логической точки зрения пропозициональные установки имеют логически связанные условия наличия и удовлетворения. Имеющий пропозициональную установку находится в определенном ментальном состоянии: он или она должны быть в состоянии определить, что должно произойти в мире, так, чтобы его установка была удовлетворена. Полагания достоверны всякий раз, когда они истинны, желания – когда они реализуются, и намерения, когда они выполняются. Таким образом, агенты, имеющие полагания, представляют, как в соответствии с ними обстоят дела в мире, а агенты, имеющие желания, представляют вещи такими, какими бы они хотели их увидеть в действительности. Агенты, имеющие намерения, представляют, что они должны сделать, чтобы осуществить свои намерения. Пропозициональные установки состоят из психологического модуса М с пропозициональным содержанием Р. Они являются простейшими видами индивидуальных установок, направленных на факты. Моей основной целью является адекватная экспликация условий наличия и удовлетворения всех пропозициональных установок и характеристика специфической природы рациональности агентов, обладающих такими установками. В соответствии со стандартом эпистемической логики человеческие агенты либо полностью рациональны, либо абсолютно иррациональны. Я займу промежуточную позицию, совместимую с современной философией сознания и психологией: в соответствии с ней человеческие агенты не полностью, но минимально рациональны. В рамках моего логического подхода можно сформулировать адекватные законы психологического обязательства и избежать существующих эпистемических и волитивных парадоксов. С целью обратить внимание на феномен минимальной рациональности² я буду использовать ресурсы неклассической пропозициональной логики предикатов, которая проводит различие между предложениями с одними и теми же условиями истинности, не имеющими одного и того же когнитивного или волитивного значения. Я объясню мой

¹ Brentano F. *Psychology from an Empirical Standpoint*. L., 1993.

² Термин «минимальная рациональность» был впервые введен в работе Кристофера Черняка: *Cherniak C. Minimal Rationality*. M.I.T. Press, 1986.

логический анализ пропозиционального содержания в первом разделе. Далее я рассмотрю компоненты психологических модусов и объясню условия владения пропозициональными установками. Я объясню в четвертом разделе условия удовлетворения пропозициональных установок. В последнем разделе я подвергну краткой критике стандартный скептицизм относительно логики практического разума, и перечислю основные действующие законы моей логики установок, имеющих отношение к рациональности.

1. Анализ пропозиционального содержания установок

Пропозиции с одинаковыми истинностными значениями не служат содержанием одних и тех же установок. Кроме того, мы не знаем априорно, т. е. в силу нашей компетентности, необходимые истинностные значения многих пропозиций. Нам приходится изучить многие существенные атрибуты объектов. Под существенной атрибуцией объекта я подразумеваю ту атрибуцию, которой он действительно обладает при любых возможных обстоятельствах. Существенной атрибуцией каждого человеческого агента является наличие определенных родителей. Но некоторые не знают своих родителей. Другие ошибаются относительно своей идентичности, в этом случае они имеют ложные полагания. Тем не менее, когда агенты противоречивы, они остаются паранепротиворечивыми: они ни во что не верят и ничего не желают.

В соответствии со стандартной логикой установок³ отношения психологической совместимости для истины полагания и реализации желания являются модальными отношениями достижимости между агентами и моментами, с одной стороны, и возможными обстоятельствами, с другой стороны. Возможные обстоятельства совместимы с истинностной характеристикой полагания агента в данный момент времени. В каждой модели каждому агенту a и моменту m соответствует уникальное множество Полагание(a, m) из возможных обстоятельств, которые совместимы с истинностной характеристикой всех полаганий агента в данный момент времени. С точки зрения Хинтикки, агент полагает некоторую пропозицию

³ Hintikka J. Semantics for Propositional Attitudes // L.Linsky (ed.). Reference and Modality. Oxford (U.P.), 1971.

в некоторый момент времени, когда эта пропозиция истинна при всех возможных обстоятельствах, совместимых с тем, по отношению к чему осуществляется данное полагание. При таком формальном подходе человеческие агенты логически всеведущи. Они полагают все необходимо истинные пропозиции и их полагания замкнуты относительно логической импликации. Более того, человеческие агенты либо полностью рациональны, либо полностью иррациональны. Они полностью рациональны, если по меньшей мере одно из возможных обстоятельств совместимо с тем, что они полагают. В противном случае они абсолютно иррациональны. Тот, кто полагает, что необходимо ложное высказывание истинно, убежден во всех остальных пропозициях в соответствии со стандартным подходом. Но этот вывод явно ложный.

В логику можно ввести так называемые *условия невозможности*, при соблюдении которых необходимо ложные высказывания будут считаться истинными, но это действие напоминает введение гипотезы *ad hoc* и не является ни необходимым, ни достаточным. В моем подходе все условия остаются *возможными*. Таким образом, объекты сохраняют их основные свойства (каждый из нас сохраняет своих настоящих родителей) и необходимо ложные высказывания остаются ложными при всех обстоятельствах. Для того чтобы учесть человеческую склонность к противоречиям, мы должны рассмотреть наряду с *субъективными* и *объективные* возможности. Многие субъективные возможности не являются *объективными*. Таким образом, мы нуждаемся в неклассической логике. Моя пропозициональная логика является *предикативной* в том общем смысле, что она учитывает акты предикации, которые агенты осуществляют в выражении и понимании пропозиций⁴.

На мой взгляд, каждая пропозиция имеет конечную структуру *составляющих (конституентов)*. Она предиктирует атрибуты (свойства или отношения) *объектов, подводимых под понятия*. Мы понимаем пропозицию, когда мы понимаем, какими атрибуциями должны обладать объекты референции в некоторых возможных обстоятельствах для того, чтобы эта пропозиция оказа-

⁴ Смотрите мое исследование «Propositional Identity, Truth According to Predication and Strong Implication» in my collective book: *Logic, Thought & Action*. Dordrecht, 2005. P. 185–216 и «Aspects cognitifs en logique intensionnelle et théorie de la vérité» в: *Dialogue*. 2009. Vol. 48. № 1. P. 103–128.

лась истинной при этих обстоятельствах. Как отметил Фреге⁵, мы всегда ссылаемся на объекты, относя их к смыслам. Мы не можем непосредственно иметь в виду отдельные объекты, подобно материальным телам и лицам. Скорее мы имеем в виду *понятия* индивидов, и мы косвенно упоминаем о них с помощью этих понятий. Таким образом, наши установки скорее направлены на *индивидов, подпадающих под концепт* (так называемые индивидуальные концепты), чем на индивидов как таковых. Большинство установок, направленных на индивида, подпадающего под концепт, не направлены на то же лицо, подпадающее под другие концепты. Признавая важнейшую роль концептов в референции, предикативная логика также принимает во внимание установки, направленные на несуществующие и даже невозможные объекты.

В дополнение к анализу структуры составляющих пропозиций логика также нуждается в лучшей экспликации их условий истинности. Мы понимаем большинство пропозиций, не зная, при каких обстоятельствах они истинны, поскольку во многих случаях мы игнорируем *действительные денотаты* большинства атрибутов и понятий. Можно обратиться к жене друга, не зная, кто она. Тем не менее мы всегда можем думать о личности, которая могла бы быть его женой. Так что в любом возможном использовании и интерпретации языка есть множество *возможных приписываний денотатов*, атрибуций и концепций, в дополнение к стандартному *действительному приписыванию денотата*, которое связывает с каждой пропозициональной составляющей ее фактический денотат при всех возможных обстоятельствах. Они являются функциями того же типа, который соотносит с каждым индивидуальным концептом уникальную индивидуальность или вообще ее отсутствие во всех возможных обстоятельствах. В соответствии с реальным приписыванием денотата жена моего друга, – это женщина, на которой он действительно женился, если он и в самом деле состоит в браке. В соответствии с другими возможными приписываниями денотата, его жена – другая личность или даже он не состоит в браке. Несмотря на их различия, все возможные приписывания денотата учитывают *постулаты смысла*, которые говорящие усвоили в процессе обучения их языку. В любом случае, жена – замужняя женщина. Мы игнорируем реальные обозначения

⁵ Frege G. Logical Investigations. Yale Univ. Press, 1977.

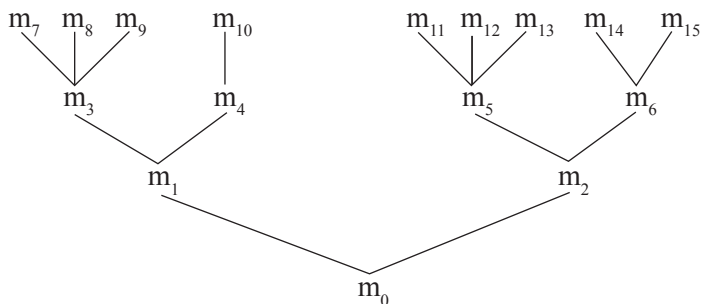
большинства концептов и атрибуций во многих случаях. Но мы можем думать о денотатах, которые они могут иметь. Когда мы мыслим некоторые атрибуции или концепты, с нашими полаганиями относительно них *совместимы* лишь некоторые возможные приписывания денотатов данным атрибуциям и концептам. Предположим, что вы полагаете, что жене моего друга меньше 30 лет. В этом случае возможные приписывания денотата, в соответствии с которыми он состоит в браке с женщиной старше, несовместимы с вашими полаганиями. Возможные приписывания денотата, а не возможные обстоятельства совместимы с убеждениями агентов. Так что моя логика объясняет субъективные вероятности.

В моем подходе истинное определение имеет отношение и к возможным обстоятельствам и к приписыванию денотата. Элементарная пропозиция, утверждающая наличие экстенционального свойства отдельного объекта в каком-либо концепте, истинна в некоторых обстоятельствах, в соответствии с некоторым присвоением денотата, когда объект, который подпадает под этот концепт, обладает данным свойством в данных обстоятельствах. В противном случае пропозиция ложна в данных обстоятельствах в соответствии с данным присвоением. В процессе понимания пропозиций, мы, как правило, не знаем, являются ли они истинными или ложными. Мы лишь знаем, что их истинность в данных условиях оказывается совместимой с конкретным приписыванием денотата их концептам и атрибуциям и несовместима со всеми остальными присвоениями. Большинство пропозиций поэтому имеют *множество возможных условий истинности*. Конечно, для того, чтобы пропозиция была истинной при данных обстоятельствах, она должна быть *истинной при этих обстоятельствах в соответствии с действительным приписыванием денотата*. Таким образом, среди всех возможных условий истинности пропозиции есть действительные *Карнаповы условия истинности*, соответствующие множеству возможных обстоятельств, в которых – при действительном приписывании денотата – данная пропозиция является истинной.

На мой взгляд, пропозиции *тождественны*, когда они делают одинаковые предсказания, и они истинны при тех же обстоятельствах в соответствии с теми же возможными приписываниями денотата. Такой тонкий критерий тождества пропозиций

объясняет, почему многие строго эквивалентные предложения имеют различную когнитивную ценность. Пропозиции, выражение которых требует различных предсказаний, имеют различную структуру составляющих. Поэтому необходимо истинными являются предложения, что матери – это женщины, а эритроциты – красные. Мой критерий тождества также позволяет различать те пропозиции, истинностная характеристика которых при одних и тех же обстоятельствах и в силу одних и тех же возможных приписываний денотатов их составляющим нам не известна. Некоторые необходимо истинные предложения являются чистыми тавтологиями, которые мы знаем *априори*. Для того чтобы быть *необходимо истинной*, пропозиция должна быть истинной при любых возможных обстоятельствах в соответствии с действительным приписыванием ей денотата. Для того чтобы быть *тавтологически истинной*, эта пропозиция должна быть также истинной в каждом конкретном случае в соответствии с каждым возможным приписыванием денотата по отношению к конституирующим его смыслам. В отличие от предположения, что матерью Эдипа является мать, необходимо истинная пропозиция, что матерью Эдипа является Иокаста – не является чистой тавтологией: в соответствии с некоторым приписыванием денотата она может быть ложной. Теперь мы можем эксплицировать субъективные и объективные возможности. Пропозиция субъективно возможна в том случае, если она истинна в некоторых обстоятельствах в соответствии по крайней мере с одним из возможных приписываний денотата. Для того чтобы быть *объективно возможной*, она должна быть истинной в некоторых обстоятельствах в соответствии с действительным приписыванием денотата. Некоторые субъективные возможности объективны.

Логика пропозициональных установок нуждается в концепции ветвящегося времени, совместимой с принципом индетерминизма. Отношения и действия человеческих агентов не детерминированы. В то время как они делают или думают о чем-либо, они могли бы сделать иное и подумать о чем-либо ином. В ветвящемся времени, момент – завершённое возможное состояние реального мира, существующее в некоем неделимом временном отрезке (*инстанте*), и временные отношения последовательности между моментами скорее дискретные, а не линейные. Существует один единствен-

ный путь в прошлое. Тем не менее, есть несколько будущих маршрутов. Следовательно, множество моментов времени представляет древоподобную структуру следующего вида:

Максимальная цепь h моментов времени называется историей. Она представляет собой *возможный ход истории нашего мира*. Некоторые истории имеют первый и последний момент. В соответствии с этими историями мир имеет начало и имеет конец. Как указал Белнап⁶, *каждое возможное обстоятельство* является парой, состоящей из момента t и истории h , которой принадлежит данный момент. Благодаря истории временная логика может анализировать такие важные модальные понятия, как понятие установленной истины и исторической необходимости. Конкретные пропозиции *истинны в некоторый момент* в соответствии со всеми историями. Их истинность, таким образом, основывается на этом моменте вне зависимости от того, какие события произойдут позднее. Таковы пропозиции, в соответствии с которыми агенты обладают пропозициональными установками. Тот, кто чего-либо желает в тот момент, желает, чтобы такая вещь не случилась позже. В отличие от прошлого, будущее открыто. Мир может продолжать свое существование в различных направлениях вследствие наличия моментов неопределенности. Таким образом, истина будущих пропозиций не будет утверждена в такие моменты. Это зависит от того, какое историческое продолжение получит данный момент. Когда существуют различные возможные исторические варианты развития некоторого момента, его действительное будущее развитие не является детерминированным.

⁶ Belnap N., Perloff M., Ming Xu. Facing the Future. Agents and Choices in Our Indeterminist World. Oxford, 2001.

Однако, как отметил Оккам⁷, если мир будет и далее продолжать свое существование после некоторого момента времени, то он будет продолжать его единственно возможным способом. Действительное историческое продолжение любого не финального момента уникально даже в том случае, если оно не детерминировано в данный момент времени. Индетерминизм не может помешать его уникальности. В соответствии с философией сознания человеческие агенты, которые направлены в силу своей интенциональности на вещи и факты мира, по своей природе ориентированы в каждый момент своей жизни к реальному продолжению мира. Мы все теперь игнорируем, как мир будет продолжаться, но мы по своей природе ориентированы на каждый момент времени по отношению к реальному продолжению этого момента, и мы всегда отличаем концептуально эти реальные продолжения от других возможных продолжений, каждый раз, когда мы будем действовать и думать. Тот, кто предвидит будущее или желает будущих фактов, предполагает или желает, чтобы эти факты осуществились в реальном будущем. Так что в моем подходе⁸ наши элементарные иллюкации и пропозициональные установки в каждый момент времени имеют или будут иметь определенное значение удовлетворенности, даже если это значение удовлетворенности по-прежнему является неопределенным, когда у них есть будущее пропозициональное содержание⁹. Для того чтобы сдержать данное в настоящем обещание и осуществить имеющееся сейчас намерение относительно чего-либо впоследствии, агент должен делать это в реальном продолжающемся существовании мира. Другие возможные с точки зрения истории продолжающиеся способы существования значения не имеют.

В соответствие с моей темпоральной логикой любой момент t имеет присущую ему историю h_m в каждой модели. Всякий раз, когда момент t является окончательным моментом истории h , эта история h является присущей ему историей h_m . Всякий раз, когда он не является окончательным, все моменты t' , которые принад-

⁷ См.: *Prior A.N.* Past, Present and Future. Oxford, 1967.

⁸ См.: *Principes de pragmatique formelle du discours // Philosophiques.* 2007. Vol. 34. № 2. P. 220–258.

⁹ N.Belnap, M.Perloff, Ming Xu не признают идеи, что каждый момент высказывания имеет соответствующую ему историю.

лежат присущей ему истории, имеют, конечно же, ту же присущую им историю. Пропозиция будет *истинна в момент t* в соответствии с приписыванием денотата, когда она истинна в момент t в истории h_m этого момента в соответствии с данным приписыванием.

Два момента времени t и t' являются коинстантными, когда они принадлежат к тому же мгновению. Коинстантные моменты находятся на одной горизонтальной линии в каждой древоподобной структуре. Можно анализировать историческую необходимость, выделяя коинстантные моменты. Пропозиция *необходимо так, что P* (в символическом выражении $\Box P$) истинна в некоторый момент времени, если P истинна во всех коинстантных моментах в соответствии со всеми историями. Понятие исторической необходимости сильнее, чем понятие установленной истины. Представленный факт в таком случае не только установлен, но и неизбежен. Согласно традиционной философии, нет неизбежных действий и намерений. Кроме того, возможные причины и следствия, если говорить о действиях некоторого агента в некоторый момент сводятся к тем, которые являются возможными результатами того способа, каким был выражен мир до этого момента. Как отметил Белнап, для того, чтобы эксплицировать историческую значимость, мы должны рассмотреть коинстантные моменты, имеющие одно и то же прошлое. Я буду называть такие моменты *альтернативными моментами*. Таким образом, m_1 и m_2 являются альтернативными моментами в последней фигуре. Логическая или универсальная необходимость сильнее исторической необходимости. Пропозиция, что всегда необходимо P (в символическом выражении: $\blacksquare P$) истинна в некоторых обстоятельствах, когда P является истинной во всех возможных обстоятельствах. В этом случае факт представляется всегда неизбежным. Предложение P является чисто тавтологическим, когда оно верно при всех возможных обстоятельствах в соответствии с любым возможным приписыванием денотата. Понятие чистой тавтологичности является сильнейшим модальным понятием. Представленный факт в таком случае – аналитически неизбежная субъективность, также как и объективность.

2. Мой новый подход в логике пропозициональных установок¹⁰

Как я уже отмечал ранее, пропозициональные установки человеческих агентов – это установки по отношению к объектам, которые они представляют с помощью понятий. Каждый агент имеет в виду сознательно или потенциально¹¹ определенное множество атрибуций и концепций в каждый момент времени. Этот набор пропозициональных составляющих, конечно, пустой, когда агента не существует. На мой взгляд, ни один агент не может иметь пропозициональную установку, не имея в виду все атрибуции и концепты ее содержания. В противном случае он или она не смогли бы определить, при каких условиях эта установка удовлетворяется. Для того чтобы желать быть епископом, необходимо понимать характерные особенности, определенные значением свойства «быть епископом».

Во-вторых, возможные приписывания денотатов пропозициональным составляющим в большей степени, чем возможные обстоятельства, совместимы с удовлетворением установок агентов. Так, каждому агенту a и моменту t в каждой модели соответствует уникальное множество Полагание(a, t) возможных приписываний денотата по отношению к атрибутам и концептам, которые совместимы с истинностной характеристикой полагания этого агента в данный момент времени. Когда агент a не имеет в своем сознании атрибуций или концептов в момент t , множество Полагание(a, t) является множеством *Val* всех возможных приписываний денотата для обозначения смыслов. Следовательно, этот агент не имеет никаких пропозициональных установок. В противном случае Полагание(a, t) всегда является *непустым собственным подмножеством* множества *Val*. Ибо кто имеет в виду пропозициональные составляющие, тот соблюдает постулаты смысла, руководствуясь ими в возможном использовании и интерпретации языка. Следова-

¹⁰ См. мою работу: «A General Logic of Propositional Attitudes» в: C.Dégrémont *et al* (eds.). *Dialogues, Logics and Other Strange Things*. 2008. Vol. 7. Ser. Tributes. P. 449–483.

¹¹ В каждый осознанный момент нашего существования мы бессознательно имеем множество концептов и атрибуций, которые мы можем в принципе выразить в этот момент данным нам языком.

тельно, всегда имеется возможное приписывание денотатов этим составляющим, совместимое с тем, что полагает данный агент. На мой взгляд, агент *a* полагает, что некоторая пропозиция истинна в момент *t*, когда он или она имеют в своем сознании все составляющие ее содержание концепты и атрибуции, и эта пропозиция истинна в данный момент в соответствии с возможным приписыванием денотата, принадлежащем множеству *Полагание(a,t)*, совместимыми с истиной его или ее полаганий в данный момент. Мы все в данный момент времени имеем полагания, имеющие отношение к будущему (предвидения, ожидания). Такие полагания истинны, если все продолжит свое существование в *действительном будущем продолжении* настоящего момента в соответствии с нашими полаганиями. Другие возможные исторические варианты развития значения не имеют.

Кроме того, каждому агенту *a* и моменту *t*, соответствует в каждой модели уникальный непустой набор *Желание(a,t)* возможных приписываний денотата для обозначения атрибуций и концепций, совместимых с осуществлением всех желаний этого агента в данный момент. Агенты могут полагать, но они не могут желать, чтобы объекты обладали свойствами или поддерживали отношения без возможности изменения. Всякое желание сопряжено с предпочтением. Тот, кто нечто желает, выделяет два различных способа, которыми представляемые объекты могут быть явлены в реальном мире. В соответствии с первым объекты в мире существуют как желает агент, в то время как в соответствии со вторым они существуют иначе. Желание агента осуществляется в первом случае, оно нереализованно – во втором случае. Таким образом, для того, чтобы агент *a* желал *факт, представленный пропозицией P* в момент *t*, недостаточно наличия в сознании агента всех атрибуций и концептов пропозиции *P* и того, что данная пропозиция *P* является истинной в данный момент времени, в соответствии со всеми приписываниями денотатов множеству *Желание(a,t)*, совместимыми с реализацией его или ее желания в данный момент. Эта пропозиция должна быть, кроме того, ложной для этого агента по крайней мере при одном обстоятельстве. В противном случае агент не предпочел бы существование представленного факта.

Мое объяснение полагания и желания совместимо с философией сознания. Оно учитывает бессознательные и сознательные установки. Тот, кто имеет осознанное полагание или желание, несет в сознании все атрибуции и концепты его пропозиционального содержания. Тот, кто имеет бессознательное полагание или желание, бессознательно подразумевает некоторые его атрибуты и понятия. Он или она могли бы тогда выразить эти чувства с помощью его или ее языка. Мой подход также объясняет тот факт, что человеческие существа не являются *ни логически всеведующими, ни полностью рациональными*. Агенты никогда не имеют в сознании всех возможных концептов и атрибуций. Они игнорируют значение некоторых слов из их языка. Кроме того, наши естественные языки имеют ограниченные выразительные возможности. Мы часто обнаруживаем новые концепты и атрибуции, а затем обогащаем наш язык, чтобы выразить их. Таким образом, агенты *игнорируют* тавтологические, равным образом как и необходимые истины. Наше знание носит ограниченный характер: мы игнорируем, какие объекты обладают многими свойствами при многих обстоятельствах, особенно относительно будущих обстоятельствах. В этом случае приписывания, связывающие различные денотаты этих свойств в этих обстоятельствах, совместимы с нашими полаганиями. Мы обладаем ложными полаганиями и неудовлетворенными желаниями. Таким образом, реальное приписывание денотата может быть несовместимо с удовлетворением наших полаганий и желаний. Возможные приписывания денотата, совместимые с нашими полаганиями и желаниями, кроме того, отступают от существенных свойств объектов. В этом случае мы обязательно имеем ложные полагания и нереализованные желания. Мой анализ объясняет, почему мы иногда *противоречивы*.

Предикативная логика также объясняет, почему предложения, истинные при одних и тех же условиях, могут иметь различные когнитивные или волитивные значения. Некоторые из них имеют различные структуры составляющих. Таким образом, логически эквивалентными являются пропозиции, что матери являются женщинами и матери – женщины, но не трансфинитивные ординалы. Их выражение требует различных актов предикации. Другие пропозиции не являются истинными в соответствии с теми же возможными приписываниями денотата. Поэтому необходимо истинными являются предложения: киты есть киты и киты есть млекопита-

ющие. Мы не рассматриваем их в качестве истинных при тех же обстоятельствах. Таким образом, мы можем признать или полагать необходимыми истины, не признавая или полагая другие истины. Среди всех необходимых истин, некоторые являются *чистыми тавтологиями*, подобно пропозиции «киты есть киты», которые истинны при всех возможных обстоятельствах в соответствии со всеми возможными приписываниями денотата. В прошлом мы полагали, что киты были рыбами.

Однако человеческие *агенты всегда остаются минимально рациональными*: они не могут быть *полностью иррациональными*. Прежде всего, в соответствии с моим подходом, агенты не могут иметь полаганий относительно всего или желать всего, т. к. во всех моделях некоторые возможные приписывания денотата оказываются совместимыми с условиями удовлетворения их полаганий и желаний. Более того, тот, кто обладает определенными полаганиями и желаниями *eo ipso* привержен к обладанию другими. Действительно, все возможные приписывания денотата совместимы с нашими полаганиями и желаниями с соблюдением постулатов смысла. Человеческие агенты, следовательно, *минимально логически всеведущи*: они не могут иметь в своем сознании чистую тавтологическую пропозицию, не обладая при этом абсолютной уверенностью, что она необходимо истинна. Представленные объекты не могут существовать иначе, кроме как в зависимости от нас. Сходным образом, чистые противоречия (отрицания чистых тавтологий) представляются агенту ложными при любых возможных обстоятельствах. Мы не можем ни верить в абсолютно противоречивые вещи, ни желать абсолютно противоречивых вещей. Некоторые полагают, что арифметика обладает свойством полноты (необходимо ложное утверждение, если доказательство Гёделя верно). Но агенты никогда не могут верить в (или желать), полноту, и неполноту арифметики (чистое противоречие). Как я уже говорил, агенты полагают все чисто тавтологические пропозиции, которые они выражают. Однако они не могут желать существования фактов, представленных чистой тавтологией. Для того чтобы желать факты, они должны полагать, что эти факты могут не произойти. Можно пожелать выпить водки, можно также пожелать не пить водки. Но никто не может пожелать, пить или не пить водку. Моя предикативная логика эксплицирует новую сильную пропозицио-

нальную импликацию, гораздо более точную, чем строгая импликация Льюиса и важную для анализа сильных и слабых психологических обязательств. Пропозиция *строго имплицирует* другую пропозицию, когда тот, кто выражает данную пропозицию, способен осуществить все предикации другой пропозиции, и она не может быть истинной в некоторых обстоятельствах в соответствии с возможным приписыванием денотатов до тех пор, пока вторая пропозиция также не будет истинной в данных обстоятельствах в соответствии с данным приписыванием. Сильная импликация конечна, тавтологична, паранепротиворечива, разрешима и известна *a priori*. Тот, кто полагает некоторую пропозицию, также полагает любую другую пропозицию, которая сильно имплицирована из нее. Так как он или она понимают, что в противном случае она не может быть истинной.

3. Анализ психологических модусов и условий наличия установок

Декарт в своем трактате *Les passions de l'âme*¹² («Страсти души») проанализировал большое количество пропозициональных установок. Современная логика и аналитическая философия только рассматривают некоторые парадигматические установки, подобно полаганию, знанию, желанию и намерению. Можем ли мы использовать анализ Декарта для разработки более общей теории всех пропозициональных установок? Сёрл в работе «Интенциональность»¹³ подверг критике Декарта, который стремился свести все такие установки к полаганиям и желаниям. Различные виды установок, такие как страх, сожаление и печаль, могут быть сведены к той же сумме полаганий и желаний. Кроме того, наших намерений гораздо больше, чем желания сделать что-то с верой в то, что мы способны сделать это. Конечно, все когнитивные установки (например, убежденность, вера, уверенность, знание, определенность, предположение, гордость, высокомерие, удивление, изумление, способность поразиться, пред-

¹² Трактат «Les passions de l'âme» переиздан в: *Descartes R. Œuvres complètes. La Pléiade Gallimard, 1953.*

¹³ См.: *Searle J. Intentionality. Cambridge, 1982.*

видение, предвосхищение и ожидание) являются полаганиями, а все волевые установки (например, желание, воля, намерения, амбиции, планирование, надежды, стремления, удовлетворение, удовольствие, наслаждение, радость, веселье, развлечение, восторг, удовольствие, страх, сожаление, грусть, печаль, раскаяние, страх) являются желаниями.

В философии сознания полагания имеют соответствующее направление *реализации соответствия – от разума – к – вещам*. Тот, кто имеет когнитивную установку, намерен представить, каково положение вещей в мире. Такая установка реализуется, когда ее пропозициональное содержание соответствует вещам, как они явлены в мире. С другой стороны, желание есть противоположное направление реализации соответствия – от вещей-к-разуму. Волевые установки реализуются только тогда, когда вещи в мире соответствуют их пропозициональному содержанию. Каждое направление реализации соответствия между разумом и миром определяет, какая сторона виновата в случае неудовлетворенности. Когда полагание оказывается ложным, виноватым является агент, а не мир. Он должен был иметь другие мысли о мире. В таком случае агент легко исправляет ситуацию, изменяя свои полагания. Напротив, когда желание оказывается неудовлетворенным, виноватым является не агент, но мир. Объекты должны были быть другими. Агент иногда исправляет ситуацию, отказываясь или изменяя свои (его или ее) желания. Чаще всего он или она сохраняют это желание и остаются тогда неудовлетворенными.

Но психологические модусы делятся на другие компоненты, помимо *основных категорий познания и воли*. А теперь позвольте мне представить эти новые компоненты. Многие комплексные психологические модусы имеют соответствующее формирование полагания или желания, соответствующие условия их *пропозиционального содержания* или *соответствующие предварительные условия*. Мы ощущаем наши полагания и желания многими способами. Многие модусы требуют специального *когнитивного* или *волевого* пути полагания или желания. Таким образом, *знание* является полаганием, основанным на убедительных доказательствах, которые дают уверенность и гарантируют истину. Тот, кто имеет *намерение*, чувствует такое сильное желание, что он или она предрасположены действовать, чтобы удовлетворить это желание.

С логической точки зрения когнитивный или волитивный метод является функцией f_{π} , которая ограничивает базовые психологические категории. Подобно иллюкутивным силам, модусы также обладают *пропозициональным содержанием* и *предварительными условиями*. *Предвидения* и *ожидания* направлены в будущее. *Намерения* являются желаниями осуществить настоящие или будущие действия. С логической точки зрения условием пропозиционального содержания является функция f_{θ} , которая соотносит с каждым агентом и моментом множество пропозиций. Любой агент установки или иллюкуции *допускает* определенные пропозиции. Его или ее отношение и иллюкуция были бы *несовершенными*, если бы эти пропозиции были впоследствии ложными. Таким образом, *обещания* и *намерения* имеют предварительное условие, состоящее в том, что агент должен быть в состоянии совершить действие, представленное их пропозициональным содержанием. Никто из агентов не может лгать самому себе. Тот, кто имеет установку, и верит, и предполагает, что ее предварительные условия выполнены. Предварительное условие является функцией f_{Σ} , сопоставляющей каждому агенту, моменту времени и содержанию высказываний множество пропозиций, которые агент будет допускать и полагать, если он имеет установку с этим предварительным условием и пропозициональным содержанием. Множества познавательных и волитивных способов пропозиционального содержания и предварительных условий являются *булевыми алгебрами*. Они содержат *нейтральный* модус и *нейтральное* предварительное и пропозициональное условие, и они замкнуты относительно операций объединения и пересечения.

На основе моего анализа можно формально выделить различные модусы отношений: страх, сожаление и печаль, которые, очевидно, сводятся к той же сумме полаганий и желаний. Идентичные психологические модусы имеют те же компоненты. Условия обладания пропозициональными установками полностью определяются компонентами их модуса и их пропозициональным содержанием. По определению, агент *обладает когнитивной (или волитивной) установкой формы $M(P)$ в момент t* , когда он или она *полагают (или желают)* пропозициональное содержание P , он или она чувствует, такое полагание или желание, что P *когнитивным или волитивным способом π_M* соответствует психологиче-

скому модусу M , пропозиция P тогда удовлетворяет условия пропозиционального содержания $\theta_M(a, t)$ и, наконец, в таком случае агент осуществляет пресуппозицию и полагает все пропозиции, определенные предварительными условиями $\sum_M(a, t, P)$ модуса M относительно содержания P . Таким образом, агент имеет намерение P в момент, когда суждение P представляет настоящее или будущее действие того агента, он или она желает так сильно этого действия, что он или она стремится осуществить его и, кроме того, этот агент предполагает и верит в возможность его осуществления. Установка сильно связывает агента с другой установкой в некоторый момент времени, когда он или она не могут иметь этой установки, не имея другой. Таким образом, тот, кто полагает, что завтра будет идти дождь, предвидит дождь завтра. Некоторые установки сильно связывают одного агента с другим в определенные моменты времени. Кто бы ни полагал, что завтра будет идти дождь, предвидит дождь завтра.

Послезавтра то же самое полагание не будет предвидением. Оно будет представлением о прошлом. Некоторая установка включает другую установку в том случае, если она сильно связывает какого-либо агента с этой другой установкой в какой-либо момент времени. Есть слабые и сильные психологические обязательства, так же как есть сильные и слабые иллокутивные обязательства¹⁴. Следует проводить различие между явным наличием установки и простым психологическим обязательством по отношению к этой установке. Тот, кто полагает, что каждый человек смертен, отчасти полагает, что Навуходносор смертен, даже если он в своем сознании не имеет концепции Навуходносора и если он или она не обладают вторым полаганием. Никто не может одновременно быть убежденным в первой универсальной пропозиции и отрицать вторую.

Психологические модусы являются не просто последовательностью основных психологических категорий, познавательным или волитивным актом, условием пропозиционального содержания и предварительным условием. Их компоненты не являются логически независимыми. Некоторые компоненты определяют другие того же или другого вида. Таким образом, волитивный акт модуса намерения определяет условие пропозиционального со-

¹⁴ См.: Searle J., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge, 1985.

держания, чтобы оно представляло собой настоящее или будущее действие агента и предварительное условие, что этот агент в состоянии совершить это действие. Два примитивных модуса: полагание и желание являются самыми простыми когнитивными и волитивными модусами. Они не имеют специального познавательного или волитивного акта, никакого специального пропозиционального содержания или предварительного условия. Комплексные модусы можно получить путем добавления к примитивным модусам специальных когнитивных или волитивных средств, условий пропозиционального содержания или предварительных условий. Таким образом, модус предвидения $M_{\text{предвидение}}$ можно получить при добавлении к модусу полагания условия пропозиционального содержания $\theta_{\text{будущее}}$, которое соотносит с каждым агентом и моментом множество пропозиций, которые имеют отношение к будущему по отношению к этому моменту. $M_{\text{предвидеть}} = [\theta_{\text{будущее}}] \text{Полагание}$. Модус ожидания можно получить из модуса предвидения путем применения специального когнитивного метода, вследствие чего этот агент находится в состоянии ожидания. $M_{\text{ожидать}} = [\varpi_{\text{ожидание}}] M_{\text{предвидеть}}$. Модус надежды получается из модуса желания путем добавления специального когнитивного метода, в результате чего этот агент испытывает неопределенность в отношении существования и несуществования представленного факта и предварительного условия того, что этот факт в таком случае возможен. Модус удовлетворения получают от модуса желания путем добавления предварительного условия, что желаемое действительно существует. Модус *удовольствия* имеет, кроме того, волитивный акт, который удовлетворяя желание, порождает у агента состояние удовольствия и предварительное условие, что это является благом для агента. Поскольку все операции с модусами добавляют новые компоненты, они создают более сильные модусы. Установки $M(P)$ с комплексным модусом содержит установки $M'(P)$, модусы которых имеют меньше компонентов. Лексический анализ терминов установок, основанный на моем компонентном анализе, объясняет какие из них обозначают сильные психологические модусы. В приложении, чтобы продемонстрировать основные преимущества, я буду использовать семантические таблицы. С логической точки зрения пропозициональные установки не являются парами, состоящими из модуса и пропозиции. Установки с таким же пропозициональ-

ным содержанием и условиями наличия выполняют такую же роль в психической жизни. *Полагание*, что всегда будет так, что $2 + 2 = 4$ является *предвидением*.

4. Анализ условий удовлетворения пропозициональных установок

Общее понятие *условия удовлетворения* в логике основано на соответствии. Агенты пропозициональных установок и элементарных иллокутивных актов направлены на факты мира, представленные их пропозициональным содержанием. Чаще всего они устанавливают соответствие между идеями и вещами в случае установок и между их словами и вещами в случае иллокуций. Их установки, и иллокуции имеют по этой причине *условия удовлетворения*. Для того чтобы в данный момент времени установка или иллокуция агента была *удовлетворена*, должно быть реализовано соответствие между идеями этого агента или словами и представленными вещами мира в данной истории этого момента. Агенты живут и сохраняются в недетерминированном мире. Их будущее открыто. В каждый момент, когда они думают и действуют, они игнорируют, как мир будет развиваться далее.

Тем не менее их установки и действия всегда направлены на реальное историческое продолжение. Для того чтобы настоящее желание, направленное в будущее, исполнилось, недостаточно того, что вещи будут в следующий момент таковы, как того желает агент. Они должны быть таковыми позже в реальном будущем. Таким образом, удовлетворение пропозициональных установок и элементарных иллокутивных актов агента в данный момент, требует *истины в тот самый момент* их пропозиционального содержания. Понятие *удовлетворения* является обобщением понятия фактической истины, которая охватывает установки и элементарные иллокуции с не пустым направлением реализации соответствия¹⁵.

¹⁵ Для правильного объяснения условий удовлетворения мы нуждаемся в присоединении актуальности. Пропозиция формы *Актуально P* истинна в некоторых обстоятельствах m/h , когда она истинна в момент t в соответствии с ее историей h_m .

Так же, как полагание удовлетворено в данный момент, если оно тогда истинно, удовлетворение вожелдений и желаний происходит в том случае, если они реализованы, предвидение, ожидание, надежда и стремление удовлетворяются, если они будут выполнены, намерение, проект и план – когда они осуществлены, страх и испуг – тогда, когда то, чего опасаются, не свершилось.

Существуют четыре возможных направления реализации соответствия между сознанием и вещами, т. к. имеются четыре возможных направления реализации соответствия между словами и вещами. Как и ассертивные иллокутивные акты, когнитивные установки обладают направлением реализации соответствия от сознания к вещам. Они удовлетворены, когда их пропозициональное содержание истинно в момент рассмотрения. Идеи агента соответствуют наличным вещам мира. В когнитивном случае, когда агент понимает, что нет соответствия, он сразу же меняет свои идеи. Вот почему в случае когнитивных установок истинные предикаты так хорошо характеризуют удовлетворенность и неудовлетворенность. Тем не менее такие истинные предикаты не распространяются на волитивные установки, направление реализации соответствия которых осуществляется от вещей к словам. По этой причине мир, а не агент виноват в случае неудачной реализации волитивной установки. В этом случае агент может сохранять свои идеи и оставаться неудовлетворенным. Чаще всего агенты, имеющие волитивные установки, желают факт, репрезентированный пропозициональным содержанием, независимо от того, каким образом этот факт окажется существующим в мире. В связи с этим большинство волитивных установок, которые агенты имеют в данный момент, удовлетворяются, если их содержание является истинным, независимо от того, по какой причине. В таком случае вещи являются такими, какими агент желает им быть, независимо от того, что является причиной их существования.

Единственным исключением из этого правила являются такие волитивные установки, как воля, намерения, проекты, планы и амбиции, чьи собственные волитивные средства требуют, чтобы вещи соответствовали идеям агента, поскольку он или она хочет, чтобы они были таковыми. Такие установки и иллокутивные акты (приказания, команды, обязательства и обещания), которые выражают их, имеют самореферентные условия удовлетворения. Их удовлет-

ворение требует большего, чем существование факта, представленного их пропозициональным содержанием. Оно требует, чтобы этот факт оказался существующим для того, чтобы удовлетворить установку агента. Например, для того, чтобы осуществить первоначальное намерение, агент должен сделать больше, чем впоследствии совершить предполагаемое действие в реальном будущем, он или она должны совершить это действие в связи с предыдущим намерением. Если агент не действует по этой причине (если он или она забыли о намерении или не действуют свободно), этот агент в таком случае не осуществляет свое первоначальное намерение. Подобно иллюкутивной логике, логика установок может объяснить такое самореферентное удовлетворение, опираясь на *интенциональное причинение*. Установка агента в таком случае является практической причиной, вызывающей существование представленного факта.

Как указал Сёрл в работе «Интенциональность», некоторые волитивные модусы, такие как *радость, веселье, гордость, удовольствие, сожаление, грусть, печаль и стыд* (*joy, gladness, pride, pleasure regret, sadness, sorrow, shame*), имеют пустое *направление реализации соответствия*. Агенты, которые имеют такие установки, не хотят устанавливать соответствие между идеями и вещами в мире. Они просто принимают как должное или наличие соответствия, или наличие несоответствия. В случае *радости, веселья, гордости и удовольствия* (*joy, gladness, pride, pleasure*) агент полагает, что желанный факт действительно существует. В случае *сожаления, печали и стыда* (*regret, sorrow, shame*) он или она, наоборот, считают, что он не существует.

Если первые установки имеют специальное предварительное условие $\sum_{\text{Истинность}}$, их пропозициональное содержание истинно. Если вторые установки имеют противоположное предварительное условие $\sum_{\text{Ложность}}$, их пропозициональное содержание является ложным. Волитивные установки с таким специальным предварительным условием имеют *пустое направление реализации соответствия*, поскольку их агент не намерен устанавливать соответствие. Именно поэтому они не имеют *условий удовлетворения*. Вместо того чтобы быть удовлетворенными или неудовлетворенными, они просто *соответствующие или несоответствующие*. Они являются несоответствующими, когда их *предварительное*

условие действительной истинности или ложности неверно или когда присущий им психологический модус не соответствует факту, представленному их содержанием. Ни один из агентов не должен испытывать стыд из-за действий, которые он не совершал или которые являются образцовыми и благими для всех. Как отметил Кандидо де Соуза Мело¹⁶, декларативные акты мышления имеют *двойное направление реализации соответствия между сознанием и вещами*. Производя вербальные и ментальные декларации, говорящий изменяет репрезентируемые вещи мира просто самим фактом мышления и говорения, он меняет их.

Тот, кто во время декларации присваивает вещи новое имя, действует таким образом, чтобы эта вещь впоследствии носила это имя. В таком случае акт сознания вызывает представленный факт. Установки являются состояниями, а не ментальными действиями. Они не могут иметь двойное направление реализации соответствия¹⁷.

5. Интенциональность и рациональность в действии

Современные философы в целом провели исследования интенциональных действий, которые агенты пытаются осуществить в мире. Тем не менее логики действия, как Белнап и Перлофф¹⁸, как правило, пренебрегают интенциональностью, свойственной человеческой деятельности. Благодаря моей логике установок можно пересмотреть логику действия и принимать во внимание интенциональность (намерение) и рациональность агентов¹⁹.

¹⁶ Candida de Sousa Melo «Possible Directions of Fit between Mind, Language and the World» в: D.Vanderveken, S.Kubo (dirs). *Essays in Speech Act Theory* Benjamins, 2002.

¹⁷ Для дальнейшего ознакомления с моей логикой пропозициональных установок смотрите мою работу «Formal Semantics for propositional attitudes» в специальном издании: *Science, Truth and Consistency of Manuscripto*. 2011. Vol. 24. № 1. P. 323–364.

¹⁸ *Belnap N., Perloff M. The Way of the Agent // Studia Logica*. 1992. Vol. 51.

¹⁹ Я интегрировал мою логику установок в общую теорию деятельности, где интенциональные действия являются первичными, как в философии деятельности. См. мою работу: «Attitudes, tentatives et actions» в: D.Vanderveken & D.Fisette (eds.). *Actions, Rationalité & Décision*. College Publ., 2008. P. 39–73.

Как отметил Сёрл²⁰, логика желания и намерения очень отличается от полагания. Агенты могут как намереваться что-либо сделать, так и полагать, что их предполагаемое действие будет иметь определенный результат, *eo ipso* не желая и не стремясь вызвать этот результат. Можно отказаться от попытки и полагать, что некто помешает агенту этой попытке, не желая и не стремясь помешать ему или ей. Тогда существует конфликт между намерениями и полаганиями агента в данный момент. Конкретные возможные приписывания денотата смыслам совместимы с исполнением намерений агента и не совместимы с истиной его или ее полаганий в этот момент. По этой причине нежелательный эффект предполагаемого действия не появляется в соответствии с первоначальными приписываниями. Агенты знают, что некоторые из их убеждений могут быть ложными. Это может происходить даже тогда, когда агент считает, что так положено или даже неизбежно, что его действия будут иметь определенные нежелательные последствия. Брэтман и Серл дали много убедительных примеров. Предварительное намерение сделать что-то *P* и полагание, что в таком случае необходимо, чтобы если *P*, то *Q*, не обязывает этого агента к предварительному намерению сделать *Q*. Мы знаем, что мы можем ошибочно полагать, что некоторые факты неизбежны. Мы бы были счастливее, если бы такие факты не произошли. Таким образом, принцип Канта: «Кто хочет достигнуть цели, тот хочет также и совершенно необходимых для нее средств, которые, по его или ее мнению, являются частью достижения этой цели» не относится к предварительным намерениям.

Однако, поскольку агенты рациональны, они должны минимально координировать свои когнитивные и волевые состояния, пытаясь действовать в мире. Так ограниченная форма принципа Канта: «Любой агент, который стремится к цели, желает обрести необходимые средства» приложима к попыткам, которые являются намерениями в действии. В случае если агент попытки знает, что для того, чтобы добиться успеха, он или она должен сделать что-то еще, этот агент будет пытаться сделать это. Другими словами, попытка сделать что-то и знание, что кто-то не мог делать этого без намеренного осуществления чего-то другого, *обязывает*

²⁰ См.: Searle « Desire, Deliberation and Action » в: D.Vanderveken (ed.). *Logic, Thought & Action*. Dordrecht, 2005. P. 49–78.

агента совершить попытку сделать это другое дело. Такого рода ограниченный принцип Канта является валидным в моей логике действий. Позвольте мне привести один пример. Каждый агент знает, что для того, чтобы попросить что-либо, нужно выразить требование. Поэтому тот, кто пытается высказать просьбу, *eo ipso* выражает требование. В таком случае его или ее попытки выразить требование *конституируют* его или ее попытки выразить просьбу.

В своем докладе «Желание, размышление и действие» Сёрл выразил скептицизм по поводу логики практического разума. Очевидные желания и другие волитивные модусы в связи с их направлением реализации соответствия от вещей к сознанию обладают специфическими свойствами неотделимости и неизбежности со сложностью их формальной экспликации. Агенты могут отозвать свои намерения, не пытаясь их выполнить. Однако моя логика установок формально объясняет эти свойства. Установки и намеренные действия во всех направлениях реализации соответствия имеют логически связанные условия счастья. В соответствии принципами философии сознания Серла, любой агент установки и намеренного действия имеет в сознании условия удовлетворения этой установки и успешные условия этого действия. Таким образом, Серл вынужден признать существование логических отношений психологических и иллокутивных обязательств и несовместимости, которые интернализированы агентами. Так же как некто не может иметь определенных отношений, не имея других, так же кто-либо не может совершить определенные действия без совершения других.

Как я уже показал, существует собственная логика (рекурсивная теория наличия и удовлетворения) для волитивных установок, так же как и собственная логика (рекурсивная теория успеха и удовлетворения) для интенциональных действий²¹ и комиссивных и директивных иллокуций²², имеющих направление реали-

²¹ См.: «Attitudes, tentatives et actions» и «Attempt, Success and Action Generation: A Logical Study of Intentional Action» в: D.Vanderveken (ed.). *Logic, Thought & Action*. P. 316–342. Более глубокая формализация моей логики осуществлена в моем исследовании в выходящей в свет коллективной монографии «Nuel Belnap on Indeterminism and Free Action» в журнале «*Studia Logica*» сер. «Trends in Logic» изд-ва «Springer».

²² См.: *Vanderveken D. Meaning and Speech Acts*. Vol. 1: Principles of Language Use. Cambridge, 1990; Vol. 2: Formal Semantics of Success and Satisfaction. Cambridge, 1991.

зации соответствия от вещей к сознанию. Все виды установок и действий логически связаны посредством их условий счастья. Моя логика объясняет формально специфические свойства и установки с направлением реализации соответствия от вещей к сознанию. Она также объясняет, почему агенты не являются полностью рациональными, но всегда остаются минимально рациональными. Кроме того, она также решает психологические и иллюкутивные парадоксы, подобно парадоксу софиста и парадоксу лжеца.

Вот несколько важных действующих законов об обязательствах для когнитивных и волевых установок:

Тот, кто полагает P и полагает Q , полагает их конъюнкцию ($P \& Q$) и наоборот. Тот, кто желает P и Q , желает их конъюнкцию ($P \& Q$), но не наоборот. Когда предложение P чисто тавтологично, ни один агент не может желать P . Когда P сильно имплицирует Q , тот, кто полагает P также полагает Q . Но этот закон сильного соответствия для полаганий не является валидным, когда P тавтологически или строго имплицирует Q .

Действительно, агент может иметь в виду P , не имея в виду Q ; в случае тавтологической импликации и он или она, возможно, не знают, что необходимо, чтобы P имплицировало Q в случае строгой импликации. Когда P строго имплицирует Q , тот, кто желает P , также желает и Q , за исключением случаев, когда пропозиция Q является чистой тавтологией. Таким образом тот, кто хочет пить красное или белое вино, желает пить вино. Агенты не являются полностью рациональными. Они могут полагать и желать необходимо ложные высказывания, но они не могут ни полагать, ни желать тавтологической ложности.

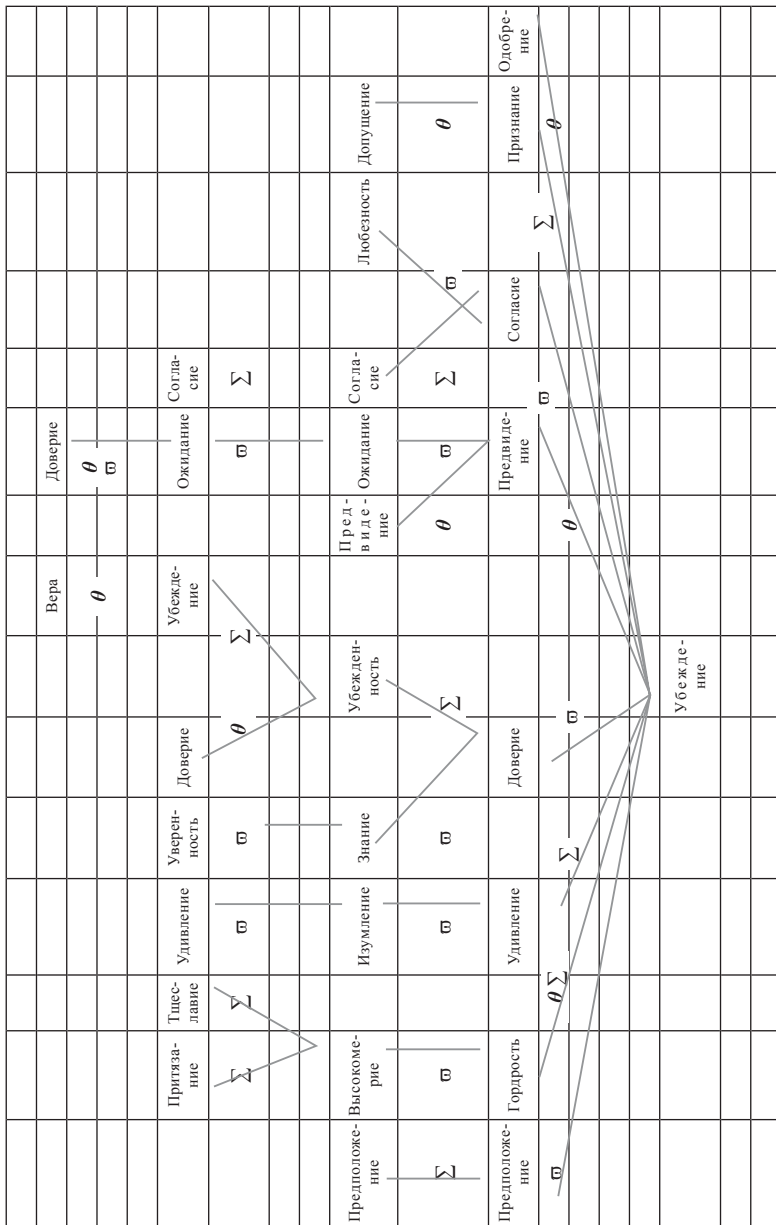
Агенты не являются логически всеведущими, они не полагают все чистые тавтологии, поскольку они не имеют в сознании все возможные концепты и атрибуты. В отличие от полаганий, желания являются отделяемыми.

Приложение: семантическая таблица

Мой лексический анализ терминов и глаголов для выражения установок объясняет сравнительную силу между психологическими модусами. Две приводимые ниже семантические таблицы²³ демонстрируют отношения сравнительных сил между когнитивным и волитивным модусами. Центральным пунктом первой таблицы является термин «полагание», обозначающий примитивный когнитивный модус, центральным пунктом второго – термин «желание», который обозначает примитивный волитивный модус. Любой ближайший последующий элемент термина обозначает более сильный модус, полученный путем применения операций, сущность которых обозначается символами в области между этими двумя терминами. Более подробное объяснение можно найти в моей книге «Речевые акты в диалоге». Установки вида $M(P)$, чей модус M содержащий сильнее, чем M' , установки вида $M(P')$.

Перевод с англ. к.ф.н. О.В. Поповой

²³ Эту таблицу можно найти в моей работе «Formal Semantics for propositional attitudes». Р. 361–363.

Фигура 1. Когнитивные модусы

Рациональность между моделями и историей

Введение

Физические процессы, функционирование живых существ и человеческие действия представляют с помощью двух типов моделей: математических и драматических. Первые объединяют имеющиеся элементы посредством универсальных отношений или закона; вторые восстанавливают причинную связь, т. е. историю. Первые выражают необходимость или вероятность; вторые могут описывать свободное действие.

В космологии начиная с Платона безраздельно господствует математическое моделирование; в медицинской и политической антропологии объединяют математические модели и драматические, т. е. исторические, представления.

Однако в «Тимее» Платон утверждает, что подобная двойственность не допустима в науке. Рациональность не может раскалываться: и в науках о природе, и в изучении человека должен использоваться один и тот же способ представления. Астроном Тимей, устами которого Платон об этом заявляет, берется последовательно рассмотреть в едином дискурсе математического типа ряд вопросов начиная от зарождения вселенной и заканчивая человеческой судьбой.

Является ли данное предположение Платона обоснованным? Актуальна ли все еще программа «Тимея»? Или следует признать, что рациональность преломляется в соответствии с областью, которую освещает?

Сначала мы исследуем исходную «программу» «Тимея»; далее мы увидим, какой вид она принимает в современной науке в период с XVII столетия до 1940-х гг.; и, наконец, мы рассмотрим трансформации, которым она подверглась на протяжении последних семидесяти пяти лет. В заключение мы зададимся вопросом, актуальна ли все еще эта программа, и при каких условиях.

1. Изначальная программа «Тимея»

Зарождение научной рациональности

Акт рождения научной рациональности, как мы ее понимаем еще и сегодня, обнаруживается в «Тимее», где герой диалога, астроном Тимей из Локр, характеризуется Критием как самый способный держать речь «начав с возникновения космоса и закончив природой человека» (27a)¹. На Тимея накладывается серьезное ограничение: он не должен допускать стилистического расхождения между космологией и антропологией, между наукой о природе и «науками о человеке». Поскольку модели в астрономии являются математическими, модели в науках о человеке будут такими же. Платон сознает, что в его эпоху такая цель недостижима; он дает нам понять, что, несомненно, она так и останется невыполненной. На самом деле, он все время возвращается к моделям драматическим или историческим (например, «Законы» и миф об Атлантиде в «Тимее»).

Две формы научной рациональности

В начале диалога Платон показывает, что наука может иметь две цели: 1) выявление атемпоральных отношений между вещами; 2) реконструкция причинно-следственных цепочек. Все, что подпадает становлению – рождению и разложению, подчиняется причинности: «все возникающее должно иметь какую-то причину для своего возникновения, ибо возникнуть без причины совершенно невозможно» (28a)².

¹ Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 431.

² Там же. С. 432.

Отсюда вопрос: верно ли, что наука способна формулировать лишь атемпоральные законы, или же она может также восстанавливать причинно-следственные цепочки, возникающие во времени?

Альтернатива

К моменту написания Платоном «Тимея» (чуть ранее середины IV в.) греческим мыслителям уже известны две возможные концепции познания вселенной: 1) порядок вселенной выражает действие Бога, который предпочитает порядок беспорядку (30a) (даже если в диалоге Демиург не полностью элиминирует остаточный беспорядок, который выражает состояние универсума, «в котором Бог отсутствует» (53b))³; 2) универсум сводится к тому, что видимо, осязаемо, дано чувствам: если при этих условиях он представляет собой порядок, то этот порядок является результатом не божественного действия, а своей внутренней организации и усилий человека проникнуть в его организацию. Платон отмечает, что Бог в результате устроил так, что вселенная является самодостаточной: «ничто не выходило за его пределы и не входило в него откуда бы то ни было, ибо входить было нечему. [Тело космоса] было искусно устроено так, чтобы получать пищу от собственного тления» (33c)⁴.

Альтернатива представлена следующим образом: 1) либо наука и мнение формируют два различных жанра; 2) либо они смешиваются в той мере, в какой за пределами видимого и осязаемого нет ничего реального. Платон отдает предпочтение первому варианту, отмечая, что нет неопровержимых аргументов в его пользу. Так что необходимо исследовать, что есть мнение, при каких условиях оно является истинным, и как осуществляется переход от мнения к науке. Таков объект критики разума, возможно еще более непреклонной, чем кантовская.

В «Тимее», «Государстве», «Меноне» и «Законах» Платон анализирует механизм перехода от обычного мнения к мнению истинному (или правильному), а от истинного мнения – к науке.

³ В русском переводе: «которого еще не коснулся Бог» (Там же. С. 456).

⁴ Там же. С. 436.

Критика разума

1. Мы рождаемся во мнении, т. е., по Симону Вайлю, «во лжи»⁵. Платон дает два объяснения такому положению вещей: 1) когда мы еще дети, мы зависим от убеждений, связывающих нас с нашими родителями и учителями; 2) функционирование психики и тела по большей части не имеет отношения к разуму. Чтобы стать способным слышать голос разума, требуется тренировка, тяжелая, как медицинское лечение, и чаще всего болезненная.

2. Переход от мнения обычного к мнению истинному происходит благодаря овладению ремеслом, для чего перенимают коллективное поведение, которое на протяжении ряда поколений демонстрировало свою эффективность. Платон добавляет, что один индивид не способен как следует овладеть двумя видами ремесла, из чего следует, что в обществе комплиментарность ремесел учреждает разделение труда.

С точки зрения действия истинное мнение дает те же преимущества, что и наука («Менон», 97b); но с теоретической точки зрения оно не равноценно науке, поскольку истинные мнения не связаны друг с другом, и поэтому не формируют системы природы (науки о природе).

3. Переход от истинного мнения к науке труден, поскольку требует преодоления как объективных препятствий, так и субъективных ограничений.

1. Объективные препятствия. А. Переход от истинного мнения к науке подразумевает точное знание элементарных процессов, связанных с наблюдаемыми трансформациями в природе. Ибо, замечает Платон, нам не удастся схватить элементарные процессы, посредством которых из четырех правильных выпуклых многогранников, соответствующих огню, земле, воздуху и воде, происходят изменения состояния материи (переход от твердого состояния к жидкому, от жидкого к газообразному и т. д.) («Тимей», 48a).

В. Вторая объективная трудность заключается в том, что даже если Демиург рационально организует мир, в природе сохраняется остаточный беспорядок, который Платон именует «блуждающей»⁶

⁵ Weil S. La source grecque. Gallimard, 1953. P. 101.

⁶ В русском переводе «беспорядочная причина» (Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 450).

причиной (*planomene aitia*)» («Тимей», 48a). Поскольку влияние этой последней на ход вещей невозможно оценить точно, математическая физика с трудом продвигается дальше астрономии; она не проникает в механику, химию и т. д. Потребуется математически усмирить случай, как это было сделано во второй половине XVII в., чтобы преодолеть это препятствие.

2. **Субъективные ограничения.** Люди не готовы культивировать науку: они с трудом освобождаются от образов, искажающих их мыслительную способность. Подобное усилие требует конверсии, позволяющей открыться реальности как она есть (знаменитое «возвращение к самим вещам»).

4. И наконец, законодатель должен быть способен донести науку до народа, т. е. превратить ее в «истинное мнение».

Основания надеяться на математизацию совокупности знания

Живое тело сотворено из постоянного потока элементов, приходящих из внешнего мира и в него возвращающихся, элементов, которые могут быть предметом математического изучения в отношении их структуры и трансформаций. У антропологии есть возможность стать математикой. Платон считает, что все болезни, включая и болезни души, имеют органические причины. Для Аристотеля также изучение души восходит к «физике». В то же время в «Тимее» и «Законах» Платон устанавливает, что «смертная душа», изучение которой по праву восходит к наукам о природе, неспособна слышать голос разума.

Он ставит нас перед следующим парадоксом: действительно, один и тот же дискурс математического типа должен охватывать космологию и антропологию; на самом же деле, законодатель, врач и простой наблюдатель имеют дело с сущностями, которые по своей природе в различной степени оторваны от разума.

«Тимей» и «Законы» ищут разрешения этого парадокса в индивидуальном и коллективном усилии, возлагая – прежде всего на тех, на кого возложена политическая ответственность, – задачу согласовать смертную душу с тем божественным элементом, который есть в каждом из нас, с нашим «*daimon*». Другими словами, рациональность есть не состояние, а результат действия. Но это действие является не только человеческим построением (посколь-

ку в этом случае оно было бы иллюзорным). Оно имеет смысл и может приводить к положительным результатам, поскольку интеллект (*нус, nous*) наследует универсуму и поскольку в универсуме «блуждающая причина (*planotene aitia*)» («Тимей», 48а) играет второстепенную роль.

Иначе говоря, для Платона рациональность не есть фактическая данность, а догадка или скорее «решение», оправданное различными размышлениями, но не имеющее поддержки неопровержимой очевидности. Чтобы нарастить охват интеллектом реального, необходима наука, а в особенности наблюдение за элементарными феноменами и овладение случаем.

II. Повторение программы «Тимея» в эпоху модерна

Выбор Платона в пользу математической физики ратифицирован создателями современной науки (а именно Кеплером, Галилеем, Декартом, Лейбницем, Ньютоном). Исторически необходимо различать две эпохи: эпоху создателей науки модерна и эпоху их последователей Просветителей и Канта.

1. Для создателей науки эпохи модерна создать науку значит войти в контакт с божественным разумом. Кеплер в предисловии к читателю второго издания «*Mysterium Cosmographicum*» (1621) высказывается по этому поводу определенно: «Идеи количества пребывают в вечном Боге, они сами есть Бог; они присутствуют как архетипы во всех сознаниях, сотворенных по подобию Бога. По этому пункту согласны и языческие философы, и доктора Церкви»⁷. Для него математическая астрономия заставляет нас проникать в физическую архитектуру мира.

В том же году (1621) в работе «*Il Saggiatore*» («Пробирных дел мастер») Галилей заявляет: «Философия написана в той необъятной книге, что всегда открыта перед нашими глазами, я имею в виду Универсум, но ее невозможно понять, если сперва не приложить стараний к пониманию языка и знаков, которыми она написа-

⁷ À la fin de la préface au lecteur de la 2ème édition du *Mysterium Cosmographicum*, 1621, on lit : « Imo Idea quantitatum sunt erantque Deo coæterna, Deus ipse ; suntque adhuc exemplariter in animis ad imaginem Dei (etiam essentia sua) factis ; qua in re consentiunt gentiles Philosophi, et Doctores Ecclesiae.

на. Она написана на языке математики и ее знаки – треугольники, круги и другие геометрические фигуры, без помощи которых человек не в силах понять ни слова»⁸. Таким образом, с начала XVII в. наука о природе утверждается как математическая физика.

2. Начиная с Канта, рационализм перестает искать божественных гарантий. И возникает проблема нового типа: как конечное сознание способно учредить универсальное знание? Каким образом может оно правдоподобно воспроизвести, хотя бы частично, природные процессы? Такова ситуация, в которой мы себя обнаруживаем, начиная с эпохи Просвещения.

Две интерпретации науки: позитивизм или реализм

Данный вопрос исследуют два больших течения философии: 1) позитивистский рационализм утверждает, что причины феноменов уклоняются от нашего познания и что мы схватываем лишь их закономерности; 2) реалистский рационализм более амбициозен и наделяет человеческий разум способностью пролить свет не только на закономерности, но и на причинно-следственные связи.

Приходится делать выбор: 1) либо принять доктрину позитивизма; 2) либо считать более правдоподобным взгляд реализма.

Но располагаем ли мы устойчивыми аргументами в пользу того или другого утверждения? Кажется, у нас есть основания принять сторону реализма.

Реализм

Исторически у партии реалистов – религиозные корни: в Библии (Бытие) сказано, что Бог сотворил человека «по своему образу и подобию». Христианские мыслители, в особенности Каппадокийские отцы Василий Кесарийский и Григорий Нисский (вторая половина IV в.), два брата, происходившие из семьи врачей, вывели из этой фразы идею, что интеллект человека выстроен по той же модели, что и интеллект Бога, и что, следовательно, человечество может иметь доступ к интеллекту, сотворившему вселенную, т. е. – к производительному разуму (*logos entechnos*) Бога.

⁸ L'Essayeur de Galilée / Trad. C.Chauviré. P., 1980. P. 141.

Они констатируют, что природа не всегда адаптирована к человеческим нуждам; вполне законно, поэтому, исправлять ее недостатки (*kakias*), что человек и делает посредством сельского хозяйства, животноводства и медицины. Иначе говоря, следует без колебаний исправлять природу, когда это необходимо.

В конце XVII столетия Николя Мальбранш (1638–1715), член Парижской Королевской академии наук и священник, показал, что Бог, чтобы сотворить и поддерживать вселенную, мог выбирать из двух возможных стратегий: 1) контролировать все частные случаи, не занимаясь общими законами; 2) идти простыми и разумными путями, рискуя пренебречь частностями. Бог скомбинировал эти две стратегии, с упором на простые пути, что сделало возможным науку.

Наука как действие

Уверенность в разумном устройстве вселенной обретает практический смысл с зарождением химии синтеза (1828 г., синтез мочевины Вёлером), которая стремительно развивается еще два столетия: произведены миллионы веществ, не существовавших в естественном состоянии, но предусмотренных природой.

Антуан Огюстен Курно⁹ (1801–1877), математик и философ, видел в химии синтеза пример способности человечества искусственно воссоздавать природные субстанции и искусственно создавать вещества, которые «природа забыла сделать». Он первым, во второй половине XIX в., дает точную формулировку того, что является подтверждением реализма в физико-химических процессах. Во второй половине XX в. возникнет идея, что биология синтеза – побочная ветвь химии синтеза.

⁹ Курно не считает, что химия синтеза – единственный ключ к природным процессам, он вносит разнообразие в свои размышления благодаря теории «научных революций», в соответствии с которой научная мысль на протяжении столетий последовательно изобретает все более и более действенные и все более и более обобщающие подходы к природе. Со своей стороны 1) он считает решающей роль теории эволюции видов и работы Дарвина; 2) полагает, что математическая теория вероятности – не отражение человеческого невежества, а выражение реальной случайности в природе; 3) он изобретает теорию некооперативных игр и понятие равновесия в человеческих взаимодействиях, которое независимо от него переоткрыл Нэш и которое играет центральную роль в теории игр и носит теперь имя равновесия Курно-Нэша.

Практическое значение выбора между позитивизмом и реализмом

Выбор между позитивизмом и реализмом не является чисто спекулятивным: у него есть практические следствия. На самом деле, доступ человеческих обществ к элементарным благам (пригодная для питья вода, здоровое и в достаточном количестве питание, медицинская помощь, электричество, энергия и т. д.) все больше зависит от науки и технологии. Хочется быть уверенными, что вода, которую пьешь, чиста, что инсулин для диабетиков идентичен человеческому инсулину и т. п. От науки ожидают, что она посредством синтеза воспроизведет вещества, которые природа создает спонтанно, т. е. что техника на основе науки верно воспроизведет природные процессы.

На самом деле химия синтезов пошла гораздо дальше: дело не ограничивается воспроизведением существующих веществ, в природу внедряют новые вещества, которые имеют многочисленное применение (в индустрии, медицине, производстве продуктов питания и т. п.)

С середины XX в. биотехнологии распространили на сферу живого то, что химия синтезов сделала для сферы физико-химического: модифицировала живые организмы как с целью создания лекарственных средств (против диабета, рака, болезней сердца и т. д.), так и с целью создания новых растений или животных, предназначенных для питания, изготовления одежды и экологически чистой энергии.

Опасения и страхи, вызванные биотехнологиями

Тем не менее создание генетически модифицированных организмов (ГМО) заставило проявиться трудность, с которой началась новая эпоха, новые верования и привычки человека. Тогда как технологии создания генетически модифицированных организмов без особых трудностей были внедрены в Южной и Северной Америке, Китае, Индии и получают все большее признание в Южной Африке, в Европе и особенно во Франции они вызывают

столь сильный протест, что большая часть производителей семян отказались испытывать их в поле и что исследования в этой области приостановлены¹⁰.

III. Программа «Тимея» сегодня

Вопросы

На протяжении последних семидесяти пяти лет современная наука претерпела три значительные трансформации: 1) индивидуальный индивид более не в состоянии усвоить всю совокупность научного знания или даже какую-то одну теорию: исследования стали коллективными; 2) любой ученый за рамками собственной сферы компетенции является любителем: он должен в упрощенной форме усваивать открытия, сделанные другими специалистами. Поэтому современный рационализм содержит сочетание того, что в античности называли «мнением (doxa)» и «наукой (episteme)»; 3) наука и техника нераздельны: от технологических операций ожидают той же или превосходящей надежности, что и от природных процессов. А от ученых – что они сформулируют истинную концепцию реальности, которая будет умозраительной и эффективной.

Так каким же образом исходя из познавательных процессов человека можно построить надежное представление о вселенной? У нас пока нет – и возможно никогда не будет – теории, описывающей работу сознания, которая убедительным образом подтвердила бы объективность научных конструкций. Как перейти от ограниченных экспериментальных констатаций к утверждению универсальности законов и процессов? Как проверить логическую связность какой-либо модели? Речь здесь идет о двух различных вопросах:

¹⁰ Если следовать теории эволюции, то живые организмы, на данный момент имеющиеся на земле, происходят от одного или нескольких примитивных организмов, появившихся на нашей планете более 3,5 миллиардов лет назад. С этой точки зрения все живое является «генетически измененными организмами». Кроме того, генетика последние тридцать или сорок лет позволяет усовершенствовать технику трансформации генов (трансгенез) одного вида в другой вид, или одного варианта того же самого вида в другой, операции, которые ускоряют и расширяют гамму модификаций организмов, которые получают посредством классических техник селекции.

1) об утверждении универсального характера закона или процесса исходя из ограниченного числа наблюдений: то, что называют индукцией; 2) о проверке на связность (когерентность) некоторой системы идей: то, что называют логикой. Одним словом, хотя ученые и не могут положиться на божественную гарантию и не имеют четкого представления о работе сознания, от них требуется концепции, правдоподобно восстанавливающие ход вещей. Является ли такой реалистский рационализм современным уделом человечества?

Ответы

11. Объяснение того, каким образом, исходя из когнитивных актов, конституируется объективность, не является новой проблемой. Первый момент заключается в том, чтобы подчеркнуть роль инструментов. Фактически изменения научных исследований связаны с инструментами (телескоп Галилея, прогресс наблюдательной астрономии в 1920-е и т. п.).

С другой стороны, концептуальные определения и методологические предписания делают возможным воспроизведение ситуации и опыта: так, создание «геометрии случая» в середине XVIII столетия позволило в следующие века математике распространиться на изучение процесса голосования, судебных решений, экономического взаимодействия и т. п.

Также удалось в большой степени освободиться от исходной субъективности процессов сознания и выстроить систему суждений, методов проверки гипотез и опыта, что наделяет модели объективным статусом.

2. Остается преодолеть второе препятствие: если научная экспертиза распадается на множество специальностей, то как добиться единства науки, которое является залогом надежности сложных технологических операций и без которого рационализм был бы смесью мнения и науки?

Эта трудность проявилась с начала 1940-х гг.: Симон Вайль в своей работе «Ускорение» предлагает в качестве решения «искусство перемещать (транспонировать) истины», т. е. искусство выявлять их дух, методы и результаты, не вдаваясь в детали этих методов и проверок. Эта операция сравнима с действиями того, кто вышел из пещеры, увидел истину лицом к лицу и вернулся в пещеру

к другим людям. Это интеллектуальное и духовное действие в том, что касается науки, находит свое завершение в реконвертации для своих товарищей истинных мнений. Идеальный персонаж Симона Вайля является другом Бога, как сказал бы Платон: войдя в близкий контакт с творческим разумом вселенной, он возвращается к другим людям, чтобы просветить их.

Каким образом чисто человеческими средствами можно преодолеть данную трудность, выявленную Платоном в отношении ремесел, а сегодня переносимую на научные специальности, на знание, которыми нельзя овладеть целиком одному человеку?

Решение, к которому мы лишь приближаемся, основано на двух ниже изложенных стратегиях: 1) освободиться от субъективности когнитивных операций путем поиска концептов, методов и опыта, воспроизводимых другими; 2) перебрасывать между различными специальностями мосты путем транспонирования идей и объединения технологических операций, относящихся к разным ремеслам.

В XIX столетии химия синтеза питала, как мы отметили, уверенность, что люди должны с помощью потенциала науки воспроизводить природные субстанции и создавать новые. В итоге реализм начал производить впечатление наиболее законченной формы рационализма, поскольку делал очевидными не только управляющие законы феноменов, но и причинно-следственные цепочки, позволяющие производить химические субстанции.

То, что произведено в XIX в. в области физики и химии, в настоящее время расширяется до области биологии. В «Отчетах Академии наук» Парижа, опубликованных в апреле 2011 г. под редакцией Анн Фаго-Ларго, особое место занимает глава «От химии синтеза к биологии синтеза»¹¹. Традиционные приемы работников сельского хозяйства, животноводов и врачей призваны обеспечить качественные параметры живых существ или модифицировать их организацию; с помощью этих приемов начинают открывать секреты живого и в настоящий момент уже располагают средствами создавать новые вариации, а однажды смогут создать и новые виды, как сама природа делала это на протяжении 3,5 млрд лет. Развитие

¹¹ Comptes rendus de l'Académie des sciences. T. 14, fascicule 4 Chimie. De la chimie de synthèse à la biologie de synthèse, Rédacteurs invités: Anne Fagot-Largeault, Charles Galperin, François Gros, Jacques Livage, Elsevier, 2011.

биологии синтеза повышает ценность реализма, проливая свет на тесные связи между химией и биологией, между константами земной жизни и движущими силами трансформации видов.

3. Если излишне настаивать на воспроизводимости идей, методов и опыта, то возникает риск забыть, что наука и технология прогрессируют посредством природных сингулярностей и технологических процессов, которые, будучи найденными, образуют эффект «черных лебедей»¹². На самом деле наиболее значительные изменения знания осуществляются благодаря тому, что вдруг происходят в высшей степени маловероятные события.

4. И наконец, социальная математика включает теоремы ограничения: они показывают, что определенные ситуации не поддаются полному осмыслению в терминах математических моделей. Таким образом, математизация социальных наук не заставила исчезнуть драматическое моделирование, чьим первым теоретиком стал Аристотель в «Поэтике». На самом деле именно этот способ репрезентации наилучшим образом описывает сингулярность действия.

Аристотель прекрасно понимал, что существует два вида драматических моделей: 1) те, что рассказывают историю, реально имевшую место; 2) те, что обращаются к истории, которая могла бы быть. «Ибо историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой [...]; различаются они тем, что один говорит о том, что было, другой – о том, что могло бы быть; поэтому поэзия философичнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном» (1451a 36–b 5)¹³.

Заключение

Маловероятно поэтому, что программа «Тимея» реализуется: даже если математика благодаря ее трансформациям и внутреннему усложнению станет все более способна моделировать физико-химические, биологические и социальные процессы, то посредством теорем ограничения она говорит нам, что аспект действия от нее уклоняется.

¹² *Taleb N.N.* The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable, Penguin Books, 2007.

¹³ *Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 655.

Чтобы слились математическое и драматическое моделирование, необходимо, чтобы действуя совершенно свободно (или по внутренним причинам), живые существа – и в особенности человек – также следовали законам универсума. Именно это выражает Платон в загадочной формуле «Законов»: «Так изменяются все одушевленные существа, посредством изменения, которое имеет причину в них самих, и, когда они изменяются, они перемещаются в соответствии с порядком и законом судьбы» (904c).

Платон выражает условие сходимости математических и драматических моделей, но не говорит нам, как осуществить эту работу по унификации. Он сам не был особенно оптимистичен относительно исхода этого предприятия, поскольку осознавал конечность человека; одновременно он повторяет, что оставить надежду – значит отсесть себя от истины.

Понятый таким образом, рационализм есть не данность, но требование, поддерживаемое «умом врача (*nous iatrikos*)» («Законы», 963b), соединяющим разум и надежду в той точке, где они выполняют единую задачу.

Перевод с франц. к.ф.н. А.С. Игнатенко

Л.М. Скарантино

Прагматические грани разума

Предельные критерии законов логики
носят прагматический характер.

К.И. Льюис, 1923.

Когда я был учеником средней школы, я был сторонником довольно странной точки зрения на историю идей. Я считал, что человек способен заново переосмыслить весь комплекс идей, которые сформировали философскую традицию. Я не видел необходимости в полном изучении истории мысли, поскольку мне казалось, что возможно беспрепятственно восстановить историю мысли в собственном уме, даже учитывая трудность этой задачи. Философские системы складывались, в конце концов, на основе работ предшественников (для меня это было необходимым условием вообще любой «истории» философии в принципе), тогда почему же нельзя воссоздать эту логическую последовательность идей в отдельном уме? Задача, которую я перед собой поставил, была замечательна, но содержала теоретическую ошибку. Сама мысль о рациональной возможности отказа от истории и была, конечно, грубой ошибкой.

Теперь, много лет спустя, я убежден, что основные свойства разума, которые мы обычно называем априори, вписаны в действительность. Здесь нет никаких редукционистских притязаний. Будучи далеким от отрицания врожденной автономии логических и формальных структур, я скорее воспринимаю их исторически независимые особенности, автономия которых зависит от чистого опыта, но полностью не сводится к нему. Следующие страницы представляют грубый эскиз моих представлений о природе априори. Я буду следовать философскому подходу, получившему развитие в Италии в течение XX столетия и известному как «транс-

цендентализм» или «критический рационализм». Такие авторы, как Антонио Банфи и, в большей степени, Джулио Прети, попытались в течение прошлого столетия подвергнуть критике традиционный реализм с помощью историзации («historization») формального знания¹. Чтобы в рамках антифундаменталистского подхода построить на недогматических основаниях цельную концепцию человеческого взаимодействия, они первыми выявили внутренне противоречивую природу фундаментализма как корреспондентной теории познания (epistemic correspondentism). Во-вторых, и это было, главным образом, делом Джулио Прети, они показали, что для того чтобы избежать этой апории, рациональные системы должны быть в состоянии наделить опыт смысловыми структурами (категориями), которые подкреплены собственным опытом. Это означает, что принципы знания должны быть оправданы своим практическим функциональным назначением. Иными словами, фундаментализм может быть преодолен с помощью подтверждения исторической природы условий объективности. Надеюсь, что нижеследующий текст донесет до читателя второстепенный, однако, на мой взгляд, примечательный исторический тезис о том, что итальянская современная философская мысль предложила оригинальный способ исторического подхода к эпистемологии.

* * *

Природа конститутивного априори безусловно лежит в «Критике чистого разума» (Канта). С самых первых страниц Кант по существу говорит о двух вещах. Во-первых, о том, что наш разум на входе получает грубое восприятие (сырое вещество чувственных впечатлений, то, он называет *rohe Stoff sinnlicher Empfindungen*²) и на выходе выдает преобразованные предметы. В период между этими двумя моментами в нашем сознании что-то произошло, *переработка (Verarbeitung)*, которая трансформировала *сырое вещество (rohe Stoff) в предметы (Gegenstände)*. За этот процесс отвечает то, что Кант именуется *способностью познания (Erkenntnisvermögen)*, которая использует особый вид или набор знаний (*познания,*

¹ Подробнее об этой попытке см. Scarantino (2007).

² Сырое вещество чувственного восприятия (нем.).

Erkenntnisse), именуемый *синтетическим априори*. Наука, которая изучает этот скрытый процесс преобразования, это наука чистого разума, или «трансцендентальная философия». Трансцендентальная философия, таким образом, это дисциплина, которая изучает природу и функционирование синтетического априори.

Со времен кантовской «Критики чистого разума» проблема синтетического априори осталась открытой. Одним из основных дискуссионных был и остается вопрос: существует ли синтетическое априори в нашем разуме, как это изначально представлялось самому Канту, или где-то еще. Итальянский трансцендентализм, в особенности Джулио Прети, и пытался сделать это, чтобы выйти за пределы традиционного деления философской мысли на самостоятельные направления и в результате выявить, не обращая внимания на очевидные противоречия, концепции, сходящиеся в понимании природы априори.

Если мы переключим наше пристальное внимание на практический опыт – то, что Эдмунд Гуссерль называл «естественным отношением» и Уильям Джеймс «чистым опытом» – мы, пожалуй, можем надеяться на лучшее понимание той роли, которую синтетическое априори играет в структуре знания. Уильям Джеймс в двух своих известных эссе «Существует ли сознание?» и «Мир чистого опыта», опубликованных в 1904 г., обнаруживает радикальный имманентизм, в соответствии с которым субъект знания, сознание, постигался как имманентный чистому опыту. События становятся значимыми, т. к. относятся, отсылают друг к другу. Можно было бы сказать, что они дают представление друг о друге. Чистый опыт – это субъект знания, т. к. смыслы в конечном счете взаимосвязаны с фактами – то, что Джеймс называл фундаментальным когнитивным отношением непрерывности фактов и их взаимного преобразования. Давайте не искать здесь редукционистских притязаний, так как нет смыслов, независимых от фактических событий. Вместо этого попытаемся понять довод Джеймса в исторически основанном разуме, что нет такой «чистой способности» структурировать объекты, для событий, несущих в себе принципы их собственной значимости, т. е. безграничный набор синтетических априори.

Жизненный мир до предела наполнен смыслами, т. к. он включает концептуальные структуры, интенциональные проекции на опыт, с помощью которых культуры исторически строили свой

собственный мир. Непосредственное, естественное восприятие – это историческое наследие. Когда мы смотрим за окно, мы не видим вещи неизменными на протяжении всего времени. Факт, что ласточки «делают» лето», а мы заботимся лишь о том, летят ли они слева направо или наоборот, это результат светского влияния натуралистической культуры – очень похожий на тот, который приучил нас воспринимать кометы и метеориты как небесные тела, а не как божественные предзнаменования. «Башня, которую я различаю напротив моего окна, тонкая ветка плюща на стене, дома, такие маленькие из окна самолета, человек, выкашивающий поля под солнцем, – пишет Антонио Банфи в 1926 г., – все это демонстрирует связь с моим эго в отношении совершенно разных уровней и смыслов, каждому из которых соответствует интуитивное выполнение. Но каждое из этих конкретных восприятий – идеальный синтез этих выполнений: в каждом восприятии, эти последние выражены благодаря теоретической потребности, они установлены соответственно порядку, который намечает идеальное соединение и соотносится с ним (...). Другими словами, в каждом восприятии теоретическая природа знания, то есть необходимость когнитивного синтеза быть по-настоящему независимым от частичных детерминаций предмета и объекта... появляется как порядок интуитивной реализации знания, где частичные корреляции подсказывают более универсальные отношения и полагаются на них. Интуитивный “материал” полностью проникнут теоретической формой: только последняя оправдывает единство формирующего, согласно которому организованы различные интуитивные реализации» (Banfi 1967: 52).

Непосредственное, естественное восприятие – историческое наследие. В известной главе работы «Живопись и жизненный опыт в Италии XV века» (*Painting and Experience in Fifteenth Century Italy*), Майкл Баксендолл описывает как «когнитивный стиль» идею о том, каким образом сигналы восприятий становятся структурированными объектами, т. е. значениями, благодаря концептуальному инструментарию и индивидуальному набору знаний, принадлежащему каждому человеку в данном социальном и временном контексте. Этот «изменчивый и культурно зависимый» инструментарий («запас образцов, категорий и методов умозаключения; обучение в диапазоне репрезентативных соглашений;

и опыт, взятый из окружающей среды, в том, что является вероятными способами визуализировать то, информации о чем нам не хватает», Waxandall 1972: 32) идут рука об руку и работают «совместно», как гештальт, который, таким образом, определяет наш особый способ воспринимать иллюстрированное представление и, в более широком смысле, что формирует наше представление об окружающем мире. «Глаз эпохи», независимо от того, европейское ли это Кватроченто, пещерное искусство Верхнего Палеолита или современное мировое искусство, является продуктом сложного исторического и культурного наследия: «часть интеллектуального ресурса человека определяет его визуальный опыт как изменчивый, и большую часть этого переменного ресурса в культурной связи, в смысле того, чтобы быть детерминированным обществом, которое повлияло на его опыт. Среди этих переменных есть категории, в соответствии с которыми он классифицирует свои визуальные стимулы, знание, которое он будет использовать, для того чтобы дополнить то, что непосредственное видение дает ему, и положение, которое он присвоит роду увиденных искусственных объектов»³ (Waxandall 1972: 40).

Практический опыт насыщен смыслом. Наш способ мыслить, наши разнообразные и меняющиеся наборы смыслов, оценок, вычислений, методов (практик), предубеждений переданы им и обычным языком, с помощью которого выражены. Здесь можно отыскать наше непосредственное, *естественное знание*. Эти непосредственные, гештальт-восприятия содержат в себе условия оправдания самих себя. Сырое вещество Канта (*rohe Stoff*) – это не сырой материал в общем смысле. Напротив, формы нашего непосредственного восприятия включают концептуальные структуры, из которых составлена объективность. Синтетическое априори, та сущность (*quid*), которая преобразовывает «сырое вещество чувственного восприятия» в структурированные объекты, включено в практический опыт наряду с восприятием. Как отметил в 1952 г. Джулио Прети,

³ Само собой разумеется, что это историческое определение приводит нас обратно к своему происхождению, к границе между культурой и природой. Исследование первых выражений символической мысли, например в раннем парietальном искусстве, могло бы обеспечить интересное понимание первого появления человеческого сознания.

«Историчность состоит не только в развитии мысли. Она присутствует имманентно, в данный момент и функционально в каждый отдельный момент опыта. *Опыт* – это не только ощущение или восприятие, это также склонность и желание, связи и оценки. Он всегда нагружен смыслами, ссылками, оценками. Но ссылки, связи, оценки – это не индивидуальные создания – во всяком случае, в меньшей степени. Они существуют в качестве альтернативы наследию, иногда биологически и небиологически, происходят из всего прошлого рода и общества. Они представляют собой отобранные и классифицированные ответы, функциональные модели, способности давать оценки и желать, которые наши предки передали нам, каждое поколение, частично изменяя наследие, которое оно получило. И мы также передаем их нашим детям и последователям, после того как сами изменили их» (Preti 1976: 123).

Восприятие – это продукт истории. В 1937 г., спустя 15 лет после поздравления Президента Американской психологической ассоциации Льюиса по поводу «прагматической концепции априори»⁴, Чарльз Моррис описал «переменное априори», которое подвергается изменениям благодаря взаимодействию с новыми данными, которые появляются в процессе его использования, и трансформации человеческих интересов и целей (Morris 1937: 51)⁵. Содержание и структура априори затронуты, изменены развитием знания и онтологическими системами, которые это знание

⁴ «Мысль, что и рационализм и эмпиризм потерпели неудачу, состоит в том, что существуют принципы, возникшие по инициативе разума, которые вообще не налагают ограничений на опыт, но что такие концепции все еще подвергаются изменению благодаря практике, когда расширяющиеся границы опыта раскрывают свою несостоятельность как интеллектуальные инструменты. (...) Наши категории и определения являются типично социальными продуктами, сформированными под влиянием событий, которые имеют много общего, и слепленные, как другие комплексы, совпадением человеческих целей и острой потребностью в человеческом сотрудничестве. Что касается априори – это не должно быть ни универсальным договором, ни полной исторической непрерывностью. Концепции, такие как логические, которые в наименьшей степени должны подвергнуться влиянию открытия новых диапазонов опыта, представляют самую устойчивую из наших категорий; но ни одна из них не останется без возможных изменений» (Lewis 1923: 293).

⁵ «Таким образом, хотя логический анализ нужно отличить от эмпирического исследования, логика, так как являет собой науку о логических отношениях символов, следовательно, эмпирическая наука» (*Ibid*: 53).

проектируют на наш жизненный мир. Тот факт, что современная метеорология доказала, что она более надежна, чем гадание, не просто позволил нам предсказывать погоду на завтра: он изменил весь смысл выражения «прекрасный день», связывая его с солнцем, облаками и дождем, а не с направлением полета птиц поутру. Структурный синтез, который формирует наш чистый, практический опыт, имеет автономную законность, объективность, которая в то же время является воспринимающим априори и концептуальным апостериори. По словам Дж. Прети, «способы синтетического единства способностей непосредственных восприятий берут начало в логических функциях суждения и совпадают с ними» (цит. по Scarantino 2007: 291).

Это идейное наследие – то, что называется термином «трансцендентальный субъект познания». Так не обозначаются никакие психологические или субстанциональные сущности: это относится к сети формальных установлений, понятий и значений, которые неотъемлемы от нашего опыта и которые определяют условия достоверности знания и принятых форм конструирования объективной реальности. Этот трансцендентальный субъект определяет наш способ смотреть на вещи. Он детерминирует саму форму нашего непосредственного восприятия (нашего *переживания (Erlebnisse)*) и «детерминирует гештальт-нормы чувственного восприятия с помощью образования и создания определенных условий; от него зависит то, как мы видим, как мы слышим, и так далее, согласно правилам особой общественной жизни» (Preti 1957a: 147–148).

Так как историчность формальных условий достоверности знания включена в гештальт-синтез, который формирует наше естественное восприятие, то она есть историчность жизненного мира, или историчность чистого опыта, чем вызывается непреодолимый онтологический плюрализм. Интенциональная независимость областей и систем знания – это результат функциональной, последовательной практической «загрузки» их основных принципов. Любая попытка сократить одну или больше онтологических областей до единственной стерла бы интенциональную, и поэтому трансцендентальную автономию категорий и понятий, которые формируют различные онтологические области. Как Шлик, а затем Карнап ясно продемонстрировали с помощью критического анализа физикализма Нейрата, никакой «универсальный язык» или система понятий

не в состоянии выразить безграничный ряд интенциональностей, которые главенствуют над совокупностью различных онтологических областей. Подтверждение первенства одной системы над другими повлекло бы за собой урезание автономии этих других, а следовательно, их разрушение как трансцендентальных систем с интенциональной автономией. Это в точности то, что Карнап подтвердил сначала в труде «Значение и необходимость», затем снова в «Логических основаниях единства науки», когда он перемещал интерсубъективность из физического языка до языка вещи, «того языка, который мы используем в повседневной жизни в разговоре о воспринимаемых вещах, окружающих нас» (Carnap 1936-37: 163). Существенный философский принцип здесь – то, что основа объективности как интерсубъективность сформирована первичной объективностью языка вещи: «заметные предикаты вещи, – пишет он, – единственные интерсубъективно заметные предикаты» (Ibid. P. 173).

В своих более ранних записях Карнап (1931–1932, 1932) настаивал на идее, что только квантитативный язык может быть интерсубъективным. Именно поэтому он стремился ограничить интерсубъективность научно выстроенным дискурсом⁶. Теперь же, наоборот, интерсубъективность с необходимостью должна быть ориентирована на действие. Фраза «какой хороший день», несмотря на ее культурную обусловленность, гораздо более интерсубъективна, чем утверждение «Отто чувствовал лучи солнца в точке t_0 », поскольку интерсубъективность принадлежит непосредственному, чистому опыту, где в конечном счете имеет место человеческое взаимодействие. Субъективная зависимость непосредственного восприятия может быть преодолена только на основном уровне прямого практического взаимодействия, в области поведения и действия. С другой стороны, только синтетический язык может быть *действительно-ориентированным*: синтез, а не квантификация, формирует основу интерсубъективности. Если научный дискурс устанавливает и организует объективность, то это происходит, потому что в итоге завершается функциональной проверкой. Здесь, в синтетической сфере непосредственного опыта, вещи получают свое конечное значение, свою реализацию (*Erfüllung*) или, в терминологии Джеймса, свое завершение.

⁶ Карнап (1931-32: 66): «Наука – система интерсубъективно действительных предложений».

Я нахожу, что интерпретация итальянскими трансценденталистами понятия формативных аскрипторов Чарльза Морриса особенно интересна с точки зрения описания того, как практический опыт передает принципы онтологических законов. Читатель может вспомнить, что формативные аскрипторы были введены Моррисом (1946) с целью объяснить, как непосредственные события могли бы быть оправданы и введены в структуру формальной системы. Формативные аскрипторы сочетают свойства двух типов знаков: аскрипторов, предложений, которые проявляют конститутивную функцию в пределах системы⁷, и форматоров, нелексических знаков, которые, тем не менее, изменяют некоторые лексические понятия и утверждения⁸.

Задачей рассуждений Морриса было установить, что тавтологическим предложениям, таким как: «будет лить дождь или не будет дождя завтра в Чикаго» могла быть дана подобная прагматическая интерпретация. Другими словами, она состояла в том, чтобы определить для форматоров значение, которое не будет простой функцией изобразительных (или лексикативных) знаков. Как отметил Прети, отложив в сторону лингвистические технические особенности, это была проблема необычайной философской релевантности, поскольку конститутивные принципы онтологических сфер имеют точно такую же форму: «большинство общих принципов наук, которые Кант считал синтетическим априори, срабатывают как тавтологии» (Preti 1976: 384).

Тонкое положение, развитое Моррисом, замечательно. Он доказывает, что форматоры являются знаками, производящими определенный тип ответов, которые по существу отличаются от отве-

⁷ Карнап (1931-32: 66): «Наука – система *интерсубъективно действительных предложений*».

⁸ Конститутивная функция аскрипторов сочетается с их основной интенциональной природой: «С помощью минимума знаков, пригодных для организма, он должен ориентировать свое поведение в пространстве и времени и подготовить несколько способов поведения в области той окружающей среды, которая идентифицирована. Это создает знаки, которые совместно несут идентификативный способ выражения со знаком (или знаками) в каком-то другом способе (или способах) выражения основного значения. Мы назовем такой комплекс знаков (и комбинацию таких комплексов знаков) *аскриптором*» (Моррис 1946: iii.6, p. 73). В примечании он признает авторство введения аскрипторов Х.М. Шеффера.

тов, данных описательными знаками⁹: Они обращаются к отношениям между диспозицией, т. е. к возможным отношениям между наборами возможных ответов. Поскольку они обращаются к диспозиции определенного денотата, чтобы установить определенный тип логических отношений, они – диспозиции диспозиций, или, в терминологии Морриса, «диспозиции второго порядка»¹⁰.

Ощущение Морриса, что формальное предложение воспроизводит возможные отношения между обозначающими предложениями, формирует теоретическую основу всей «прагматической концепции априори». Фактически, несмотря на их лексическую пустоту, эти предложения обладают обозначающей способностью, которая зависит от обозначающей способности их элементов:

«Аскрипторы, которые в целом имеют пустое лексическое значение (даже учитывая, что в них находятся лексикаторы), являются не лексическими (лексикативными), а формативными. Это позволяет им обозначать ситуации формативным образом (а не лексическим), именовать и быть истинными или ложными» (Morris 1946: см. f, p. 270).

Это фундаментальный философский результат. Предложения как выражения принципа инертности, по ряду определений Канта, или принципа верификации, следуя интерпретации Прети, работают как формативные аскрипторы. Моррис уловил их дуальную природу, одновременно формальную и практическую, когда понял, что такие предложения «обозначают ситуации: сле-

⁹ «Если импульсы – не лексикативные знаки, но тем не менее оказывают влияние универсальным способом на полное значение знака в особой комбинации, в которой он появляется, то рассматриваемый импульс – форматор» (Morris 1946: vi.1, p. 153-154).

¹⁰ Моррис предлагает, "рассматривать форматоры как знаки в предыдущем смысле слова, то есть как предварительные стимулы, влияющие на расположение, для того чтобы ответить на что-то, что не является в момент выражения стимулом для поведения. В этой интерпретации форматоры будут отличаться от лексикативных знаков с точки зрения их интерпретантов, то есть с точки зрения особого вида расположения, чтобы ответить на их вызов. Поведенческая проблема поэтому состоит в том, чтобы отделить дистинктивный интерпретант для форматоров, и соответственно, дистинктивный вид значения, какое было сформировано» (Morris 1946: vi.1, p. 155). Формальными знаками, утверждает он, являются знаки «в предыдущем смысле слова. Существенная особенность знака состоит в том, что он дает начало интерпретанту, поэтому S_f [формальный термин] это и делает» (*ibid*, vi.2, p. 157).

довательно, они верны или ложны, в то время как они также лексически пусты» (Preti 1976: 65)¹¹. Они проектируют на весь опыт интенциональности, которая одновременно определяет субъекты, область и формальные отношения между субъектами в области. Другими словами, создают онтологию. Создают потому, что вводят определенные термины («сила», «множество», «причина»...), которые не могут быть поняты на этой конститутивной стадии иначе, чем прагматично: понятие «силы», поскольку вводится принципом инерции, не подразумевает ничего, что не было бы сразу понято любым человеком. Окончательная связь между онтологическими значениями и их функциональной нагрузкой лежит именно в этом основном практическом смысле – смысле, который возникает в результате целого исторического процесса и заключает в себе сложное культурное и концептуальное наследие. Именно поэтому анализ формативных аскрипторов, проведенный Моррисом, настолько важен: представляется, что он может объяснить, как практические значения вступают в систему как ее априори, до такой степени, что они обуславливают и дают начало целой структуре системы.

* * *

«Это априорный элемент в знании, который поэтому прагматичен, а не эмпиричен», – пишет К.И. Льюис в книге «Мышление и мировой порядок» (Lewis 1956: 266–267).

Этот радикальный прагматизм не объясняет, говоря словами Райхенбаха, «разложения» синтетического априори. Напротив, он порождает концепцию априори, которая избавляет от жесткого иннатизма и перемещает их на обозримый план непосредственного опыта нашего жизненного мира. Их историчность

¹¹ «Диспозиция для связи интерпретантов других знаков (...) является отличительным интерпретантом S_6 [формальный термин], поскольку S_6 устанавливает эту диспозицию независимо от того, что дополняется другим знаком. Это – диспозиция второго порядка (интерпретант), так как это диспозиция, необходимая для связи других диспозиций (интерпретантов) определенным образом. S_6 тогда – знак в предыдущем смысле слова. Поскольку характерная особенность знака – в том, что он дает начало интерпретанту, то это S_6 и делает» (Morris 1946: vi.2, p. 157).

поэтому перемещена из логического контекста формальной истины в трансцендентальный контекст праксиса, где содержится окончательный источник утверждающих истину критериев. Историчность появляется поэтому как конститутивная собственность, расположенная на более низком уровне достоверности *vis-à-vis* с субъектом.

Эта смена историчности на контекст объяснения препятствует любой исторической относительности истины. Истина остается абсолютно формальной и *независимой от времени*, поскольку она зависит от формальных правил, которые управляют каждой онтологической областью до окончательного уровня формальной онтологии. В отношении с этими правилами, но только в отношении этих правил, истинное предложение абсолютно верно: мы можем говорить здесь о Вечной истине (*ewige Wahrheit*). В теореме Пифагора нет никакой неотъемлемой историчности: эволюция скорее вносит интенциональности, на которых основывается процесс индукции или абстракции, которые произвели теорему, – если, взять, к примеру, расположение наших культур в историческом развитии, чтобы принять или отвергнуть постулаты Евклидовой геометрии.

В целом мы могли бы утверждать, что кантовская конститутивная функция познавательных возможностей (*Erkenntnisvermögen*) принадлежит чистому опыту. Трансцендентальная философия как наука о чистом разуме, наука о механизмах преобразования сырого восприятия в конститутивную объективность, наука о переработке сырого вещества (*Verarbeitung des rohen Stoff*) в конечном счете появляется как исследование конкретного, чистого, фундаментального опыта.

Поэтому среди его задач то, что вырисовывается из форм и содержания формального, интенционального и концептуального наследия, включенного в наш жизненный мир.

Литература

Ammermann R.R. (ed.) (1990) *Classics of Analytical Philosophy*, Hackett Publishing, Indianapolis-Cambridge.

Banfi A. (1967) *Principi di una teoria della ragione* [1926], Editori Riuniti, Rome.

Baxandall M. (1972) *Painting and Experience in Fifteenth Century Italy: A Primer in the Social History of Pictorial Style*. Oxford: Oxford UP.

Carnap R. (1963) «Replies to my Critics. Charles Morris on Pragmatism and Logical Empiricism», in Schilpp (1963), p. 860–862.

– (1938) «Logical Foundations of the Unity of Science», in Feigl & Sellars (1949), p. 408–423.

– (1936–1937) «Testability and Meaning», in Ammermann (1990), p. 130–195.

– (1932) «Über Protokollsätze», English transl. «On Protocol Sentences», in Sarkar (1996), p. 81–94.

– (1931–1932) «Die physikalische Sprache als Universalsprache der Wissenschaft», English transl. *The Unity of Science* (1934), Thoemmes, Bristol, 1995.

Feigl H. & Sellars, W. (eds) (1949) *Readings in Philosophical Analysis*, Appleton-Century-Crofts, New York.

James W. (2011) *The Essential William James*, ed. by John R. Shook, Prometheus Books, Amherst, ny.

Lewis C.I. (1970) *Collected Papers*, ed. John D. Goheen & John L. Mothershead jr., Stanford UP, Stanford.

– (1956) *Mind and the World Order. Outline of a Theory of Knowledge* (1929). New York: Dover.

– (1941) «Logical Positivism and Pragmatism», in Lewis (1970), p. 92–112.

– (1930) «Pragmatism and Current Thought», in Lewis (1970), p. 78–86.

– (1923), «A Pragmatic Conception of the A Priori», in Feigl & Sellars (1949), p. 286–294.

Morris C. (1946) *Signs, Language and Behavior*, Prentice Hall, New York.

– (1938) «The Unity of Science Movement and the United States», in Sarkar (1996e), p. 303–307.

– (1937) *Logical Positivism, Pragmatism and Scientific Empiricism*, Hermann, Paris.

Preti G. (1976) *Saggi filosofici*, La Nuova Italia, Florence, 2 vol.

– (1957a) *Praxis ed empirismo*, Einaudi, Turin.

– (1957b) *Alle origini dell'etica contemporanea. Adamo Smith²*, La Nuova Italia, Florence.

Sarkar S. (ed.) (1996) *Logical Empiricism at Its Peak: Schlick, Carnap, and Neurath / Science and Philosophy in the Twentieth Century: Basic Works of Logical Empiricism*, 2.

Scarantino L. (2011) «Giulio Preti ou le tournant pragmatique de la philosophie», *Revue de Synthèse*, 132(2): 559–561.

– (2011) «Насилие и великодушие: эпистемный подход», *Этическая мысль*. 11 / Отв. ред. А.А.Гусейнов: 120–139.

– (2007) *Giulio Preti. La costruzione della filosofia come scienza sociale*, Bruno Mondadori, Milano.

Schilpp P. A. (ed.) (1963) *The Philosophy of R. Carnap*, Open Court, La Salle.

Перевод с англ. к.полит.н. А.Ф. Яковлевой

Рациональность как ценность культуры

Рациональность и рациональности

Рациональность – одна из культурных ценностей. Без опоры на неё человек не смог бы действовать и познавать. Ибо действие предполагает рациональный выбор целей и подбор наиболее эффективных средств их осуществления, а получение истинных результатов в познании невозможно без использования рациональных методов.

Всякое рациональное действие – как познавательное, так и практическое – включает определённые формальные компоненты, которые изучаются в формальных дисциплинах: логике и математике. Это дедуктивная и индуктивная логика (исследования в этой области привели к созданию множества различных логических систем), это математическая теория принятия решений. Но практическая и познавательная рациональность невозможна без определённых содержательных предпосылок: без представления о мире и способах его постижения, без принятия системы ценностей, в рамках которой осуществляется постановка цели практического действия. А представления о мире и познании, принимаемые ценности оказываются исторически и культурно обусловленными. Так рациональность, понятая не узко формально, а в более широком смысле, оказывается культурным феноменом. В пользу этого утверждения можно привести множество примеров. Сошлюсь только на некоторые.

В античной культуре рациональность ценилась исключительно высоко, что нашло своё выражение в античной философии. При всех разногласиях между философами этого времени большинство из них исходило из того, что только с помощью разума, только рациональными методами можно постичь мир.

Умение рациональной аргументации было незаменимо при обсуждении общественных проблем. Римское право – одно из неоспоримых достижений рациональной мысли.

Но в античном понимании рациональности была одна важная особенность.

С этой точки зрения рациональное постижение того, что существует, осуществимо только в том случае, если человек не вмешивается в изучаемое явление, а описывает его таким, каково оно есть. Иными словами, эксперимент не может считаться рациональным средством изучения реальности. Ведь в эксперименте человек пытается «перехитрить» природу, поставить естественные явления в неестественные условия. В действительности с этой точки зрения «естественное» и «искусственное» несовместимы друг с другом. Техническая деятельность, создающая мир искусственных предметов, рассматривается как не имеющая отношения к познанию, а с точки зрения ценностной ставится не очень высоко – в отличие от деятельности теоретика. Главная цель теории в свою очередь усматривается в понимании природных явлений посредством доказательства, исходящего из посылок, истинность которых постигается интуитивно. Поэтому теория в рамках античной науки выступает как логическое развёртывание некоторого изначально данного содержания, которое созерцается, интуитивно схватывается. Отсюда и буквальный смысл слова «теория»: созерцание.

В Новое время возникает иная система установок, задающих отношение человека к природе, к самому себе и себе подобным. Природа и вообще всё естественно данное начинает пониматься в качестве простого ресурса человеческой деятельности, некоторого пластичного материала, в принципе допускающего возможность переделки и преобразования в интересах человека, который противостоит природным процессам, регулируя и контролируя их. Снимается противопоставление «естественного» и «искусственного»: природа выступает как гигантский механизм, выявить скрытые пружины которого можно только путём его разборки. По-

знавательная рациональность теперь понимается уже не как описание того, что дано в опыте, а как вмешательство в природные процессы с целью выявить «под пыткой» их тайну, и как рациональное создание того, что сама природа создать не может. Факты не столько описываются, сколько препарировываются и конструируются с помощью эксперимента. Рациональность осуществляется в рамках проективно-конструктивного отношения к миру. Научная теория содержит в потенции производство эмпирических феноменов в реальном эксперименте, а последний не что иное, как вид технической деятельности.

Рациональность начинает пониматься как способ контроля со стороны человека окружающей его природной и социальной среды и поэтому как способ человеческого освобождения.

С точки зрения античной философии именно с помощью разума можно выяснить, что является благом, что хорошо и что плохо в действии с моральной точки зрения. В средневековой европейской культуре высшие истины, лежащие в основе системы ценностей, это истины не разума, а откровения. Правда, они не неразумны, а сверхразумны, и нуждаются в разуме, в рациональном рассуждении для своего постижения (поэтому столь большого развития достигает схоластика, в рамках которой были получены интересные логические результаты). Действия, соответствующие высшим ценностям (например, Крестовый поход), вполне рациональны.

В культуре, возникшей в Западной Европе после XVII в., всё более распространяется представление о том, что образцом рационального действия является такое, которое рассчитывает соотношение издержек и вознаграждения в пользу последнего. Остальные действия с этой точки зрения попадают в разряд нерациональных. Во многом технологически и утилитарно понимаемая рациональность охватывает всё большие регионы культурной, социальной, экономической жизни, нередко подчиняя себе иные ценности. Победно шествует «рационализация», о чём писал в своё время Макс Вебер.

Между тем сегодня возникли вызовы существовавшим до сих пор представлениям о рациональности в её отношении к человеку. Возникла новая ситуация в обсуждении этой проблемы. Попробую более подробно остановиться на этом.

Современные вызовы рациональности

Вот первый из этих вызовов.

В наше время получили распространение взгляды, согласно которым рациональность как ориентир в понимании мира и как способ проектирования человеческой деятельности потерпела крах. В защиту этого взгляда выдвигается ряд аргументов. Вот некоторые из них.

1. Факт исторической и культурной изменчивости рациональности и представлений о ней (о чём я говорил выше) истолковывается как невозможность формулировать рациональные суждения, имеющие всеобщий характер и обладающие общезначимым смыслом. Согласно этой точке зрения то, что рационально для одной концептуальной и ценностной системы, является иррациональным для другой. Представители разных концептуальных и ценностных структур не могут понять друг друга. Рациональная дискуссия между ними невозможна. Рациональные высказывания и действия существуют только внутри определённой системы предпосылок. Сами же эти предпосылки (когнитивные и ценностные) принимаются на иррациональных основаниях. Бессмысленно говорить, какие из них лучше и хуже, какие более рациональны, чем другие. Поэтому мы не можем понять рациональность представлений, выдвигавшихся ранее в истории мысли. Поэтому с этой точки зрения мы не можем сегодня вступать в рациональный диалог с представителями иных культур. Но ведь принимаемые в той или иной культуре представления о мире и ценностные предпосылки не только определяют характер рациональности, но и являются основой культурной и индивидуальной идентичности. Без них человек как существо, ответственное за свои поступки, не существует. Поэтому мы должны просто принимать существование разных представлений о рациональности, быть в этом смысле толерантными.

2. Но дело не только в предпосылках и ценностных основаниях познания и действия. Некоторые сторонники социологического подхода в изучении производства и динамики научного знания пытаются показать, что принятие научным сообществом теорий и даже утверждений о фактах определяется вовсе не рациональными соображениями, а результатами борьбы между группами учёных

за власть и распределение финансов. Ссылка на рациональные аргументы с этой точки зрения лишь камуфлирует реальные механизмы производства научного знания.

3. На смену идеи о возможности рационального осмысления и контроля мира межчеловеческих отношений выдвигается представление о невозможности рационального осмысления и действия в больших масштабах. Это представление обосновывается концепцией современного мира как мира нестабильных, быстро меняющихся социальных связей, мира хаоса, риска и непредвиденных опасностей, идеями о фрагментации индивидуальной жизни, о стирании грани между нормой и отклонением от неё. Считается, что именно в таком нестабильном и де-иерархизированном мире человек обретает подлинную свободу, которая сковывается рациональными предписаниями.

4. В современных дискуссиях о рациональности нередко делаются ссылки на обнаруженные наукой факты, свидетельствующие о роли иррациональных факторов в человеческом поведении и мышлении. Прежде всего это факты самообмана, влияния на поведение и понимание несознаваемых желаний и мотивов, принятие желаемого за действительное (*wishful thinking*) и т. д. Согласно некоторым концепциям (например, психоанализу) человек вообще существо не рациональное, а иррациональное: рациональность только маскирует нерациональные факторы, определяющие его поведение. «Рационализация» мотивов действия с этой точки зрения – не что иное, как самообман, неспособность осознать реальные движущие факторы поведения.

5. Как показали экспериментальные исследования американских психологов А.Тверского и О.Каннемана, большинство людей в некоторых ситуациях действуют не в соответствии с рациональными нормами, а систематически их нарушают.

6. Наконец, нужно признать, что существует много проблем (в современном мире их становится всё больше), для решения которых недостаточно человеческих способностей к рассуждению и ограниченных ресурсов его памяти. В этом отношении человек сильно уступает компьютеру, а в дальнейшем будет уступать ещё больше. К тому же часто приходится принимать решения в условиях отсутствия части информации и ограниченного времени, отпущенного для рационального решения. Поэтому мы в луч-

шем случае можем говорить об ограниченной рациональности (bounded Rationality), о «минимальной рациональности» человека (minimal Rationality).

Я изложил аргументы (выдвигаемые разными мыслителями и в рамках разных концепций) в пользу того, что рациональность в лучшем случае должна пониматься как ограниченная, что она не может сегодня рассматриваться как одна из высших культурных ценностей, что популярный в прошлом идеал рационализации межчеловеческих отношений, понимание рациональности как средства достижения свободы, должны быть отброшены. В некоторых кругах разговоры о рациональности считаются чем-то архаичным. Подобные представления широко распространились в современной культуре: не только в философии, но и в науках о человеке и обществе, в теории образования. Так, например, некоторые теоретики образования считают, что в школе нужно развивать прежде всего не критическое мышление, а эстетические способности, не умение аргументировать свою позицию, а аффективность и воображение; авторитет учителя должен быть существенно снижен, ибо именно учитель с этой точки зрения воплощает репрессивные нормы культуры, в частности, репрессивные нормы рационального рассуждения.

Между тем по поводу каждого из изложенных аргументов против рациональности можно возразить. Не буду делать это детально, а изложу лишь некоторые общие соображения.

Культурная и историческая изменчивость в понимании рациональности не означает, что не существует её общих стандартов и что дискуссия между представителями разного понимания рациональности невозможна. Общие стандарты рациональности в виде правил логического рассуждения и формальной теории принятия решений существуют. Что же касается содержательного понимания рациональных аргументов, то или иное понимание всегда будет иметь преимущество перед другими в решении конкретных познавательных и практических задач. При этом оказывается возможным выяснение границ и перспектив определённого понимания рациональности с точки зрения другого. Так, например, с точки зрения современной физики можно понять физику Аристотеля и объяснить её границы. Диалог между представителями разных концептуальных каркасов и систем цен-

ностей возможен при всех его трудностях. В ряде случаев, как об этом свидетельствует история и современность, он оказывается весьма плодотворным.

Исследования производства и динамики научного знания не смогли убедительно показать, что рациональные аргументы не играют роли в этом процессе. Напротив, выяснилось, что при всех внутринаучных обсуждениях, участники которых могут руководствоваться разными мотивами, именно соображения рациональной обоснованности оказываются в последнем счёте решающими.

Признавая, что бессознательные мотивы играют важную роль в человеческой жизни, что случаи самообмана действительно имеют место (для признания этих фактов не обязательно быть сторонником психоанализа), нельзя не видеть, что нормальное участие в социальной жизни предполагает осознание бессознательных влечений и их рациональный контроль. Именно рациональность – условие возможности ответственных поступков.

Конечно, существуют границы принятия рациональных решений, связанные с психофизиологическими особенностями человека и с объективными обстоятельствами, в которых ему приходится действовать. Это не значит, что плоха сама по себе рациональность и что от неё следует отказаться. Из этого следует только то, что нужно расширять возможности принятия рациональных решений, используя для этого разные вспомогательные средства, в том числе интеллект компьютера.

А теперь я сформулирую три главных аргумента против тезиса о том, что человек живёт сегодня в мире хаоса, в мире исчезнувших иерархий и что именно это освобождает его от репрессивных предписаний рациональности и создаёт новые возможности для его свободы.

Аргумент от свободы. Замена порядка хаосом кажется увеличением пространства свободы. В действительности человек, который не может предвидеть результаты собственной деятельности, который к тому же «умер» как субъект собственной жизни и биография которого распалась на группу несвязанных между собой эпизодов (а именно это утверждают сторонники данной точки зрения), который поэтому не может нести никакой ответственности за свои действия, который живёт в мире «новой магии», является идеальным объектом для пропаганды и иных манипуляций с со-

знанием, такой человек не может быть свободным. Поэтому, если бы рациональность действительно была бы изжита, вместе с ней пришлось бы отказаться от свободы. Человек не пойдёт на это, пока он остаётся человеком.

Аргумент от культуры. Культура – это внесение определённого порядка в хаос. Это способ осмысления человека и мира. А это предполагает классификацию событий, их иерархизацию, оценку, наличие правил деятельности, отличие нормы и патологии. Иными словами, культура всегда предполагает некие рациональные процедуры. Хаос не может быть парадигмой культуры. Отказ от рациональности означает отказ от культуры. Но вне культуры человек невозможен.

Аргумент от рисков и кризисов. Современная цивилизация порождает кризисы и риски (недаром её называют иногда «цивилизацией рисков»). Это и экологический кризис, и кризис во взаимоотношениях разных культур, и многочисленные техногенные риски. От того, удастся ли человечеству выйти из этих кризисов и справиться с растущими рисками, зависит его будущее. Между тем решение этой проблемы возможно только на пути нового рационального понимания отношений человека и природы, отношений между человеком и созданной им техносферой, отношений различных культур между собой. Возможность рисков должна предвидеться, должны быть выработаны средства их контроля. Это можно сделать лишь рациональным образом.

И вообще сегодня широко принятым является мнение о том, что современная цивилизация во всё большей мере превращается в «цивилизацию знаний», в которой производство, распространение и использование знаний определяющим образом влияют на технические, экономические, социальные и культурные процессы. Особую роль при этом играет научное знание. Знание, тем более научное, предполагает рациональную обоснованность. В цивилизации знания особую роль играет технаука, отличающаяся тесной взаимосвязью фундаментального знания о природе, человеке и обществе и технологических рекомендаций по использованию этого знания для трансформации реальных процессов. При этом такие продукты современной технауки, как нано-, био-, информационные и когнитивные технологии начинают использоваться для радикального изменения окружающего человека мира

и самого человека. Рациональность не только не сдаёт своих позиций, а наоборот, приобретает тенденцию стать доминирующей силой человеческой жизнедеятельности и способность изменить самого человека. Сегодня популярными становятся научно-технократические утопии о создании пост-человека, которые являются не только утопиями, но задают программы конкретных научных и технологических разработок, которые сегодня интенсивно осуществляются.

Это второй вызов пониманию рациональности. Из условия человеческой жизни рациональность при таком понимании становится сверхрациональностью, оттесняющей остальные ценности и способной трансформировать человека в существо иного рода.

В рамках такого понимания рациональности существует два подхода.

Первый из них связан с идеей симбиоза человека с интеллектуальными вычислительными устройствами. Рациональное мышление человека отличается от вычислительной деятельности компьютера. Но компьютер может рационально решать множество задач, которые непосильны человеку вследствие его психофизиологических ограничений. Согласно этой точке зрения в «электронном обществе» искусственные интеллектуальные устройства не только играют всё более важную роль, но во многих случаях могут диктовать человеку линию поведения. Свобода человеческих действий, основанная на свободе рациональных решений, будет подвергаться всё большим ограничениям. И человек будет охотно идти на это, считают сторонники этой точки зрения, т. к. общество становится всё более сложным и порождает всё большее количество рисков, вследствие чего многие люди согласятся на внешний контроль за их поведением ради собственной безопасности. В таком сверхрациональном обществе границы между моим и чужим, между частным и публичным пространством будут всё более размываться. Преодоление ограничений человеческой рациональности ищется на пути соединения человека с искусственными вычислительными устройствами, которые становятся его «неорганическим телом», на пути создания «электронного человека».

Второй подход связан с развитием генных и нанотехнологий, с идеей модификации человеческой телесности. В определённой степени эта модификация возможна уже сегодня. Очевидно, что

в будущем она получит ещё большее развитие. Сторонники этих подходов считают, что на основе научного знания человек получает сегодня возможность взять на себя ту работу, которую до сих пор бессознательно и стихийно делала природа, а именно: рационально управлять процессом биологической эволюции и создавать такие формообразования, которые до сих пор могла создавать только природа, и даже такие, которые сама природа не может породить. Граница между естественным и искусственным с этой точки зрения в принципе преодолима.

Возможности, предоставляемые генной инженерией и нанотехнологией, связываются рядом теоретиков с идеей выхода за пределы человеческих ограничений и создания «постчеловека», который будет в ряде отношений совершеннее человека: более здоровым, более сильным, более ловким, будет жить гораздо дольше (некоторые говорят даже о бесконечном продлении жизни).

Сторонники подобных идей считают, что «пост-человек» будет также и гораздо более рациональным существом, чем существующий сегодня человек. Во-первых, с помощью вмешательства в работу мозга и сенсорных систем можно будет серьёзно увеличить объём принимаемой им информации и быстродействие процессов её переработки. Но не это главное в модификации человеческой рациональности, т. к. человек в любом случае никогда не сравнится с искусственным вычислительным устройством – поэтому без симбиоза человека и вычислительной машины всё равно не обойтись. На человеческую рациональность можно и должно с этой точки зрения воздействовать также иным образом. Речь идёт прежде всего о рациональности практических действий.

Дело в том, что последняя определяется, во-первых, рациональным формулированием и выбором целей из имеющегося у человека множества предпочтений и, во-вторых, рациональным выбором средств, построением планов наиболее эффективного осуществления выбранных целей. И предпочтения, и цели, и средства существуют в рамках определённых ценностей. Это могут быть индивидуально принимаемые ценности, но среди них обязательно есть ценности надиндивидуальные, принимаемые в определённой культуре, сообществе, социальной группе. Существование этих ценностей – продукт стихийной исторической эволюции разных культур. С точки зрения рационального научного понимания чело-

веческой природы, считают сторонники данного подхода, многие из этих ценностей являются анахронизмом, мешающим превращению человека в рационального пост-человека. С этих позиций есть набор коренных потребностей, вытекающих из человеческой природы. Это потребности в физическом выживании, в здоровье, в долголетию, в способности мыслить и общаться. Эти потребности, общие для всех людей, и должны определять ценностную систему. В будущем рациональном «постчеловеческом» обществе должны остаться только ценности, соответствующие этим базовым потребностям. Остальные ценности должны отмереть как лишние и даже вредные. Такие ценимые нами ценности, как свобода, диалог с другими, любовь, сострадание, самопожертвование и другие, исключительно важные для нас сегодня, вряд ли будут необходимы в этом будущем обществе.

Я рассказал о двух современных вызовах пониманию рациональности и её культурного смысла. Первый вызов подвергает сомнению принципиальную важность рациональности в человеческой жизнедеятельности. Второй выглядит как противоположный первому, т. к. ратует за сверхрациональность, вытесняющую или отменяющую остальные человеческие ценности. Но у обоих вызовов есть и нечто общее: оба они разъединяют рациональность и свободу. Первый предлагает сузить область рациональности во имя свободы, второй область свободы во имя рациональности.

Для того, чтобы лучше оценить оба эти подхода и показать их несостоятельность, я сформулирую два возможных понимания рациональности.

Два понимания рациональности

Рациональность может быть понята в двух смыслах¹.

Первое понимание таково. Рациональность – это деятельность в рамках принятой системы когнитивных и ценностных предпосылок. Эта деятельность регулируется определёнными нормами и правилами, которые тоже считаются принятыми и потому не

¹ Развиваемые мною идеи о двух пониманиях рациональности коррелируют с размышлениями известного российского философа В.С.Швырёва о закрытой и открытой рациональности.

пересматриваются. Рациональной в этом смысле является деятельность по формулированию суждений о фактах, по постановке гипотез, по планированию и осуществлению экспериментов. Рациональна деятельность по развитию теории, по экспликации её исходных утверждений, по решению задач, возникающих в рамках принятой теории. Рациональна практическая деятельность по осознанию предпочтений и выбору между ними на основе определенных стандартов, по формулированию целей, по выбору наиболее эффективных средств их осуществления. Такое понимание рациональности широко принято и соответствует тому, что имеет место в культуре. Оно оказывается весьма эффективным.

Но у него есть один важный недостаток. Это понимание и использование рациональности исходит из неких предпосылок – когнитивных и ценностных, которые принимаются как данные и не подвергаются критической рефлексии. Так понятая рациональность при её использовании может дать определённый эффект. Но он будет ограниченным. В более широкой перспективе он может быть разрушительным. Так, неспособность выйти за рамки определённой теории может блокировать интеллектуальный прогресс и превратить работу по её рациональному совершенствованию в разновидность схоластики. Рациональное осуществление действия на основе осознания имеющихся у индивида предпочтений может столкнуться с действиями других индивидов, исходящих из других предпочтений, и в итоге оказаться неэффективным.

Подобное понимание рациональности может быть и более опасным. Это происходит тогда, когда некоторое представление или некая теория считаются совершенно бесспорными, и к тому же основаниями для практических действий по трансформированию мира. Именно таковы современные идеи о модификации человека и создании «постчеловеческого» общества. Но подобного рода попытки имели место и в прошлом. Приведу два примера.

Первый – это предложенное в 1970-х гг. классиком бихевиористской психологии Б.Скиннером понимание рационального общества. Так же, как рациональное обучение предполагает его программирование (Скиннер внёс большой вклад в разработку теории программируемого обучения), идеальное общество, по Скиннеру, должно программировать поведение человека, делая его разумным, т. е. целесообразным с точки зрения интересов социального

целого. Дело не в моральных качествах человека и не в его свободном выборе (они не нужны в идеальном обществе), а в программировании рационального поведения индивида. Рациональное общество и рациональный индивид существуют, по Скиннеру, «по ту сторону свободы и достоинства».

К счастью, никто не собирался реализовать идеи Скиннера на практике. А вот другой проект рационального общества пытались осуществить в жизни. При этом с катастрофическими последствиями. Я имею в виду идеи К.Маркса о рационализации общественных отношений.

К.Маркс был гуманистом. Его понимание гуманизма продолжало то представление, которое было развито в европейской культуре в Новое время: человек делается свободным в той мере, в какой он может контролировать природное и социальное окружение и использовать внешние ему процессы для нужд своего развития. Но это предполагает рациональное постижение этих процессов и возможность предсказывать их результаты. Гуманизация общества и самого человека совпадает, по Марксу, с рационализацией социальных отношений (они должны стать «прозрачными», по его мнению). Эта рационализация, по Марксу, возможна на основе построения такой системы отношений, которые разумно планируются в интересах всего общества. Каждый индивид ведёт себя разумно в той мере, в какой он соотносит свои индивидуальные цели с рационально понятым социальным благом. Сам Маркс был врагом бюрократизма и авторитаризма. Но на практике его представление о рациональности социальных отношений не могло не породить тоталитарную систему. Ибо рациональная калькуляция социальных процессов сверху предполагает создание огромного бюрократического аппарата, который безжалостно подавляет всё то, что уклоняется от так понимаемой рациональности.

Конечно, понимание рациональности как деятельности в системе не оспариваемых и не критикуемых предпосылок не обязательно должно сопровождаться столь драматическими последствиями. Но оно в любом случае является уязвимым, если не дополняется иным пониманием рациональности.

Другое понимание состоит в том, что рациональность предполагает также и рефлексивное осознание и пересмотр самих когнитивных и ценностных предпосылок. Для этого нужно выйти за

пределы этих предпосылок. А это становится возможным в условиях критического диалога с носителями иных когнитивных и ценностных представлений. В случае познания это дискуссии между разными теориями и исследовательскими программами. В случае практических действий – это коммуникация и критическое обсуждение имеющихся предпочтений у отдельных индивидов, социальных групп, разных культур. В результате этих дискуссий имеющиеся предпосылки развиваются и пересматриваются: как представления о мире и способах познания, так и индивидуальные предпочтения, отдельные ценностные представления. Сегодня в ситуации глобализации и интенсивного взаимодействия разных культур роль критической рефлексии и рационального диалога оказывается исключительной.

Но критический диалог в качестве условия своей возможности предполагает свободу и равенство его участников и доверие друг к другу. Рациональное обсуждение может быть только на основе свободного и сознательного выдвижения аргументов, ответа на аргументы, выдвинутые другими, и доверия к искренности собеседника. Таким образом, рациональность, понятая как рефлексивная и критическая деятельность, возможна только в определенной ценностной системе, по крайней мере в системе, включающей свободу, взаимное признание, взаимное доверие. Рациональность не сводится к свободе, а свобода к рациональности. Но они взаимно предполагают друг друга. Вообще рациональность как важнейшая ценность культуры предполагает наличие определённых моральных обязательств, т. е. и сострадание, и самоотверженность, и любовь. Совокупность этих качеств и делает человека человеком.

Нужно сказать, что философия, начиная с античности, выступала как критическая рациональная рефлексия в отношении существующей культуры и играла важнейшую роль в пересмотре принятых представлений, в отвержении существующих предрассудков, в придании импульса культурному развитию. Сегодня эта роль философии ещё более важна. При этом если раньше философия в основном ориентировалась на интеллектуальную элиту, то сегодня она может обращаться к гораздо более широкой публике. В условиях возникающего «общества знания» и интенсивного вза-

имодействия разных культур рефлексивное и критическое рациональное мышление всё в большей мере становится условием повседневной жизни.

Особенно важно сегодня развитие способностей к критическому и рефлексивному рациональному мышлению в системе образования. Многие теоретики и практики образования в ряде стран (в частности, в США и России) считают, что лучше всего это можно сделать с помощью преподавания философии в школе течении ряда лет, ибо именно философия в большей степени, чем какая-либо научная дисциплина, раскрепощает мышление, позволяет поставить под вопрос то, что обычно считается само собой разумеющимся. При этом речь идёт не о преподавании философских концепций и изучении философских произведений, а о приобретении к философскому мышлению. Ученики с помощью специально написанных текстов вовлекаются в обсуждение проблем, не имеющих общепринятых решений. Между учениками возникает спор, нечто вроде сократического диалога, в ходе которого его участники ставят друг другу вопросы, отвечают на них, выдвигают аргументы против даваемых ответов, формулируют контраргументы, ставят новые вопросы и т. д. В ходе такого диалога его участники приобретают умение не только рассуждать, приводить аргументы, но и находить аналогии, учитывать контекст, выдвигать гипотезы, предлагать нетривиальные решения. У них формируется критическое рациональное мышление. Они учатся умению задавать такие вопросы, которые предполагают нетривиальные ответы. Вопросы участников диалога друг другу позволяют выявить такие предпосылки в рассуждении собеседника, которые неясны ему самому. Важную роль в организации диалога играет учитель. Он ставит такие вопросы перед учениками, которые не предполагают однозначного ответа, но стимулируют дискуссию и направляют её.

* * *

Итак, рациональность была и остаётся одной из важнейших культурных ценностей, тем, что делает человека человеком. Свобода, взаимное признание, моральные ценности невозможны без рациональности, а рациональность без них. Сегодня понимание и

практика рациональности сталкиваются с новыми вызовами. Существует опасность как отказа от рациональности в качестве одной из высших культурных ценностей, так и понимания её в качестве подавляющей другие ценности и самого человека. Между тем без рациональной рефлексии, без критического обсуждения принятых когнитивных и ценностных представлений и практических предпочтений культура и человек не имеют будущего.

Авторы

Абель Гюнтер (Германия) – доктор философии, профессор Института философии Технического университета Берлина, член Международного института философии

Агацци Эвандро (Италия) – доктор философии, профессор гуманитарного факультета Автономного Столичного Университета Мехико, президент Международной академии философии науки, почетный президент Международной федерации философских сообществ и Международного института философии, иностранный член РАН

Вандервекен Даниэль (Канада) – доктор философии, профессор Университета Квебека, член Международного института философии

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович – академик РАН, директор Института философии РАН

Лекторский Владислав Александрович – академик РАН, заведующий отделом эпистемологии и логики Института философии РАН, член Международной академии философии науки, член Международного института философии

Ленк Ханс (Германия) – доктор философии, почетный профессор Института философии Университета Карлсруе, почетный президент Международного института философии

Мостерин Хесус (Испания) – доктор философии, профессор Института философии Центра Национального научного совета Испании (CSIC), член Международного института философии и Международной академии философии науки

Рабинович Влодек (Швеция) – доктор философии, профессор факультета философии Университета Лунда, член Международного института философии

Сен-Сернан Бертран (Франция) – доктор философии, почетный профессор факультета философии Сорбонны, член Института Франции, член Международного института философии

Скарантино Лука Мария (Италия) – доктор философии, генеральный секретарь Международной федерации философских сообществ, главный редактор международного философского журнала “Diogenes”

Степин Вячеслав Семенович – академик РАН, научный руководитель Института философии РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, член Международного института философии

Хинтиikka Яаакко (Финляндия) – профессор факультета философии Университета Бостона, иностранный член РАН, член Международного института философии

Научное издание

Рациональность и её границы

Материалы международной научной конференции «Рациональность и её границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15–18 сентября 2011 г.)

*Утверждено к печати Дирекцией
Института философии РАН*

Художник Н.Е. Кожина

Технический редактор Ю.А. Аношина

Корректор А.А. Гусева

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 31.07.12.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 15,00. Уч.-изд. л. 11,53. Тираж 500 экз. Заказ № 020.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор авторов

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>

Вышли в свет

- 1. Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2011. – 252 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0196-9.** Пятый выпуск ежегодного сборника, подготовленный Сектором биоэтики и гуманитарной экспертизы Института философии РАН, представляет собой результаты исследований сотрудников данного подразделения совместно с учеными из других подразделений и институтов. Авторы представляют широкое тематическое разнообразие в изучении философских аспектов биоэтики и гуманитарной экспертизы. Дается интересный философско-антропологический анализ фундаментальных проблем комплексного изучения человека. Также в сборнике представлено обсуждение моральных проблем, возникающих в практике преподавания, психотерапии и психокоррекции, что является важным дополнением к исследованиям в области биотехнологий, которым традиционно уделяется пристальное внимание сотрудников сектора. Третий раздел сборника посвящен публикациям сотрудников группы виртуалистики.
- 2. «Вехи» – 2009. К 100-летию сборника [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Ред.–сост. В.И. Толстых. – М.: ИФРАН, 2011. – 217 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0206-5.** Авторы сборника, участники состоявшейся публичной дискуссии, сосредоточили свое внимание на главной идее и проблеме российской истории, связанной с её настоящим и будущим. Это – место и роль России во всемирно-историческом процессе, в ряду наиболее значимых стран и цивилизаций. Своей небольшой книгой, обращенной к интеллигенции, веховцы вызвали активный и неоднозначный отклик-ответ всех значимых общественных сил и групп того времени, и позднее – тоже. Вот и наша дискуссия, более скромная по своему замаху и составу, тоже обратилась к вопросам, не только острым и злободневным, но и исторически несколько не устаревшим.
- 3. Голобородько Д.Б. Концепции разума в современной французской философии. М.Фуко и Ж.Деррида [Текст] /Д.Б. Голобородько; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 177 с.; 17 см. – Библиогр. в примеч.: с. 85–95. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0183-9.** Книга посвящена философско-антропологическому анализу знаменитой полемики о разуме и неразумии. Рассматривается ряд критических подходов к проблеме рациональности во французской философии XX в. Дается обзор критики разума в работах А.Кожева, Ж.Батая, М.Бланшо. Анализируются концепции «археологии знания» (М.Фуко) и «деконструкции» (Ж.Деррида). В центре исследования такие понятия, как «Другой», «безумие», «исключение», «власть», «различие». В приложении помещены

переводы ключевых для исследуемой полемики текстов: «*Cogito et histoire de la folie*» Ж. Деррида (публикуется в новом переводе) и «*Mon corps, se rarifier, se feu*» М. Фуко (на русском языке публикуется впервые).

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся современной философской и политической антропологией.

Логика высказываний имеют место только при семантике с двумя истинностными значениями.

4. **Знание как предмет эпистемологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФ РАН, 2011. – 223 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0201-0.**

В книге рассматриваются фундаментальные вопросы эпистемологии: природы знания, соотношения знания и незнания, знания и истины, истины и правды, специфики научного знания и знания практического, дескриптивного и прескриптивного знания. Наряду с традиционными фундаментальными вопросами представлены статьи, касающиеся менее известной проблематики, в которых знание рассматривается в контексте исследований сознания, личностной идентичности, риторики, проблемы перевода.

5. **История философии. № 17 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.И. Блауберг. – М.: ИФРАН, 2012. – 287 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 1 000 экз. – ISSN 2074-5869.**

В данном номере журнала, посвященном проблемам западноевропейской философии, представлены как исследовательские статьи, так и переводы. Отдельный тематический блок составили статьи, в которых рассматриваются проблемы исторической интерпретации, в частности вопросы теории и методологии историко-философского исследования. Следующий цикл статей объединен тематикой антропологии, «я», личности. Здесь исследуются вопросы философской антропологии в учении Гегеля, в концепции испанского мыслителя П. Лаина Энтральго, в философии П. Рикёра. Тематически с этим связана работа известного французского историка философии В. Карро о проблеме «я» у Паскаля. В журнале также освещаются философские концепции Э. Гуссерля и А. Платинги, проблема этической связи мудрости и науки.

6. **Кара-Мурза А.А. Свобода и Вера. Христианский либерализм в российской политической культуре [Текст] / А.А. Кара-Мурза, О.А. Жукова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 184 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0210-2.**

В книге известных российских ученых, докторов философских наук А.А. Кара-Мурзы и О.А. Жуковой ставится важнейшая для отечественной социальной и культурнофилософской мысли проблема синтеза либеральных и христианских ценностей в российской культурно-политической традиции. Центральной задачей авторов является реконструкция христианско-либе-

ральной (либерально-консервативной) традиции в интеллектуальном и политическом опыте выдающихся общественных деятелей России XIX – XX вв. – Ивана Аксакова, Михаила Стаховича, Василия Караулова, Петра Струве, для которых эволюционный путь развития России был связан с синтезом русской «самобытности» и европейской «универсальности» в логике обретения свободы лица как основания правового порядка.

Работа адресована специалистам в области истории отечественной политической культуры. Исследование может быть использовано студентами и аспирантами гуманитарных вузов в процессе изучения историко-культурного наследия России.

7. ***Корзо М.А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века [Текст] / М.А. Корзо; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 155 с.; 20 см. – Библиогр.: с. 1450–154. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0186-0.***

Исследование посвящено анализу системы нравственного богословия церковного деятеля, богослова и педагога второй половины XVII в. Симеона Полоцкого, принадлежавшего к числу приглашенных московским правительством выходцев с православных земель Речи Посполитой, которые получили богословское образование в Киево-Могилянской академии или в иных учебных заведениях, испытывавших сильное влияние системы образования иезуитов. Сочинения авторов этого круга, и в первую очередь Симеона Полоцкого, положили начало той линии развития русского (московского) православия XVII в., которая формировалась под значительным влиянием католического нравственного богословия.

В книге реконструируются основные источники системы, влияния иных (помимо православной) конфессиональных традиций; выявляются её композиционные и содержательные особенности; на примере заповедей второй скрижали Декалога анализируется предлагаемая богословом программа практического поведения христианина в миру.

8. ***Космология, физика, культура [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.В. Казютинский. – М.: ИФРАН, 2011. – 243 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0204-1.***

Становление научной космологии анализируется в контексте культуры. Сделана попытка понять, как известные модели науки, рассматриваемой в качестве феномена культуры, позволяют описать разные эпохи истории космологии – от коперниканской до современной. Изучены основания метода современной космологии: математических гипотез, концептуальных структур, генерируемых в их рамках, эмпирического обоснования этих гипотез. Обсуждается проблема «непостижимой эффективности математики» в космологии. Рассмотрена проблема применимости к сверхранней Вселенной понятий пространства, времени и др. Продемонстрирована

многомерность универсалий культуры «мир», «природа», «бесконечность», «эволюция» в их космологических аспектах. Большое внимание уделено мировоззренческим ориентациям космологии.

9. **Кузнецов, М.М.** Опыт коммуникации в информационную эпоху. Исследовательские стратегии Т.В. Адорно и М. Маклюэна [Текст] / М.М. Кузнецов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 143 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0196-9.

В монографии дается философский анализ новых структур коммуникативного опыта, сложившихся к концу XX – началу XXI вв. в результате бурного развития информационных технологий, исследуется взаимосвязь когнитивной деятельности и коммуникативных практик, а также роль коммуникации в формировании стереотипов поведения и мышления. В центре внимания автора – концепции Т.Адорно и М.Маклюэна, раскрывших в своем творчестве конститутивную роль средств коммуникации в структурировании различных типов ментальности и форм человеческой жизнедеятельности.

10. **Лазарев В.В.** Идея целостности в русской религиозной философии (середина XIX – начало XX в.) [Текст] / В.В. Лазарев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2012. – 222 с.; 20 см. – Библиогр.: с. 202–204. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0213-3.

Анализируется круг проблем, к которым было приковано преимущественное внимание русских философов указанного периода. Это – идущее от А.С.Хомякова философское осмысление Божественного Троиинства; русская идея в конвенции Всеединства, Богочеловечества, Соборности, разрабатывавшиеся В.С.Соловьевым и последующими религиозными мыслителями; историософские концепции, касающиеся судьбы России и имеющие современное звучание; проблемы преодоления зла в мире в связи с непреложностью человеческой свободы выбора между добром и злом; осмысление трагедии земного существования; напряженность между Божественной благодатью и человеческой свободой; внутренняя проблема философии как способа преодоления недостатков и односторонностей монизма и дуализма через интенсивную разработку принципа монодуализма Н.А.Бердяевым, С.Л.Франком, Б.П.Вышеславским, В.В.Зеньковским и другими философами.

11. **Методология науки и антропология** [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: О.И. Генисаретский, А.П. Огурцов. – М.: ИФРАН, 2012. – 287 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0209-6.

Коллективный труд «Методология науки и антропология» подготовлен в Центре методологии и этики науки ИФ РАН. Он состоит из двух разделов. В первом разделе «Методология науки и антропологический поворот в философии» авторы сборника в противовес дегуманизации современ-

ной философии науки и элиминации ею познающего субъекта обсуждают эпистемологический статус психологических теорий, раскрывают содержание эпистемологии без познающего субъекта К.Поппера, анализируют проблемы власти и политической антропологии. Второй раздел посвящен соотношению философии науки и дискурсивных практик – методам понимания в процессах и системах управления, основаниям практик открытого образования, эффективности стратегий развития образования и дилеммам «двух культур». В качестве приложения публикуется статья американского логика И.Бентема «Куда идет логика?», в которой осмысляются контексты логических рассуждений.

Сборник представляет интерес для философов, психологов, специалистов в области образования и управления.

12. **Наука и социальные технологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. И.Т. Касавин. – М.: ИФ РАН, 2011. – 203 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0200-3.**

Сборник включает серию статей, каждая из которых встраивает понятие социальных технологий в свой собственный оригинальный контекст, задавая, таким образом, все новые определения социальных технологий (курс-технологии, мягкие и жесткие социальные технологии, технологии конструирования субъекта и т. д.). Несмотря на разнообразие точек зрения на данную проблему, авторы единогласно увязывают ее с темой управления и власти. Коммуникативная и медийная, языковая, научная среды предстают в результате как основа властных и управленческих процессов, а значительная часть современных общественных отношений – как взаимодействие и столкновение бесчисленных социальных технологий.

13. **Неретина, С.С. Концепты политической культуры [Текст] / С.С. Неретина, А.П. Огуцов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 279 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0187-7.**

Существуют различные методологические и теоретические стратегии в определении сути политики. Авторы выбрали путь выявления и описания концептов политической культуры как тех инвариантных структур сознания, которые образуют систему отсчета многообразных установок и оценок личностью власти, собственности, других людей и социальных групп. По своему генезису концепты являются смыслопорождающими началами, которые обусловлены авторскими интенциями и усилиями мысли того или иного теоретика, но при всей смене политических концепций и идеологических доктрин они достаточно устойчивы. Политическая мысль имеет дело с концептами и с концепциями, а не с понятиями и теориями. Концепт составляет ядро политических концепций Платона, Аристотеля, Л.Штрауса, Х.Арендт и др.. В философии политики XX в. осознается ограниченность методов рефлексивного анализа, на котором зиждилась классическая политическая мысль, и они замещаются процедурами герменевтики и «понимающими» и проектирующими моделями.

14. **Ориентиры... Вып. 7 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Т.Б. Любимова. – М.: ИФ РАН, 2011. – 187 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0190-7.**

Идеология пронизывает социальную жизнь во всех ее проявлениях, присутствуя в ней как явным, так и неявным образом. От теорий, провозглашавших смерть идеологии, давно отказалась социальная наука, однако в нашей стране исследованиям идеологических процессов все еще не уделяется достаточного внимания. Восполняя этот пробел, авторы сборника исследуют роль идеологии в процессе модернизации, а также некоторые существенные моменты идеологических процессов в России. Постоянная тема серии данных сборников – «Восток и Запад», – представлена как преломление в восточных культурах западных информационных технологий и стереотипов.

15. ***Петр Абеляр. История моих бедствий [Текст] / Петр Абеляр; перевод с лат. С.С. Неретиной; [примеч. С.С. Неретиной] / Послесловие С.С. Неретиной. Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 125 с.; 20 см. (Философская классика: новый перевод). – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0205-8.***

Новый перевод одного из первых автобиографических произведений Средневековья «Истории моих бедствий», принадлежащего перу Петра Абеляра, «второго Аристотеля», как его называли в XII в. Тщательно продумываемая история, трансформируясь в сознании конкретного индивида, преобразуется в личностный концепт, т. е. в тот опыт уникального, которому «Бог свидетель». Это одно из первых произведений Средних веков, которое можно назвать Книгой интеллектуала.

16. **Политико-философский ежегодник. Вып. 4 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. – М.: ИФРАН, 2011. – 203 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0195-2.**

Четвертый выпуск «Политико-философского ежегодника» освещает актуальные вопросы политического знания по трем рубрикам. В главной из них («Государство и гражданское общество») под разными углами анализируются проблемные аспекты взаимодействия названных ключевых институтов современной политики. Рубрика «Мифы и призраки политической философии» отвечает веяниям сегодняшней интеллектуальной моды в политологии. Закрывают выпуск статьи по традиционной для Ежегодника российской тематике.

В работе проанализированы воззрения крупнейших русских естествоиспытателей XIX–XX вв. – И.М.Сеченова, Д.И.Менделеева, И.И.Мечникова, К.А.Тимирязева, И.П.Павлова, К.Э.Циолковского, их контакты с философией, заимствования из нее, то новое, что было привнесено ими в русскую философскую мысль.